

Воронежский государственный университет
Межрегиональный центр
коммуникативных исследований
Центрально-Черноземное региональное отделение
НМС по иностранным языкам

Язык и национальное сознание

Вып. 8

Научное издание

**Воронеж
2006**

Очередной, восьмой, выпуск межвузовского научного сборника «Язык и национальное сознание» посвящен теоретическим и прикладным проблемам изучения соотношения языка и различных форм сознания.

Для филологов, преподавателей русского языка, иностранных языков, преподавателей русского языка как иностранного, специалистов в области когнитивных исследований и межкультурной коммуникации.

Редакционная коллегия:

к.ф.н. Лапотько А.Г., к.ф.н. Рудакова А.В. – ответственный секретарь,
д.ф.н. Попова З.Д., д.ф.н. Стернин И.А. – научный редактор,
д.ф.н. Стернина М.А., д.ф.н. Чарыкова О.Н.

Компьютерная верстка и оригинал-макет – А.В. Рудакова, И.А. Стернин

© Коллектив авторов, 2006

Язык и национальное сознание. Вып. 8 / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006. – 254 с. 200 экз.

От редколлегии

Предлагаемый вниманию читателей сборник продолжает тематическую серию публикаций «Язык и национальное сознание», выпускаемую совместно Межрегиональным центром коммуникативных исследований ВГУ, кафедрой общего языкознания и стилистики ВГУ, кафедрой русского языка и методики его преподавания Борисоглебского ГПУ и Центрально-Черноземным региональным отделением НМС по иностранным языкам Минобразования РФ. Данный выпуск является восьмым в серии продолжающихся изданий. Предыдущие выпуски (1-7) вышли в Воронеже в период с 1998 по 2005 гг.

Сборник отражает результаты совместных исследований коллективов-учредителей в области теории и практики описания языкового, коммуникативного и когнитивного сознания носителей языка.

Редколлегия приглашает к сотрудничеству всех исследователей, занимающихся проблемами соотношения языка и сознания.

Электронный адрес редколлегии: sternin@phil.vsu.ru.

Вопросы теории

И.А. Стернин

Семасиология и лингвоконцептология

Для современной философии, психологии, психолингвистики, нейрофизиологии и ряда других наук очевидным является неоднородность сознания, что проявляется в сосуществовании разных видов сознания. Для рассмотрения поставленной нами проблемы существенным является разграничение *когнитивного сознания* (сознания, представляющего собой информационный тезаурус человека, образуемый упорядоченными концептами – единицами мышления, представляющими в ментальной форме отраженную, познанную и осмысленную субъектом действительность) и *языкового сознания* (закрепленного языковыми знаками отражения действительности, существующего в виде совокупности упорядоченных значений языковых знаков). Проведенное разграничение позволяет противопоставить концепты и значения как ментальные единицы, вычленимые, соответственно, в когнитивном и языковом сознании и образующие само содержание этих видов сознания.

Подчеркнем, что концепт и значение в равной мере явления когнитивной природы, они представляют собой отражение действительности (объективной и субъективной).

Однако психолингвистический анализ семантики слова усложняет проблему соотношения значения и концепта. Значение, выявляемое психолингвистическими экспериментами, практически всегда оказывается объемнее и глубже, чем его представление в словарях.

В связи с этим нам представляется целесообразным принципиально разграничить два типа значений.

Значение, формулируемое лексикографами при составлении словарной дефиниции, можно условно назвать *лексикографическим*, поскольку оно сформулировано (смоделировано) специально для представления слова в словарях. Особо подчеркнем, что лексикографическое значение – это в любом случае конструкт лексикографов, некоторый субъективно определенный ими минимум признаков, который предлагается пользователям словаря как словарная дефиниция. Лексикографическое значение в большинстве случаев оказывается недостаточным для описания реального функционирования слова в речи, оно всегда оказывается по объему меньше реального значения, существующего в сознании носителей языка. Многие признаки реально функционирующего значения в лексикографическом значении не отражены, и, наоборот – некоторые признаки, вошедшие в лексикографическое описание, могут быть очень и очень

периферийными, их яркость в сознании носителей языка оказывается исчезающе малой, а в речи они практически не актуализируются. Поскольку многие семантические признаки слова, не фиксируемые словарными дефинициями, регулярно проявляются в определенных контекстах употребления слова (ср., к примеру, признаки «слабая», «капризная» и др. в значении слова «женщина»), обнаруживаются в художественных текстах, в метафорических переносах и т.д., лексикографам и лексикологам, работающим над словарными дефинициями, приходится идти на определенные «уловки» – признавать возможность наличия у слова дополнительных «оттенков значения», периферийных, потенциальных, факультативных и т.д. семантических компонентов, не фиксируемых словарными определениями слов, выделение особого «экстенционала» значения и под.

В связи с этим представляется целесообразным говорить о существовании еще одного типа значения – *психологически реального значения* слова (ПРЗ). Психологически реальное значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализируется у изолированно взятого слова в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных. Психологически реальное значение структурировано по полевому принципу, а образующие его компоненты образуют иерархию по яркости.

Второй тип значения гораздо шире и объемней, нежели его лексикографический вариант (который, естественно, целиком входит в психологически реальное значение).

Содержание же *концепта* шире как лексикографического, так и психологически реального значения. В содержание концепта входят не только актуально осознаваемые и используемые в общении смысловые компоненты, связанные со словом, но и информация, которая отражает общую информационную базу человека, его энциклопедические знания о предмете или явлении, которые могут и не обнаруживаться в его речи и не осознаваться при предъявлении соответствующего слова. Для выявления многих концептуальных признаков нужна рефлексия носителя языка. Знания, образующие концепт, представлены и упорядочены в виде компонентов – когнитивных признаков и когнитивных классификаторов.

Отдельные компоненты концепта могут быть названы в языке различными средствами – совокупностью слов, образующих определенное лексическое поле, фразеологическими единицами, паремиями, текстами, в которых толкуется соответствующий концепт и его отдельные компоненты и т.д. Совокупность этих средств мы обозначаем как номинативное поле концепта.

Наиболее надежными приемами описания структуры *лексикографического значения* является логический метод, метод интроспекции, анализ

употребления слова в различных письменных и устных контекстах, в идеале – метод компонентного анализа (хотя большинством составителей словарей этот метод не применяется из-за его трудоемкости).

Наиболее эффективным методом изучения психологически реальных значений и концептов как реальностей сознания людей является психолингвистический эксперимент и, прежде всего, ассоциативный эксперимент в двух его разновидностях – свободный и направленный.

При *описании ПРЗ* ассоциативный эксперимент – как свободный, так и направленный – дает достоверные данные при учете только первой ассоциативной реакции, поскольку остальные ассоциации могут быть уже ассоциациями не на собственно стимул, сколько на предыдущую реакцию; учет первой реакции позволяет избежать этого недостатка.

При *описании концепта* с использованием методик ассоциативного эксперимента могут быть учтены несколько реакций, предложенных испытуемыми, поскольку для выявления и описания содержания концепта важны любые психологически осознаваемые ментальные информационные компоненты, вычлняющиеся в сознании испытуемых в том или ином ментальном образовании (концепте).

Ассоциативный эксперимент, как свободный, так и направленный, имеет своим окончательным итогом построение ассоциативного поля, которое далее выступает как материал для семантической (при анализе психологически реального значения) или когнитивной (при анализе концепта) интерпретации.

Можно следующим образом суммировать основные различия между разными видами значения и концептом.

Лексикографическое значение	Психологически реальное значение	Концепт
Описывается интроспективными, контекстуальными, логическими методами, традиционными методами семного анализа и не предполагает экспериментальной проверки, обращения к носителям языка	Описание значения основано на обобщении результатов экспериментальных исследований с учетом только первой реакции испытуемых	Описывается интроспективными, логическими, контекстуальными, культурологическими, традиционными методами семного анализа, а также экспериментальными приемами с учетом нескольких реакций испытуемых
Формулируется логически как перечисление существенных дифференциальных признаков	Выявляется семной и семемной интерпретацией экспериментального языкового материала	Выявляется когнитивной интерпретацией экспериментального языкового материала
Отдельные значения вычлняются на основе различной денотативной	Отдельные значения выявляются по денотативной отнесенности	Не делится на значения, имеет целостный интегральный характер

отнесенности	групп выявленных семантических компонентов	
Каждое значение формулируется связно, в форме дефиниции	Каждое значение формулируется связно, в форме дефиниции	Не предполагает обязательной связной формулировки, перечисляются составляющие концепт когнитивные признаки по убыванию яркости
Все семантические компоненты, вошедшие в дефиницию каждого значения, априори считаются ядерными	Ядро и периферия выделяются в каждом выделенном значении	Ядро и периферия выделяются в содержании концепта в целом
Содержит семемы и семы	Содержит семемы и семы	Содержит когнитивные признаки
Семы упорядочиваются семантическими признаками	Семы упорядочиваются семантическими признаками	Когнитивные признаки упорядочиваются когнитивными классификаторами
Характеризует смысловое содержание конкретного слова, объективируемого конкретной звуковой оболочкой	Характеризует смысловое содержание конкретного слова, объективируемого конкретной звуковой оболочкой	Характеризует смысловое содержание, объективируемое группой языковых средств (номинативным полем концепта)
Включает компоненты, приписанные значению лексикографом	Включает семантические компоненты, актуально связываемые в данный период развития языка с данным словом в сознании испытуемых	Включает как актуально осознаваемые, так и извлекаемые из долговременной памяти когнитивные признаки
Структурно представляет собой совокупность семем, упорядоченных от основного, главного к производным и переносным значениям	Структурно представляет собой совокупность семем, упорядоченных по полемому принципу – по убыванию яркости отдельных значений	Структурно представляет собой образ, информационное содержание и интерпретационное поле; признаки данных структурных компонентов концепта упорядочиваются по убыванию яркости в структуре концепта

Таким образом, значение слова как единицы языкового сознания может быть описано на двух уровнях – на уровне лексикографического и

психологически реального значения, а концепт описывается как единица когнитивного сознания (концептосферы) народа.

Описание значений как факта языкового сознания – задача семасиологии как отрасли языкознания; описание концепта как единицы когнитивного сознания в опоре на данные языкового сознания – задача лингвоконцептологии.

О.Н. Чарыкова

Метафора в национальной картине мира

В последние годы в лингвистической науке основополагающим стал постулат о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, то есть имеет свой специфичный способ его концептуализации.

Постижение того, как именно человек воспринимает и концептуализирует действительность, какие факторы объективного и субъективного характера являются определяющими в формировании национальной картины мира, представляется чрезвычайно важным. Особую роль в когнитивных процессах играет метафора, в которой наиболее наглядно отражается национальная специфика мировосприятия, что обуславливает важность исследований, направленных на выявление общих закономерностей и национально-культурных особенностей концептуализации действительности представителями различных лингвокультурных общностей и необходимость описания возможных моделей её метафорического осмысления.

Бесспорным является тот факт, что можно говорить об универсальных и национальных компонентах концептосферы той или иной этнической общности. Наличие универсальных, общечеловеческих концептов связано с тем, что при всей естественной разнице географических ареалов можно считать, что в действительности на Земле существует один тот же земной мир, в котором вещи предстают для всех людей Земли с общей объективной дискретностью и одинаковыми сходством – различием: дерево везде похоже на другое дерево, а не на солнце. Это не может не отражаться и в сознании разных этносов, и (хотя и в разной степени) в их языках. Формирование концептов общечеловеческого характера обусловлено практическими или наглядно-опытными знаниями о предметах (*вода, камень, огонь*).

Вместе с тем разные народы могут иметь отличные от других этносов (иногда в очень значительной степени) условия обитания, что определяется, с одной стороны, природными (физико-географическими) факторами, а с другой – культурными (социально-историческими). Это обуславливает специфику классификации элементов действительности, поэтому в картинах мира разных этносов членение одного и того же фрагмента внеязыковой реальности может строиться на разных основаниях. Таким

образом, национальная картина мира, которая представляет собой совокупность концептов, являющихся базой национального мышления, включает как универсальные, так и национально специфичные концепты. При этом универсальные концепты могут приобретать национальные признаки. Так, для жителя Африки прототипом дерева будет пальма, для жителя Финляндии, вероятно, сосна, для россиянина – берёза.

Национальная система концептов включает как единицы, зафиксированные в языковых знаках, так и такие, которые не выражены средствами национального языка (поэтому при сопоставлении разных языков выявляются лакуны), но существуют в национальной концептосфере и обеспечивают национальную мыслительную деятельность. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира.

Образование метафорических концептов является универсальным свойством человеческого мышления, поскольку отражает творческую интерпретацию окружающего мира, в основе которого лежит опыт. По справедливому утверждению В.Н. Телия, метафора – наиболее мощное средство формирования новых концептов, то есть отражение в языковой форме нового знания о мире – эмпирического, теоретического или же художественного освоения действительности (Телия 1988:48).

В основе образования метафоры лежит такое свойство человеческого мышления, как ассоциативность. Метафора является результатом психологических ассоциаций (главным образом по сходству), вызываемых у людей предметами и явлениями внешнего мира. Нельзя не согласиться с мнением Б.А. Серебренникова: «Ассоциации по сходству имеют огромное значение в создании структуры языков. Сравнение одного предмета с другим является одним из наиболее мощных средств познания окружающего мира» (Серебренников 1970:29). На основе всего выше сказанного можно утверждать, что в картине мира определённой языковой общности могут быть выделены универсальные (межъязыковые, общечеловеческие) метафоры, национально специфичные метафоры и индивидуальные.

Так, при сопоставлении флористической метафоры у представителей разных культур выявляется ряд универсальных метафор. Это, например, лексика, называющая такие компоненты растения, как *корень*, *ствол*, *цветок*, *плод* (*зерно*, *семя*), а также единицы, объединённые семантическим компонентом «фаза развития растения» (*цвести*, *цветущий*, *зрелый*, *отцветать*, *увядать*).

Противоположная тенденция проявляется в эндемичности метафорического значения, то есть образовании его только в одном из сопоставляемых языков. Например, по данным О.И. Мусаевой, в испанском языке лексема *bellota* (жёлудь) приобретает следующие метафорические значения: бутон гвоздики, украшение позумента, верхушка рога быка, сосуд для ароматических веществ; лексема *ajo* (чеснок) имеет значение «грубое выражение, ругательство» (Мусаева 2005:11), в русском же языке они не метафоризируются. В свою очередь эндемичным для русского

языка является, например, метафорическое значение слова «лопух» – простоватый человек.

Но даже если метафоризируются соотносимые лексические единицы сопоставляемых языков, полной идентичности не наблюдается, поскольку в этом случае национальная специфика проявляется в количестве производных значений и/или направлении метафоризации. Например, в русском языке лексема *зерно* имеет два производных значения, а в английском (*grain*) – семь. В русском языке лексема *роза* – два производных значения, *rosa* в испанском – семь. Направления переноса у соотносимых лексем разных языков могут совпадать. Так, русское слово *дебри*, испанское *bosque* (лес), немецкое *das Dickicht* (чаща, гуща, заросли) во всех названных языках имеют производные значения, связанные с трудностями понимания в мыслительной сфере. Но чаще, совпадая по основному значению или/ и по одному или более производных, соотносимые единицы обязательно имеют семемы, не совпадающие по признаку переноса и направлению метафоризации. Например, русская лексема *лист* и немецкая *das Blatt* имеют метафорическое значение в обоих языках, однако употребление лексемы *das Blatt* для обозначения лопатки в анатомии животных возможно только в немецком.

Национальная специфика может проявляться и на уровне сем, то есть в объёме и структуре сопоставимых значений. Например, процесс отделения зерна от шелухи переосмысливается в русском (*отсеивать*) и английском (*to seed*) по признаку «отделять ненужное». И хотя в данном случае значения в обоих языках практически совпадают, можно говорить об отличиях в составе сем, так как в английском данное слово употребляется только в спортивной терминологии, где означает «отбирать более сильных участников состязания». Интересно, что в испанском языке данная семема передаётся другой лексемой (*florear*) и при частичном совпадении набора сем имеются отличия в их составе (испанское *florear* и английское *to seed* означает «отбирать лучшее», русское *отсеивать* – «отбрасывать худшее»).

В национальных картинах мира разных этносов одни и те же объекты могут получать разные оценочные характеристики, потому что их представители выделяют и фиксируют разные стороны одного и того же явления. Например, плод смоковницы (*figa*) в русском языке употребляется для обозначения сжатого кулака и имеет отрицательные коннотации, а в испанском языке *breva* развивает ряд метафорических значений с положительными коннотациями (сорт сигар, выгодное, нетрудное дело, неожиданное преимущество). В русском языке прилагательное *трухлявый* имеет отрицательные коннотации, а его соотносимый немецкий эквивалент *murbe* приобретает производные значения с положительными коннотациями – «мягкий, нежный» (о приготовленном мясе) и «рыхлый, рассыпчатый, тающий во рту» (о печенье). Следовательно, отбор признаков, лежащих в основу метафоры, национально-специфичен.

Обращает на себя внимание тот факт, что языковая метафора в разных языках базируется преимущественно на признаках конкретно-чувствен-

ного характера, фиксируемых в сознании в результате эмпирического освоения действительности и перцептуальной наглядности. Определенные качества и свойства, присущие растениям, переосмысляются людьми и прямо или в трансформированном виде ложатся в основу метафорического переноса. При отличиях в восприятии и концептуализации компонентов растения у представителей разных культур, выявляется и ряд общих закономерностей. Наиболее релевантными представляются признаки пространственно-геометрического характера, признак трансформации, перехода из одной формы существования в другую, а также выявляемый в значительной части лексических репрезентаций признак «наличие потенциала развития».

Направления метафорических переносов и семантические признаки, по которым они осуществляются, универсальны. Национальная специфика проявляется только в преобладании того или иного типа в конкретном языке.

Национальная специфика может проявлять себя: 1) на уровне лексем, когда из двух соотносимых единиц сопоставляемых языков, совпадающих по исходному значению, метафорическое значение имеется только в одном из них, а в другом метафоризации не наблюдается; 2) на уровне семем, когда соотносимые лексемы метафоризируются в обоих языках, но имеют отличия в количестве производных семем и/или направлении метафоризации; 3) на уровне сем, когда соотносимые метафорические семемы имеют отличия в составе сем. Наиболее широко представлена национальная специфика второго типа.

Что касается индивидуальных концептов, то наиболее ярко их специфика проявляется в художественной речи и связана с творческим переосмыслением национальной картины мира на основе специфических индивидуально-авторских ассоциаций.

Мусаева О.И. Флористическая метафора как фрагмент национальной картины мира (на материале русского и испанского языков): автореф. дис. ...канд. филол наук. Воронеж, 2005.

Серебренников Б.А. К проблеме сущности языка // Общее языкознание. - М., 1970.

Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988.

Контрастивный семный словарь: назначение и принципы создания

Для современной лексикографии актуальной является проблема создания таких переводных словарей, где были бы отражены особенности национальной специфики семантики лексической единицы с учетом денотативных, коннотативных, а также функциональных компонентов значения слова.

Научная важность создания таких словарей заключается в том, что необходимо представить результаты описания национальной специфики в таком виде, чтобы этими результатами могли воспользоваться ученые (а также проверить их), то есть в виде итогового семного описания на фоне языка сопоставления.

Учебно-методическая важность таких словарей заключается в том, что словари данного типа могут быть использованы как для перевода, так и для обучения иностранному языку.

Однако при создании контрастивных словарей нового типа перед исследователем встает немало научных и методологических трудностей. Имеющиеся в распоряжении исследователя словари зачастую не отражают в полном объеме значение слова, поэтому информацию о коннотативных и функциональных особенностях лексической единицы он может получить только с помощью интервьюирования носителей языка, а также изучая контекст употребления слова в текстах разного типа.

Основным условием для создания контрастивных словарей разного типа и разных языков является дифференциальное толкование значений слов, то есть такое толкование значений сопоставляемых слов, которое позволило бы наглядно представить семные различия между единицами двух языков. Практическая разработка методики дифференциального толкования значений слов является актуальной задачей контрастивной лексикологии и учебной двуязычной лексикографии.

С нашей точки зрения, представляется практически целесообразным создавать отдельные словари по определенным тематическим разделам лексики. Такие словари позволяют использовать словарные статьи непосредственно в учебной практике, а также для перевода.

Покажем возможности словарей подобного типа на примере *контрастивного семного словаря*. Такой словарь является результатом компонентного анализа исследуемой лексической группировки.

Словарь представляет собой посемное описание значений слов, выступающих близкими соответствиями, а также включает семное описание безэквивалентных единиц обоих языков. Каждое слово исходного (в нашем случае – русского) языка представлено последовательным набором сем – денотативных, коннотативных и функциональных.

Параллельно представлен семный набор переводного соответствия, где каждой семе русского слова ставится в соответствие та или иная сема иноязычного слова.

Несовпадающие семы выделяются шрифтом, чтобы пользователь словаря сразу зафиксировал имеющиеся семные несоответствия.

Приведем примеры экспериментальных словарных статей такого словаря. Словарь составлен на материале лексико-фразеологического поля «незанятость трудовой деятельностью» в русском и английском языках. Исходным языком является русский, языком сопоставления – английский. Исследование проведено в рамках контрастивного метода описания семантики (Стернин 2004).

ОТПУСК – SABBATICAL

период времени	период времени
для отдыха	0
свободный от основной работы	свободный от основной работы
0	свободный от учебы
0	для творчества
0	для научных исследований
0	для путешествий
неоц.	неоц.
неэмоц.	неэмоц.
межстил.	книжн.
общенар.	общенар.
совр.	устар.
употр.	малоупотр.
общераспр.	общераспр.

БАКЛУШНИЧАТЬ – TO IDLE AWAY ONE'S TIME

отдыхать	отдыхать
ничего не делать	ничего не делать
пребывать в праздности	пребывать в праздности
уклоняться от работы	уклоняться от работы
бесцельно проводить время	бесцельно проводить время
неод.	неод.
отриц.-эмоц.	отриц.-эмоц.
сниж.	разг.
общенар.	общенар.
совр.	совр.
малоупотр.	употр.
общераспр.	общераспр.

Если слово русского языка однозначно и имеет лексический эквивалент, то в словаре приводится эквивалент через знак равенства:

ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ = LUNCH BREAK

прекращение деятельности
для отдыха
для принятия пищи
во время рабочего дня
неоц.
неэмоц.
межстил.
общенар.
совр.
употр.
общераспр.

При безэквивалентности сем в одном из языков ставится знак 0, что означает, что сема безэквивалентна.

ОТДЫХАТЬ – TO REST

восстановить силы отдыхом
восстанавливать силы сном
проводить время
без обычных занятий, работы
проводить отпуск
неоц.
неэмоц.
межстил.
общенар.
совр.
высокоупотр.
общераспр.

восстановить силы отдыхом
0
проводить время
без обычных занятий, работы
0
неоц.
неэмоц.
межстил.
общенар.
совр.
употр.
общераспр.

В случае наличия в исходном языке безэквивалентной единицы она приводится отдельно в семном описании:

ГУЛЬБА – 0

попойка
разгульная
угощение
обильное
времяпровождение

веселое
в компании
неоц.
полож.-эмоц.
простор.
общенар.
совр.
общераспр.

ГУЛЯКА – 0

лицо
находится в состоянии отдыха
стремится к безделью
стремится к получению удо-
вольствия
живет праздно и разгульно
неод.
пренебр.
разг.
общенар.
совр.
употр.
общераспр.

При наличии в исходном языке лакуны в словаре приводится семное описание единицы языка сопоставления, на фоне которой выявлена лакуна. При этом в словаре обозначается, что данная единица для исследуемого языка лакунарна.

Например:

0 - COFFEE BREAK

прекращение деятельности
непродолжительное
для отдыха
чтобы выпить чашку кофе
неоц.
неэмоц.
разг.
общенар.
совр.
употр.
общераспр.

Данный тип словаря может быть предназначен для переводчиков и исследователей национальной специфики семантики разных языков. Может быть использован и теми, кто хорошо владеет обоими языками, но совершенствует свои знания в семантике и стилистике сравниваемых языков.

Как уже отмечалось выше, подобный словарь целесообразно делать по тематическим группам, он будет в таком случае иметь значительную методическую ценность в практике преподавания иностранного языка.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Воронеж, 2004.

П.И. Мельников-Давыдов

Функциональные стили в русском языковом сознании (синхронический и диахронический взгляд)

В лингвистике последнего десятилетия XX в. и начала XXI в. все большее внимание уделяется проблемам взаимодействия языка и общества, языка и человека – носителя этого языка. Такой подход к изучению языковых фактов опирается на данные синхронного состояния русского языка; вместе с тем необходимо в этот процесс включить и диахронию, которая может дать и дает ответы на многие вопросы, связанные с тенденциями функционирования русского языка на современном этапе его развития. В результате в поле зрения исследователей, кроме художественной литературы, попадают так называемые периферийные жанры письменности прошлого, не менее значимые для определения основных тенденций в развитии русского литературного языка на отдельных синхронных срезах его истории.

Еще недавно вызывала значительные сомнения возможность существования такого раздела языкознания как историческая стилистика русского языка. Еще Ш. Балли утверждал, что «стилистика... не может быть наукой исторической», так как мы можем реконструировать язык, но не можем реконструировать речь (Балли 1961:39).

Однако благодаря трудам ряда видных филологов Санкт-Петербургского и Петрозаводского университетов, таких как В.В. Колесов, З.К. Тарланов, О.А. Черепанова, Т.В. Рождественская, Л.В. Зубова и др. данный раздел утвердился в современной русистике в качестве нового направления исследований, призванного показать сложную диалектическую взаимосвязь развития языка и развития сознания, духовной культуры народа. Вызревала эта научная дисциплина в составе истории русского литературного языка, которая наряду с синхронной стилистикой накопила достаточно информации для обобщения.

Современная синхронная стилистика была разделена В.В. Виноградовым на субъективную и объективную: «Объективная стилистика исследует принципы и правила соотношения и взаимодействия близких по значению или по функции, параллельных или синонимичных форм, слов и конструкций в общей системе языка. Субъективная же стилистика имеет дело с закономерностями употребления и способами сочетания и объединения разнообразных грамматических (а также лексических) средств языка в тех или иных разновидностях речи, в разных устойчивых или изменчивых речевых формах общественного выражения коллективных или индивидуальных субъектов, в разных «стилях речи» (Виноградов 1981:12).

Так произошло логическое разделение стилистики на структурную и функциональную в связи с характером реализации стилистических коннотаций в языковой системе, в результате этого возникло представление о функциональном стиле как особой разновидности литературного языка, определяющейся специфической стилистической доминантой, возникающей посредством комбинации структурных элементов, несущих однородную функциональную окраску. Этот факт стал основанием для формулирования В.В. Виноградовым теории «трех стилистик»: «В той очень обширной, мало исследованной и не отграниченной четко от других лингвистических или даже – шире – филологических дисциплин сфере изучения языка вообще и языка художественной литературы, в частности, которая ныне называется стилистикой, следовало бы различать по крайней мере три разных круга исследований, тесно соприкасающихся, часто взаимно пересекающихся и всегда соотносительных, однако наделенных своей проблематикой, своими задачами, своими категориями. Это, во-первых, стилистика языка как «системы систем», или структурная стилистика; во-вторых, стилистика речи, то есть разных видов и актов общественного употребления языка; в-третьих, стилистика художественной литературы. Именно к последней примыкают теория и история поэтической речи и поэтика. Они во всяком случае тесно соприкасаются, а иногда и взаимодействуют со стилистикой художественной литературы» (Виноградов 1963:5).

Сейчас в языкознании под функциональным стилем понимается «объединенная определенным функциональным назначением система языковых элементов, способов их отбора, употребления, взаимного сочетания и соотношения, функциональная разновидность литературного языка» (Ожегов 1988:336). Таких разновидностей в современном русском литературном языке выделяется несколько: «Объектом стилистики языка являются элементы, категории структуры языка и те его типы, стили, которые обусловлены сферами функционирования: научный стиль, стиль публицистический, стиль официально-деловой, речь обиходно-разговорная, – одним словом, все разновидности литературного языка, выделяющиеся общностью формы общения в связи с характером общественной деятельности его носителей» (Виноградов 1981:11). Этой же

точки зрения придерживаются многие современные лингвисты (см.: Гвоздев, Кожина и др.). Все они сходятся в одном – бесспорными критериями выделения функциональных стилей как разновидностей литературного языка являются экстралингвистический и собственно лингвистический факторы.

«Сфера общественной деятельности – это такая область деятельности носителей языка, которую можно соотнести с отдельной формой общественного сознания: наука, искусство, религия, политика, право. Следовательно, ...сфера научной деятельности, или наука, – это одна из сфер общественной деятельности, так как ей соответствует определенная – научная – форма познания и отражения действительности. Судопроизводство – лишь одна из областей в сфере правовой общественной деятельности, соотнесенной с правовой формой общественного сознания. Если же обратиться к тому виду деятельности коллектива носителей языка, который мы определили как строительство, то окажется, что такой единой сферы общественной деятельности нет. Так как нет такой формы общественного сознания» (Кожин 1982:67).

Обобщая различные классификации функциональных стилей в современном русском литературном языке, представленные у стилистов, можно предложить следующую таблицу:

Функциональный стиль	Экстралингвистический фактор	Лингвистический фактор		Жанровый фактор (тип текста)
		Лексический	Грамматический	
Научный	Наука	Термины	Научный синтаксис	Научные жанры
Официально-деловой	Право	Деловые термины	Канцелярские штампы	Жанры делопроизводства
Газетно-публицистический	Политика	Газетизмы и термины	Риторичность синтаксиса	Публицистические жанры
Литературно-художественный	Искусство	Образные средства (тропы)	Речевые фигуры	Жанры художественной литературы

Однако в этом списке отсутствуют позиции, соответствующие таким сферам общественной деятельности, как религия и философия. Возникает закономерный вопрос: почему?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо разобраться в дефинициях форм общественного сознания:

1. «Наука – сфера исследовательской деятельности, направленная на производство новых знаний о природе, обществе и мышлении и

включающая в себя все условия и моменты этого производства... Эти результаты могут также выступать как одна из форм общественного сознания» (Философский словарь 1980:236). «Наука – одна из сфер человеческой деятельности, функцией которой является производство и систематизация знаний о природе, обществе и сознании. Наука включает в себя деятельность по производству знания. Термин «наука» употребляется также для обозначения отдельных областей научного познания – физики, химии, биологии и т.п.» (Ивин 1998:213).

2. «Право оформляется в виде системы норм, правил, установленных или санкционированных государственной властью. Особенность правовых норм заключается в том, что их исполнение обеспечивается принудительной силой государства. Являясь частью надстройки, право определяется господствующими в данном обществе производительными отношениями, оформляет и закрепляет эти отношения и основанные на них иные общественные отношения» (Философский словарь 1980:290).

3. «Политика /гр. politike – искусство управления государством/ – деятельность, связанная с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами... Политические идеи и соответствующие им учреждения являются надстройкой над экономическим базисом...» (Философский словарь 1980:286).

4. «Искусство – специфическая форма общественного сознания и человеческой деятельности в художественных образах, один из важнейших способов эстетического освоения мира» (Философский словарь 1980:135). «Искусство – важнейшая эстетическая категория, характеризующая особую форму общественного сознания, а также человеческой деятельности и ее продуктов. Искусство служит удовлетворению одной из высших потребностей людей – художественной, которая интегрирует многие потребности «родового человека» – интеллектуальные, эмоциональные, нравственные, эстетические» (Краткий словарь по эстетике 1983:60).

5. «Религия /лат. religio – благочестие, святость/ – специфическая форма общественного сознания, отличительным признаком которой является фантастическое отражение в сознании людей господствующих над ними внешних сил, при котором земные силы принимают вид неземных» (Философский словарь 1980:315). «Религия – одна из форм общественного сознания – совокупность мистических представлений, основанных на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения» (Ожегов 1988:552).

6. «Философия – наука о всеобщих закономерностях, которым подчинены как бытие (т.е. природа и общество), так и мышление человека, процесс познания. Философия является одной из форм общественного сознания, определяется в конечном итоге экономическими отношениями общества. Основным вопросом философии как собой науки является проблема отношения мышления к бытию, сознания к материи... (Философский словарь 1980:390). «Философия – 1. Одна из форм общественного сознания – наука о наиболее общих законах развития природы,

общества и мышления. 2. Методологические принципы, лежащие в основе какой-нибудь науки» (Ожегов 1988:696).

В приведенных дефинициях кроется противоречие. Под формами общественного сознания понимаются « различные формы отражения в сознании людей объективного мира и общественного бытия, на основе которого они возникают в процессе практической деятельности. Общественное сознание существует и проявляется в формах политической идеологии, правового сознания, морали, религии, науки. Художественных взглядов, философии» (Философский словарь 1980:398). Одним словом, приведенные формы сознания являются самостоятельными видами культурной деятельности общества с присущими им специфическими типами мышления (научным, политическим, юридическим, художественным и др.), инструментарием (методы, приемы) и аппаратом (метаязык) познания. Однако религии и философии в этой специфичности «деликатно» отказано.

Религия рассматривается как фантастическая (т.е. искаженная, не соответствующая реальности) форма общественного сознания, следовательно, ложная по своему существу, лишняя в социальной практике народа, а философия определяется как одна из наук. В результате обеим органическим формам общественного сознания отказывается в наличии собственного инструментария и аппарата познания, а следовательно и специфики религиозного и философского мышления. Но из приведенных выше определений видно, что и наука, и право, и политика, и искусство, и религия, и, наконец, философия представляют собой единую систему специфических форм отражения реальности, именуемую парадигмой современной культуры.

Эта культурная парадигма не всегда была таковой. Она исторически менялась, в результате этого и возникли противоречия в определении некоторых ее составляющих компонентов. И религия, и философия, и наука являются самостоятельными формами общественного сознания, диалог и взаимодействие между которыми являются естественными и закономерными, однако одна другую ни заменить, ни отменить не может. Необходимо переосмысление функций литературного языка, который в равной мере обслуживает все виды культурной деятельности общества.

Современный русский литературный язык как орудие интеллектуальной деятельности общества выполняет множество разнообразных функций, представляя собой совокупность некоторого круга функциональных разновидностей, т.е. стилей. Именно стиль как устойчивое лингвокультурное явление отражает специфику той или иной формы сознания, потому что «стиль – это общественно осознанная, функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей,

выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» (Виноградов 1955:73).

Другими словами, стиль представляет собой своеобразную организацию языковых средств национальной речи, возникающую в связи с определенным заданием, функцией. Функция «держит» структуру, замедляя ее развитие и обеспечивая ее существование. С изменением функции происходит пересортировка средств в системе. Так возникает представление о норме как осознанной системе культурно обработанного национального языка. Литературная норма вырабатывается в практике интеллектуальной деятельности общества и, прежде всего, в практике словесно-художественного творчества. Не случайно принципиально важной на современном этапе развития исторической стилистики русского языка становится именно историческая стилистика художественного текста (см.: Мельников-Давыдов 2000), поскольку на протяжении длительной истории русского литературного языка доминирующим оставался именно художественный стиль как основная «копилка» духовного опыта русского народа (см.: Мельников-Давыдов 2004).

Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.

Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М., 1981.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.

Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания, 1955, №1.

Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М., 1998.

Кожин А.Н. [и др.] Функциональные типы русской речи. М., 1982.

Краткий словарь по эстетике / Под ред. М.Ф. Овсянникова. М., 1983.

Мельников-Давыдов П.И. Историческая стилистика художественного текста. Алматы, 2000.

Мельников-Давыдов П.И. Лингвостилистический анализ художественного текста. Борисоглебск, 2004.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988.

Философский словарь. Под ред. И.Т. Фролова. М., 1980.

Языковое сознание

Е.О. Атланова

Экспериментальное изучение понятия «новое слово» в русском языковом сознании

Основополагающим методом изучения языка в психолингвистике является эксперимент. При исследовании языкового сознания (ЯС) могут быть использованы различные виды экспериментальных методик: метод субъективной дефиниции слова, свободный ассоциативный эксперимент, подбор оппозигов или симиляров, интерпретирующий эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент.

Для нас важно было выяснить, какие именно субъективные критерии отнесения слова к новому присутствуют в ЯС носителей языка.

Словарь Ожегова и Шведовой определяет «новый» как: 1. Впервые созданный или сделанный, появившийся или возникший недавно, взамен прежнего, вновь открытый; 2. Относящийся к ближайшему прошлому или к настоящему времени; 3. Недостаточно знакомый, малоизвестный (Ожегов 1994). Лексикографическое значение в большинстве случаев оказывается недостаточным, неполным. Нас интересовало психологически реальное значение слова.

Психологически реальное значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка (Стернин, 2005).

С целью выявления дополнительных семантических характеристик, которые включаются в понятие «новое слово» в ЯС носителей языка, был проведен направленный ассоциативный эксперимент. Информантам предлагалось закончить конструкцию: «Новое слово – это...», в случае затруднений информант ставил прочерк. Было опрошено 123 человека: 55 мужчин и 68 женщин в возрасте от 17 до 66 лет. Приведем результаты эксперимента (№1):

НОВОЕ СЛОВО – ... это слово, значение которого не известно (не понятно) 51; слово, которое ни разу не слышал 33; заимствованное слово 11; слово для обозначения новых предметов, вещей 10; ранее не употреблял (не использую) в речи 7; с употреблением сталкиваюсь впервые 7; слово, появившееся недавно 7; слово, значение, которого нужно смотреть в словаре 6; источник информации, путь к познанию нового 5; слово с необычным звучанием, сочетанием букв 5; новинка (новообразование) в лексиконе 4; вызывает интерес 4; иностранное слово 4; отсутствует в моем словарном запасе 4; неологизм 4; старое слово, звучащее по-новому 3; не вызывающее никаких ассоциаций 3; когда я узнаю смысл слова, оно перестанет быть новым 3; термин 3; слово, не зафиксированное в словаре 2; слово, не вошедшее в слой

общеупотребительной лексики и требующее специальных знаний для понимания значения 2; английское 1; не русское 1; не являющееся моей активной лексикой 1; слово, сфера употребления которого выявляется из контекста 1; вызывает сложность в сочетаемости с другими словами 1; труднопроизносимое слово 1; новый взгляд на жизнь 1; новшество 1; русское слово из области законодательства и экономики 1; слово, образованное на основе старого при помощи суффиксов и приставок 1; старое, избитое русское слово в иностранном произношении 1; придумали политики, чтобы изъясняться путано, для «запудривания мозгов» 1; то, которое я ни разу не произносил 1; варваризмы, сленг, диалектные слова 1; слово, знакомое для меня в одном лексическом значении, но незнакомое в другом 1; связано с появлением новой вещи (вещей) 1; жаргонное слово 1; менеджер 1; депилятор 1; отказы 2.

В ответах присутствовали очень яркие субъективно-оценочные определения «нового слова»: «старое, избитое», «для «запудривания мозгов»; а также давалась негативная оценка процессу заимствования иноязычной лексики: «...все подстраиваются под границу, за Россию обидно!»; «...хотелось бы, чтобы язык был более чистым!»; «современный русский язык – смесь воровского жаргона и иностранных заимствований».

В языковом сознании носителей языка «новое слово» – это и неологизм, и варваризм, сленг, диалектные слова, иностранные слова, заимствованные слова и т.п. Выяснилось, что психологически реальное значение данного понятия гораздо шире, чем количество сем к слову «новый».

Для выявления конкретных слов и словосочетаний, которые являются в той или иной степени новыми, были проведены эксперименты №2 и №3.

С нашей точки зрения, новое слово обладает качеством неологизма, т.е. временной коннотацией новизны, пока коллективное ЯС реагирует на него как на новое.

Информанты по условиям этого эксперимента были поставлены в условие выбора. Весьма условное понятие «новые слова» предлагалось разграничить следующим образом: 1) новые слова, которые воспринимаются информантом как новые (эксперимент №2); 2) слова, которые возникли в языке недавно, но вошли в состав общеупотребительной лексики и являются очень частотными в СМИ, что в свою очередь является показателем вхождения слова в активный словарь языка (эксперимент №3). Были опрошены 100 человек. По результатам экспериментов было получено 1643 слова и словосочетания: эксперимент №2 – 726 слов и словосочетаний, эксперимент №3 – 917 слов и словосочетаний. При обработке общего списка слов, отнесенных в разной степени к новым, и отсева дубликатов был получен общий список слов и словосочетаний, которые можно назвать новыми – 763 слова. Данные слова были классифицированы по тематическим группам: информационные технологии (*Интернет, гаджет, виртуальный, геймер*); экономика (*консалтинг, лизинг, маркетинг, бренд*); политтехнологии (*имиджмейкер, саммит, префект, спич*); спорт (*боулинг, кёрлинг, дайвинг*); еда (*мюсли, фагготины*,

чизкейк); одежда (*стринги, парео, капри*); имена (*Анжелина Джоли, Шрек, Иван Кустурица*); названия фирм (*Билайн, Индезит, Мегафон*); аббревиатуры (*PR, VIP, DVD, GPRS, ISQ, WAP, SMS*); косметика и парикмахерское дело (*нейл-арт, дреды, пирсинг, стайлинг, пилинг, лифтинг, шрамирование*); ремонт и материалы (*евровагонка, ламинат, сайдинг, рольставни*); лингвистика (*гендер, концепт, сленг*); профессии и наименования лиц по роду деятельности (*диггер, писмейкер, скинхед, тайкунавт, хэндмейкер*); бытовая техника (*цифровая камера, блендер, дивиди, домашний кинотеатр*); кино, телевидение (*он-лайн, виджей, креативный, прайм-тайм, реалити-шоу, экшн*); музыка (*ремикс, саундтрек, микс*); отдых, развлечения (*перформанс, корпоративный, фейс-контроль, гламурный, шоппинг*); канцелярские принадлежности (*корректор, степлер, маркер, скотч, файл*); наименования организаций, учреждений (*снэк-бар, супермаркет, лицей, колледж, пиццерия*); летная терминология (*бафтинг, бустер, демпфер, флаттер, глиссада*); молодежный жаргон (*тачка, тащусь, ботва, крейзи, прикид*); компьютерный жаргон (*комп, коннект, проги, юзать комп*); термины из различных сфер (*геном, верификация, транспарентность, консорциум, имплицитация*).

Процесс заимствования иноязычной лексики интенсивен. Неоправданное массовое употребление большого числа заимствований в прессе, на телевидении, радио приводит к ошибочному пониманию большинства слов. Мы придерживаемся точки зрения, что в языке останутся лишь коммуникативно значимые единицы иностранного происхождения, а остальные уйдут в пассивный запас либо исчезнут совсем. Пока этот процесс продолжается, он будет привлекать внимание исследователей, поскольку представляет интерес для специалистов в области лексикологии, в частности, неологии, лексикографии, фразеологии и орфоэпии.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994.

Стернин И.А. Язык и национальное сознание. Вып. 7. Воронеж, 2005. С. 5.

Г.Е. Шилова

Стилистическая характеристика иноязычных слов, используемых в современной русской публицистике

Ранее культурная ситуация характеризовалась тем, что публицистическое было книжным, теперь статус публицистики изменился – полный знак равенства между двумя типами лексики ставить нельзя.

Изучая стилистическую характеристику иноязычного слова, можно опираться на данные словарей иностранных слов.

Задача лексикографа – раскрыть семантику данного слова, поэтому объяснения в толковых словарях всегда выдерживаются в нейтральном стиле. Слова нейтрального стиля составляют основной словарный фонд языка и используются во всех стилях речи, в том числе и в публицистике. Стилистическая нейтральность слова является его стилистической характеристикой. В словаре это выражается за счет «нулевой» пометы. Нейтральный стиль является как бы фоном, в сравнении с которым выделяются стилистические оттенки.

Термины разных специальностей представляют собой разновидности книжного стиля. В словарях стилевые особенности слова фиксируются только тогда, когда они оказываются положительно выраженными. Стилистические пометы указывают, для каких стилей современного русского языка слово наиболее характерно, какую эмоциональную окраску оно имеет. Они «предупреждают» о возможных ошибках, о стилистически неуместном употреблении слова.

Например, имеют стилистические пометы *спец., мед., биол., бот., зоол., физиол.* иноязычные слова, относящиеся к тематической группе «медицина и биология»: *тонус, дегенерация, инкубационный, иммунитет, инстинкт, геном, параноидальный, фермент, эмбриональный, астения, синдром, диспансер, диагноз, мануальный;*

имеют пометы *эк., ком., фин.* иноязычные слова, относящиеся к тематической группе «экономика и финансы»: *лизинг, девальвация, факторинг, сертификация, индексация, интеграция, маркетинг, инфляция;*

имеют пометы *спец., иск., архит., в ИЗО иск., муз., лингв., о науках, в балете* и т. п. иноязычные заимствования, относящиеся к тематической группе «культура и шоу-бизнес»: *гармония, интерпретация, пируэт, гуманитарный, экспозиция, рулада, хит, мегаполис, инсталляция;*

имеют пометы *спорт., спец., в шах., в теннисе, в боксе, в фехтовании, в хоккее* и т. п. слова, относящиеся к тематической группе «спорт»: *овертайм, рокировка, трамплин, буллит, марафон, эстафета, финт, тренинг, раунд, реприза;*

имеют пометы *юр., в криминалистике* слова, относящиеся к тематической группе «юридическая и правоохранительная лексика»: *санкция, легислатура, коллизия, легитимный, презумпция, идентификация, секвестр, прецедент, апеллировать;*

имеют пометы *спец., инф., в вычислительной тех.* слова, относящиеся к тематической группе «компьютерная сфера»: *файл, виртуальный, интерфейс, Интернет, микропроцессор, чип.*

Эти иноязычные слова остаются в разной степени стилистически ограниченными. Расширение сфер использования специальной иноязычной терминологии является одним из наиболее социально значимых процессов в современной русской речи.

Заимствования, обслуживающие разные сферы человеческой деятельности, в плане стилистическом объединяются «книжностью». Однако в наиболее чистом виде как книжные выделяются слова, которые порою

невозможно отнести к той или иной области специального знания. Это в основном иноязычные слова, выражающие различные отвлеченные понятия. Например: *плюрализм, концентрация, позиция, архетип, период, деструктивный, постулат, фаза, форсировать, индекс, абсолютный, эквивалент, зона, толерантность, феномен, резонанс, парадокс, атрибут, ниша, категория, эфир, корреляция* и др.

К книжной лексике тесно примыкают слова, обозначаемые в словарях пометами «устар.», «ист.» и т. п. При этом слово либо вообще перестает употребляться, либо продолжает употребляться, во втором случае указание на его устарелость выступает не как справка по истории, а как его особая стилевая характеристика. В этом плане следует различать:

1) слова, обозначающие конкретные предметы (если обозначаемый словом предмет выходит из употребления, то и слово перестает употребляться, «устаревают»): *субмарина* (устар. ‘название подводной лодки’);

2) слова, выражающие отвлеченные понятия (такие слова могут легко приобретать переносные значения): *эксцесс* (устар. ‘крайнее проявление чего-либо; излишество, невоздержанность’); *либерализм* (устар. ‘свободо-мыслие, вольнодумство’).

Вторая группа слов многочисленнее первой, в их стилевой характеристике больше колебаний. Так как иноязычное слово может быть не только однозначным, но и многозначным, часто следует говорить не о том, что слово выходит из употребления, а о том, что слово в данном значении выходит из употребления:

биржа – устар. ‘уличная стоянка извозчиков’;

акциз – ист. ‘название учреждения по сбору налога’;

мемориал – устар. ‘записки, дневник’;

продуцировать – устар. ‘воспроизводить, исполнять’;

эволюция – устар. воен. ‘движение войск для перестроения из одного боевого порядка в другой’;

фигурант – устар. ‘танцовщик групповых балетных выступлений’;

оператор – устар. ‘врач-хирург, делающий операции’;

дипломат – устар. ‘особого покроя длинное пальто’;

энциклопедист – ист. ‘фр. мыслитель 18 века’;

цензура – ист. ‘в Др. Риме – должность цензора’;

премьер – устар. ‘актер, занимавший ведущее место в труппе’;

ликвидатор – ист. ‘сторонник меньшевистского движения в РСДРП 1908-1912 гг.’;

фабриковать – устар. ‘изготавливать фабричным способом’;

интрига – устар. ‘любовная связь’;

презентовать – устар. или ирон. ‘подарить, преподнести в подарок’;

реляция – устар. ‘письменное донесение о военных действиях’;

пассаж – устар. ‘связанный и законченный отрезок текста’;

вояж – устар. или ирон. ‘проездка, путешествие’.

Увеличение частотности определенных разрядов книжной лексики, которая раньше функционировала в ограниченных сферах употребления и использовалась только в речи специалистов, приводит к утрате целым рядом лексических единиц компонента «книжное», «специальное». Эта лексика часто звучит в теле- и радиопередачах, вследствие чего получает широкое распространение и начинает восприниматься, а затем и использоваться широким кругом носителей языка. Это ведет к межстилизации лексики. Приведем примеры иноязычных слов, утративших ограничительные стилистические компоненты: *инцидент, акция, офис, приватизация, констатировать, бенефис, брокер, компьютер, приоритет, фальсификация, экология, эксперт* и др.

К книжной лексике относятся экзотизмы и иноязычные вкрапления. В публицистике экзотизмы используются для описания вещей и явлений чужой культуры, для передачи местного колорита. Экзотизмы – иноязычные слова, уже в определенной степени освоенные русским языком, они содержат в своем составе отдельные иноязычные черты, изображаются средствами русского алфавита: *сюзерен, Кнессет, хурал, вендетта, гангстер, паб* и др. Со временем слова, относящиеся к разряду экзотизмов, могут переходить в разряд обычных заимствований. Иноязычные слова: *импичмент, инаугурация, клан, менеджер, менеджмент, магнат, конгрессмен, клерк, мэр, мэрия, мафия, наркомафия, наркобизнес, бизнес, шоу-бизнес, офис, колледж, джихад, шариат, рамадан, талибан, талиб, ваххабиты, зомби, казино, кабаре, отель, супермаркет* и т. п. – начинали свое вхождение в русский язык как экзотизмы, в последнее десятилетие XX века они были деэкзотизированы и окончательно освоены. Таким образом, можно говорить о качественном и количественном (уменьшении) состава экзотизмов.

Иноязычные вкрапления используются в публицистике, как правило, с теми же стилистическими целями, что и экзотизмы. Иногда они употребляются как средство комического, для создания иронии, пародии. Иноязычные вкрапления сохраняют все присущие им в языке-источнике свойства, часто передаются с помощью букв алфавита языка-источника. Например: *хот-дог, уик-энд (week-end), хай-тек, хет-трик, сэконд-хэнд, ноу-хау (know-how), бэдайф, имиджлэнд, масс медиа, прайм-тайм, де-юре, де-факто, P.S. (постскриптум), PR (пиар), хэппи-энд, хай-вей, плей-офф, (персона) non-grata, ди-джей, статус-кво.*

Кроме книжной, в публицистике употребляется и разговорная лексика. Различные стилевые оттенки разговорной лексики обозначаются в словарях довольно расплывчато, недостаточно дифференцированно («ирон.», «шутл.», «прост.», «неодобр.» и т. п.). Например:

инстинкт – в разг. яз. ‘внутреннее чутье, безотчетное чувство, влечение’;

регламент – разг. ‘время, устанавливаемое на собрании, конференции и т. п. для выступления каждого участника’;

факс – разг., проф. ‘сообщение, полученное или переданное электрическим способом передачи; то же, что телеграф’; разг. ‘номер аппарата, передающего и принимающего информацию таким способом’;

реанимационный – разг. ‘реанимационное отделение больницы’;

шикарный – прост. ‘превосходный, прекрасный’;

импорт – разг. ‘ввозимые из-за границы товары и изделия’;

шоу – неодобр. ‘нечто показное, рассчитанное на шумный эффект’;

финансы – разг. ‘деньги, денежные дела’;

хит – муз., разг. ‘музыкальное произведение (обычно эстрадное), имеющее наибольшую популярность в течение какого-н. промежутка времени’;

административировать – неодобр. ‘управлять формально, бюрократически’;

опус – иногда ирон. ‘сочинение, труд’;

фирма – прост. ‘модная одежда’;

компьютерицик – разг. ‘специалист по компьютерной технике’ и ‘программист’;

финт – прост. ‘хитрая уловка’;

оккупировать – перен., разг., шутол. ‘занять, захватить что-либо, не имея на это особых прав’;

экземпляр – разг., шутол. ‘то же, что тип (человек, отличающийся какими-нибудь странными свойствами)’;

блефовать – разг. ‘играть, имея на руках плохие карты’;

утиль – разг. ‘пункт приема в переработку негодных к использованию вещей’;

протекционизм – разг. ‘подбор кадров по знакомству’;

комплекс – разг. ‘ощущение собственной уязвимости’;

аутсайдер – разг. ‘о том, кто отстает в каком-либо деле’;

ересь – разг. ‘отступление от общепринятых правил, взглядов’ и ‘вздор, чепуха’.

Суммируя написанное выше, можно сделать вывод о том, что в настоящее время лексика публицистического стиля продолжает активно пополняться иноязычными словами, имеющими различную стилистическую окраску.

Большой словарь иностранных слов. М., 2001.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.

Новейший словарь иностранных слов и выражений. М., 2001.

Словарь иностранных слов. М., 1980.

Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С.А. Кузнецов]. СПб., 2004.

Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения / [под ред. Г.Н. Складневской]. СПб., 1998.

Русское *близкий* в диахронии и синхронии языка

Ядром поля русских лексических единиц, характеризующих небольшое расстояние, является атрибутивная единица *близкий* как наиболее общая по дистанционной семантике лексема. Прилагательное *близкий* – «находящийся недалеко в пространстве или во времени» и «находящийся в родственных или других отношениях» – в русском языке появилось поздно. Лексикографические источники зафиксировали появление этой лексемы в XVIII веке (Поликарпов, 1704 г.). С точки зрения семантической истории корня слова представляет интерес древнерусское и старославянское *близна* «рубец на теле от раны или язвы». Ближайшими соответствиями в неславянских индоевропейских языках являются: латышское *blaîsît* – «сжимать», «давить», «бить»; латинское *fligere* (*fligō, flixi, flictum*) – «сталкивать», «бить», «повергать на землю», гот. – *bliggwan* – «колотить», «бить» (Фасмер 1986:94). Можно было бы предположить, в момент появления в русском языке лексемы *близкий* в ней присутствовала сема отрицательной оценки «враждебный», однако данные, полученные нами в результате анализа, основанного на онтологическом подходе к осмыслению семантики лексических единиц, свидетельствуют об обратном.

Данный подход к осмыслению семантики прилагательного, описывающий последовательные этапы познания сущего, и, следовательно, процесс изменения семантики слов, свидетельствует о том, что на протяжении веков представления об отношении к другому человеку менялись, однако существовали категории, которые веками не подвергались изменениям. Одной из таких категорий является категория «чуждости», которая осмыслялась через лексико-семантическую оппозицию «далекий – близкий». А.Б. Пеньковский, говоря о категории «чуждости» в русском языке, отмечает, что «с глубокой древности имеет место членение универсума на два мира – «свой» и «чужой», противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях «мы – они», «этот – тот», «здесь – там», «близкое – далекое». Типичной является интерпретация ... этих противопоставлений в виде оппозиций «хороший – плохой», с резко отрицательной оценкой того, что принадлежит «чужому» миру» (Пеньковский 2004:13).

Представления об отношении к человеку, находящемуся поблизости, неоднократно подвергались изменениям. Эти изменения объясняются влиянием со стороны общественной и семейной жизни, со стороны византийской и христианской культур. Осмысление «близкого» как «своего» менялось. Как отмечает В.В. Колесов, к середине XII века в качестве *близкого* стали понимать как родича (греч. *Suggenes*); позже,

когда рода как такового уже не было, данная лексема стала обозначать человека близкого (по искренности), но не родного (Колесов 2000:50).

Новый признак – размещение в пространстве – появился гораздо позже. Киевский князь Святослав, который разгневался на Всеволода Большое Гнездо, сказал: «Кто ми ближе – тотъ добръ» (Ипатьевская летопись) – только тот и хорош, кто близок.

Такое расширительное представление о близости отношений, а не родства развивалось и дальше. В настоящий период развития русского языка (синхрония *близкого*) положение дел с объемом и структурой содержания концепта «близкий» следующее.

В современном русском языке ЛЕ *близкий* реализует значение «такой, который находится или происходит на небольшом расстоянии от какого-либо места» (семема Д1). Синонимический ряд русских прилагательных, имеющих данную семему, составляют следующие лексические единицы: *близкий, недалекий, ближний, близлежащий, окрестный, недалёкий*. Существование большого числа прилагательных, выражающих пространственные отношения и большой диапазон их оттенков, свидетельствует о семантической широте данных ЛЕ.

Представляется, что данные языковые средства репрезентации признака «находящийся или происходящий на небольшом расстоянии» являются членами градуальной оппозиции, так как они характеризуются различной степенью одного и того же признака. Ю.Л. Воротников в связи с этим замечает, что «подобные синонимы являются лексическим средством выражения градации качественного признака» (Воротников 1999:82): – *ближний / ближайший* (наиболее близкий по расстоянию) – *близкий* (находящийся на небольшом расстоянии) / *близлежащий* (расположенный вблизи) / *окрестный* (находящийся или живущий по окрестности) / *недалекий / недалёкий* (близкий по расстоянию). В данной градуальной оппозиции признак качества (степени удаленности) недостаточно ограничен друг от друга. Ср.:

И раздался меж ближних скал

Какой-то длинный крик иль стон...

Похож был на последний он. (Лермонтов, Последний сын вольности, с. 298.)

К утру и хозяева явились. Признали своих лошадей. Игната тоже узнали. Касимовский шибай оказался... Ударили в набат – все села окрестные сбежались. Убить уroda! Живьем растерзать! (Можаев, Мужики и бабы, с. 72.)

Все дружно подняли рюмки, чокнулись и выпили, крякая, точно с мороза, и закусывая.

- Ты, Павел Митрофанович, хотя и недалёкий, но все ж таки приезжий из города. Да и молодой еще, чтоб хорошо судить о двадцатом годе, –

сказал Андрей Иванович, скручивая цигарку. (Можаев, Мужики и бабы, с. 71.)

...Вот разговор о старине

В палатке ближней слышен мне,

Как при Ермолове ходили

В Чечню, в Аравию, к горам... (Лермонтов, Валерик, с. 201.)

В избе мотали шелк; мотали все, кроме Феклы, она ушла за реку. Шелк брали с ближней фабрики, и вся семья вырабатывала на нем немного – копеек двадцать в неделю. (Чехов, Мужики, с. 356.)

...Она сидела по одну сторону стола, Нехлюдов сел против нее по другую. В комнате было светло, и Нехлюдов в первый раз ясно на близком расстоянии увидал ее лицо, – морщинки около глаз и губ и подпухлость глаз. И ему стало еще более, чем прежде, жалко ее. (Толстой, Воскресенье, с. 152.)

К синонимам данного ряда близки прилагательные *соседний* и официальное *сопредельный* – «такой, который имеет общую границу с некоторым объектом». В случае *соседний* граница может быть не реальной, а лишь воображаемой; *сопредельный*, напротив, указывает на наличие официально зарегистрированной границы (НОССРЯ 2000:6).

Синонимы данного ряда различаются по следующим смысловым признакам:

1) характер пространственного ориентира (*близкий, недалекий и ближний* предполагают в качестве ориентира наблюдателя или какой-то другой прямо названный в тексте физический объект, при *ближайший и окрестный* ориентиром может быть только наблюдатель. На наш взгляд, *близлежащий* и *окрестный* отличаются от других синонимов ряда и по стилистической окраске (разговорный стиль):

Все ряды противоположных лож с сидящими и стоящими за ними фигурами, близкие спины и седые, полуседые, лысые, плешивые и помаженные завитые головы сидевших в партере – все зрители были сосредоточены в созерцании нарядной, в шелку и кружевах, ломавшейся и ненатуральным голосом говорившей монолог худой, костлявой актрисы (Толстой, Воскресенье, с. 262) – в качестве ориентира вступают наблюдатели – зрители;

Прежде всего Нехлюдов поехал в Кузминское, ближайшее большое черноземное имение, с которого получался главный доход (Толстой, Воскресенье, с. 179) – единственный ориентир – наблюдатель Нехлюдов;

...И надо найти средства, для того чтобы этого не было, или, по крайней мере, самому не участвовать в этом. «И я непременно найду их, – думал он, ходя взад и вперед по ближайшей березовой аллее (Толстой, Воскресенье, с. 195) – единственный ориентир – главный герой;

В пути от острога к вокзалу упало и умерло, кроме тех двух человек, которых видел Нехлюдов, еще три человека: один был свезен, так же как первые два, в ближайшую часть, и два упали уже здесь, на вокзале (Толстой, Воскресенье, с. 294-295) – единственный ориентир – наблюдатели, по отношению к которым часть была ближайшей;

2) характер оценки расстояния (*ближний* указывает на расстояние, меньшее, чем любое другое из сравниваемых расстояний):

Первая эта их ссора произошла оттого, что Левин поехал на новый хутор и пробыл полчаса более, потому что хотел проехать ближней дорогой и заблудился (Толстой, Анна Каренина, с. 479);

3) характер описываемой ситуации – *близкий и недалекий* могут описывать динамические ситуации, другие синонимы ряда – только статические:

Вот наконец мы взобрались на Гуд-гору, остановились и оглянулись: на ней висело серое облако, и его холодное дыхание грозило близкой бурей (Лермонтов, Герой нашего времени, с. 475) – динамическая ситуация;

Кто посещал вершины диких гор

В тот свежий час, когда садится день,

На западе светило видит взор

И на востоке близкой ночи тень (Лермонтов, Могила бойца, с. 76) – динамическая ситуация;

- *Ну, так я приду за ним и принесу шубы сушить. Наши все тут, – сказала она Нехлюдову, уходя в дальнюю и указывая на ближнюю дверь* (Толстой, Воскресенье, с. 333) – статическая ситуация.

Прилагательное *близкий* гораздо свободнее, чем другие синонимы ряда, используются метафорически:

Степану Аркадьичу название этого места, столь близкого его сердцу, уже было привычно, и он, не ошибаясь, быстро выговаривал его (Толстой, Анна Каренина, с. 707);

- *Когда я чувствую, как теперь, что ты враждебно, именно враждебно, относишься ко мне, если бы ты знал, что это для меня значит! Если бы ты знал, как я близка к несчастью в эти минуты, как я боюсь, боюсь себя, – и она отвернулась, скрывая рыдания* (Толстой, Анна Каренина, с. 692);

Анна думала, что он разлюбил ее, она чувствовала себя близкой к отчаянию, и вследствие этого она почувствовала себя особенно возбужденно (Толстой, Анна Каренина, с. 536).

Прилагательное *ближний* часто используется для характеристики уникальных объектов, но при условии, что существуют аналогичные парные объекты, которые характеризуются с помощью антонимичного прилагательного *дальний*:

Ближний Восток – территория на Западе Азии и Северо-востоке Африки, на которой расположены Египет, Судан, Израиль, Иордания,

Ирак, Сирия, Ливан, ОАМ, Оман, Саудовская Аравия, Йеменская Республика, Кувейт, Катар, Бахрейн, Кипр, Турция, государство Палестина (западный берег р. Иордан и Сектор Газа) (БЭС);

Ближний порядок – согласованность в расположении соседних частиц в веществе, т.е. порядок, соблюдаемый (в отличие от дальнего порядка) на малых расстояниях, сравнимых с размерами самих частиц. Только ближний порядок характерен для жидкостей и твердых аморфных тел, кристаллическим телам присущ как ближний, так и дальний порядок (БЭС);

Ближняя дума – совет немногих доверенных лиц царя (великого князя) в России 15-18 веков. В 16 веке – фактическое правительство (избранная рада). Во второй половине 17 века назывался Комнатной думой или тайной думой (БЭС).

Выявлено, что только прилагательные *близкий* и *ближний* имеют форму превосходной степени, причем *ближний* имеет обе формы – синтетическую (*ближайший*) и аналитическую (*самый ближний*), а *близкий* – только аналитическую (*самый близкий*). *Ближайший* при этом репрезентирует идею «максимально близко расположенный к чему-либо»:

Поэт поднял свечу над головою и громко сказал:

- Здорово, други! – после чего заглянул под ближайший столик и воскликнул тоскливо: – Нет, его здесь нет (Булгаков, Мастер и Маргарита, с. 62);

План Берлиоза следует признать правильным: нужно было добежать до ближайшего телефона-автомата и сообщить в бюро иностранцев о том, что вот, мол, приезжий из-за границы консультант сидит на Патриарших прудах в состоянии явно ненормальном (Булгаков, Мастер и Маргарита, с. 45);

У нее похолодело сердце, когда она увидела Кити, сидевшую на низеньком, ближайшем от двери стуле и устремившую неподвижные глаза на угол ковра. Кити взглянула на сестру, и холодное, несколько суровое выражение ее лица не изменилось (Толстой, Анна Каренина, с. 125). В данном примере эксплицирован центр (дверь).

Семема Д1 прилагательного *ближний* «наиболее близкий по расстоянию» совпадает с семантической основой превосходной степени прилагательного *близкий* Д1 – «находящийся на небольшом расстоянии», (синтетическая превосходная степень – *ближайший*). По нашим наблюдениям, *ближний* (Д1) является менее частотным, чем *ближайший*, что подтверждают результаты количественного анализа (*ближний* – *ближайший* 1:2). Возможно, это является результатом того, что *ближайший*, как и все прилагательные на *-айший*, обладает более яркой экспрессивной окраской (Виноградов 1986:212), чем *ближний*. Последняя лексема свободна от экспрессивно-оценочного компонента значения.

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) М., 1986.

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: дисс....д-ра филол. наук. М., 1999.

Колесов В.В. Мир человека СПб., 2000.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю. М., 2000.

Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М., 2004.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986.

В.А. Калугина

Лексическая сочетаемость как фактор дифференциации синонимов в национальном языковом сознании (на примере лексем *зной*, *жар*, *жара*)

В настоящее время большое внимание уделяется исследованию особенностей семантических групп лексических единиц, что способствует изучению лексического состава языка в целом, взаимосвязей и взаимозависимостей входящих в него подсистем. С этой целью лингвисты анализируют сочетаемость лексем. Проблема сочетаемости слов привлекает внимание ученых, прежде всего, как «один из механизмов, способствующих выявлению всего многообразия семантической структуры слова и позволяющих отнести слово к какому-то определенному разряду или классу слов», а также как возможность выявить большинство составляющих концепта (Вежбицкая 1999:56).

Данное исследование посвящено выявлению сходств и различий в семантике существительных *зной*, *жар*, *жара* на основе анализа их лексической сочетаемости.

1. В статусе семемы Д1 ЛЕ *зной*, *жар*, *жара* реализуют значение «очень высокая температура от нагретого солнцем воздуха, значительно превышающая норму человеческого тела». Примечательно, что между синонимами *зной*, *жар* и *жара* в данном значении существует явное семантическое расхождение. Характеризуя сильную степень нагретости воздуха, мы можем использовать все три лексемы. Однако *зной*, в отличие от *жары*, которая может быть и при относительной или сильной влажности воздуха, еще означает безоблачную погоду, чрезвычайную сухость воздуха, при которой воздух начинает «дрожать и переливаться», т.е. проявляется зрительный эффект такого состояния воздуха. *Чутьем, впрочем, он знал, что Магда где-то около горки с миниатюрами, – оттуда шло как бы легчайшее ядовито-душистое тепло, и что-то дрожало там, как дрожит воздух в зной* (Набоков «Камера Обскура»). Существительное *жар* в значении Д1 (1) употребляется только в ед. числе.

В настоящее время оно выходит из употребления и заменяется, словом *жара*.

2. Кроме того, в отличие от слова *жара*, лексемы *зной* и *жар* могут обозначать не только «высокую температуру воздуха, но и сам горячий воздух»; ср. *Небо изливало зной сквозь ивы, и тело ныло и просилось в воду* (Булгаков «Роковые яйца»); *В райкоме сине вился табачный дым, тарахтела пишущая машинка, голландская печь дышала жаром* (Шолохов «Поднятая целина»).

3. Способность передавать «особое состояние всей природы» в наибольшей степени свойственна лексеме *зной*, чем лексемам *жара* и *жар*: обычно он сопровождается засухой, «дрожанием воздуха»: *В снах моих мир был облагорожен, одухотворен; люди, которых я наяву так боялся, появлялись там в трепетном преломлении, словно пропитанные и окруженные той игрой воздуха, которая в зной дает жизнь самим очертаниям предметов...* (Набоков «Приглашение на казнь»).

С целью более детального анализа содержания концепта «высокая температура» и выявления новых концептуальных признаков в работе изучается сочетаемость существительных *зной*, *жар*, *жара* с определениями.

Рассмотрим случаи сочетания определений и данных лексем в узуальном и окказиональном употреблении.

1. Исследуемые существительные сочетаются с определениями, указывающими на высокую степень: *такой, какой, самый, невыносимый, нестерпимый*. Кроме того, в индивидуальном авторском употреблении при ЛЕ *зной* возможно прилагательное *чудовищный*; при ЛЕ *жар* прилагательные *великий, невыносимый, несносный*.

Например: *Петр вышел из шатра в нестерпимый зной* (Толстой «Петр I»); *На просторных палубах было свежо и чисто, в проходах дул сквозной приятный ветер, а на молу лежал чудовищный зной и пахло серой* (Паустовский «Блистающие облака»); *В такой зной кричать да сердиться – себе дорожке* (Толстой «Петр I»). *В жерлах вулканов жар был настолько велик, что мы воспользовались им для добывания пар* (Толстой «Аэлита»).

ЛЕ *жара* сочетается в узуальном употреблении с определением *неизмеримая*, а в окказиональном со словами *адская, адовая, дьявольская*: *Неизмеримая жара повисла в воздухе, опалённым ветром* (Паустовский «Блистающие облака»); *Замыкалась процессия солдатской цепью, а за нею уже около двух тысяч любопытных, не испугавшихся адской жары...* (Булгаков «Мастер и Маргарита»); *Ведро пустели быстро, и кавалеристы из разных взводов по очереди отправлялись за водой в балку под город, где в жидкой тени тощих тутовых деревьев доживал свои дни на этой дьявольской жаре мутноватый ручей* (Булгаков «Мастер и Маргарита»).

2. Исследуемые ЛЕ также сочетаются с определениями, обозначающими «воздействие высокой температуры на живые существа и объекты природы»: *зной – жгучий; жара – испепеляющая; жар – томительный,*

разрушающий. Память его без особого удовольствия хранила жгучий зной и морскую слепящую синь (Набоков «Бледное пламя»).

Интересно отметить, что в окказиональном использовании при данных синонимах возможны определения, указывающие на другие свойства воздуха: *зной* сочетается с прилагательными, характеризующими состояние природы с точки зрения зрительного восприятия – *прозрачный, жирный*; *жара* – со словом *тяжелая*; *жар* – с определениями *тихий, желтый, лиловатый, фиалковый, белый, мандариновый*.

Над полями было ясно видно, как переливается прозрачный, жирный зной (Булгаков «Роковые яйца»); *Стояла тяжелая жара* (Паустовский); *Сердце запеклось, глаза высохли, во всем теле разгорался тихий жар* (Паустовский); *Между гостиной и передней, в проходном холле, где было светло и пусто, где среди плетеной мебели тепличной тишиной дышали цветущие растения, где за решеткой искусственного камина пылал мандариновый жар...* (Набоков «Король, дама, валет»). В данном контексте присутствует синестетический эпитет, т.к. происходит совмещение признаков: высокой температуры и цвета.

3. Данные лексемы могут употребляться с определениями, указывающими на «период времени, характеризуемый высокой температурой воздуха»: *зной* – *июльский, сентябрьский, летний, полуденный, постоянный*; *жар* – *полуденный*; *жара* – *послеполуденная*.

Товарищи, мы с вами исколесили не одну тысячу верст, в зимнюю стужу и в летний зной... (Толстой «Хождение по мукам»). Лексемы *жар* и *зной*, *знойный* отличаются от других синонимов (*тепло/ теплый, жара/ жаркий*) тем, что не могут обозначать климат (например, *теплые/ жаркие страны/ края*). ЛЕ *зной, жар* указывают на «состояние воздуха в конкретный момент (обычно в полдень)», а слово *зной* также может обозначать преобладающую температуру в относительно длинный период времени, например, месяц или лето.

В узуальном употреблении исследуемые лексемы сочетаются с прилагательными или другими существительными в родительном или предложном падежах, определяющими источник такой температуры: *зной, жар, жара* – *солнце*; *жар* – *части человеческого тела, печь, земля*. *Зимой там, как всюду в Иудее, льют дожди, дуют ледяные ветры; весной, летом, осенью – то же могильное спокойствие, однообразие, но солнечный зной, солнечный сон* (Бунин «Темные аллеи»).

4. Очевидна также возможность сочетания этих синонимов с определениями, указывающими на место. *Скоро на пороге показалась Маша, покрасневшая от кухонного жара...* (Чехов). Заметим, что ЛЕ *зной*, в отличие от существительного *жара*, которое способно называть температуру как внутри, так и снаружи помещения, описывает температуру только на открытом воздухе. *Тоска, над темным еще Босфором, над выжженными холмами разливалась безоблачная заря, таящая зной*. (Толстой «Петр I»).

5. Важным видится анализ определений, передающих оценку данной реалии говорящим. Лексемы *зной* и *жара* служат для объективной оценки и практически всегда связываются с неприятными ощущениями, т.е. актуализируют потенциальную негативную оценочную сему, что демонстрируют почти все контексты, содержащие данные слова. *Дождь ли, зной ли несносный, – взбредет царю – иди, шут его знает, куда и зачем, пугать добрых людей* (Толстой «Петр I»). *Пустынный берег моря, неутолимый зной и однообразие дымчатых лиловатых гор, вечно одинаковых и молчаливых, вечно одиноких, нагоняли на него тоску и, как казалось, усыпляли и обкрадывали его* (Чехов).

Однако отмечены случаи употребления слова *зной* с нейтральной оценочной семой, когда озвучивается отношение говорящего к подобной погоде, например, если важен зрительный эффект, производимый воздухом, а не воздействие данной погоды на человека, или реализуется положительная оценка источника такой температуры. *Зной дрожал дымчатой влагой* (Паустовский «Блистающие облака»). *Чувствовала, как все тело пронизывает, ласкает солнечный зной* (Толстой «Хождение по мукам»).

6. Существительное *жар* в статусе семемы Д2 «повышенная температура тела» (во время болезни) может использоваться с прилагательными, обозначающими:

а) невысокую степень: *легкий, небольшой жар. Мими же, под предлогом, что я была нездорова и расстроена, не давала мне его целый день. У меня точно был маленький жар...* (Толстой «Детство»).

Эти выражения на сегодняшний день устарели. Сейчас более точно дифференцируются данные понятия, например, говорят «небольшая, не очень высокая температура».

б) высокую степень: *сильный жар*.

в) признак болезни: *лихорадочный, болезненный, тифозный жар*.

Кроме того, для данной ЛЕ типично ее использование в составе идиоматических сочетаний. Например, выражение «бросать, кидать в жар» означает «прийти в лихорадочное состояние, в результате повышения температуры или возбужденного эмоционального состояния». *От одних мыслей, которые приходили по этому поводу в голову молодой, но искушенной в жизни женщины, ее бросало в жар и в озноб* (Лесков «На ножах»); *Меня то морозом дерет, то в жар кинет* (Шолохов); *Обломова опять стало кидать в жар и холод* (Гончаров «Обломов»).

7. В статусе мотивированной коннотативной семемы К1 «возбуждение, пылкость, страстность» ЛЕ *жар* сочетается с прилагательными *благородный, одушевляющий*, т. е. реализует положительную оценку. *Во-вторых, радуюсь за всех тех, кому придется иметь с тобою дело; потому что благородный жар, одушевляющий тебя, конечно, еще не имел времени погаснуть под пеплом спаленных надежд, верований и упований...* (Лесков «На ножах»).

Таким образом, исследование семантического наполнения лексем *зной*, *жар*, *жара* доказывает, что данные синонимы в статусе денотативной семемы различаются по следующим смысловым признакам: 1) характер оценки температуры; 2) способность обозначать сам горячий воздух; 3) характер субъективных ощущений; 4) локализация; 5) временные характеристики; 6) способность обозначать место с высокой температурой; 7) способность описывать особое состояние природы. Анализ сочетаемости позволил определить способы категоризации концептуализируемого явления и определить группы определений, используемых в сочетании с данными существительными. Это определения, обозначающие высокую степень, воздействие высокой температуры на живые существа и объекты природы, период времени, характеризуемый высокой температурой воздуха, источник такой температуры, место, оценку данной реалии говорящим, дают возможность дополнить дефиниции данных лексем.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Ж.И. Фридман

Гендерные и возрастные особенности психологически реального значения слов «помощь» и «труд»

Под психологически реальным значением понимается «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных. Психологически реальное значение структурировано по полювому принципу, а образующие его компоненты образуют иерархию по яркости» (Стернин 2005: 5).

Наиболее эффективным методом исследования психологически реального значения слова является свободный ассоциативный эксперимент, в ходе которого испытуемым предлагалось написать первое слово, которое придет им в голову при чтении исследуемого слова.

Эксперимент проводился в письменной форме. Было опрошено 820 человек (274 человека в возрасте до 20 лет, 279 человек в возрасте 21-30 лет, 267 человек в возрасте 31-50 лет; 472 женщины и 348 мужчин). Затем моделировалось психологически реальное значение и выделялись гендерные и возрастные особенности (Фридман 2004, 2005).

Возрастные особенности**Помощь**

<i>До 20 лет</i>	<i>21-30 лет</i>	<i>31-50 лет</i>
1. Содействие		
Содействие (5%)	Содействие (9%)	Содействие (6,7%)
Ближнему (4,4%)	Ближнему (6,3%)	Ближнему (4,5%)
Милосердие (2%)	Родственникам (1%)	Оценивается положительно (2,4%)
Оценивается положительно (1,6%)	Предполагает милосердие (0,9%)	Является обязанностью каждого (2%)
Предполагает благородство (1%)	В работе (0,8%)	Предполагает заботу (1%)
Родственникам (0,8%)	Оценивается положительно (0,8%)	Родственникам (0,9%)
В работе (0,6%)	Является необходимостью (0,8%)	Оказывается бескорыстно (0,9%)
Оказывается бескорыстно (0,6%)	Ее оказывают специальные службы (0,6%)	Предполагает благородство (0,8%)
Предполагает взаимопонимание (0,6%)	Предполагает благородство (0,6%)	Предполагает милосердие (0,8%)
Предполагает отзывчивость (0,5%)	Предполагает взаимопонимание (0,6%)	Предполагает защиту (0,8%)
Пожилому человеку (0,5%)	Оценивается отрицательно (0,5%)	Является необходимостью (0,8%)
Является необходимостью (0,5%)	Пожилому человеку (0,3%)	Оценивается отрицательно (0,6%)
Является обязанностью каждого (0,5%)	Предполагает заботу (0,3%)	В работе (0,5%)
Предполагает заботу (0,3%)	Предполагает защиту (0,3%)	Предполагает взаимопонимание (0,5%)
Предполагает защиту (0,3%)	Предполагает отзывчивость (0,2%)	Предполагает отзывчивость (0,5%)
Оценивается отрицательно (0,2%)	Является обязанностью каждого (0,2%)	Пожилому человеку (0,3%)
		Ее оказывают специальные службы (0,3%)
2. Меры, применяемые в больнице для облегчения страданий		
10,5%	8,6%	6,4%
3. Материальные средства, выделяемые для кого-то		
1%	2,5%	3,8%

4. Компьютерная программа (0,2%)		
----------------------------------	--	--

Для информантов всех трех возрастных групп помощь – это прежде всего содействие ближнему. Но значение «содействие» испытуемые в возрасте 21-30 лет отмечают почти в два раза чаще опрошенных других групп. Сему «ее оказывают специальные службы» информанты младшей возрастной группы не выделяют. Для опрошенных в возрасте 21-30 лет оказывается нерелевантной сема «оказывается бескорыстно». Наибольшее количество положительных оценок понятия «помощь» было отмечено среди ответов информантов старшей возрастной группы. Но среди ответов опрошенных из этой группы наибольший процент обнаружен и отрицательных характеристик. Значения «меры, применяемые в больнице для облегчения страданий» и «материальные средства, выделяемые для кого-то» отмечают испытуемые всех трех возрастных групп. В их сознании данные значения занимают одинаковое место по степени релевантности. Значение «компьютерная программа» обнаружено среди ответов опрошенных только младшей возрастной группы, что свидетельствует о важности этого значения только для представителей подрастающего поколения. Количество разных и единичных реакций больше всего дают испытуемые старшей возрастной группы, меньше – опрошенные младшей возрастной группы. Частотность самой распространенной реакции больше среди ответов испытуемых младшей возрастной группы. Таким образом, уровень стандартности ассоциативных реакций больше у информантов младшей возрастной группы. Наибольшее количество отказов наблюдается в младшей возрастной группе испытуемых, наименьшее – в старшей возрастной группе.

Труд

<i>До 20 лет</i>	<i>21-30 лет</i>	<i>31-50 лет</i>
1. Работа		
Работа (13,3%)	Работа (15,5%)	Работа (10%)
Оценивается негативно (5,1%)	Оценивается негативно (4,4%)	Оценивается позитивно (7,3%)
Цель – получение денег (2,2%)	Наиболее распространенным орудием является лопата (3%)	Оценивается негативно (3,5%)
Может быть физической (2%)	Может быть физической (3%)	Может быть физической (3,2%)
Оценивается позитивно (1,7%)	Оценивается позитивно (2%)	Цель – получение денег (2,2%)
Наиболее распространенным орудием является лопата (1,6%)	Цель – получение денег (1,7%)	Ассоциируется с маем (1,3%)

Ассоциируется с маем (1,6%)	Ассоциируется с маем (1,3%)	Может быть интеллектуальной (0,4%)
Может быть интеллектуальной (0,9%)	Цель – благополучие (0,4%)	Наиболее распространенным орудием является лопата (0,3%)
Цель – благополучие (0,1%)	Может быть интеллектуальной (0,4%)	Цель – благополучие (0,3%)
2. Усилия, направленные на достижение чего-то (1,7%)	2. Усилия, направленные на достижение чего-то (1,2%)	2. Целесообразная деятельность человека (1,6%)
3. Целесообразная деятельность человека (0,7%)	3. Целесообразная деятельность человека (1,2%)	3. Усилия, направленные на достижение чего-то (1,3%)
4. Имя собственное (0,6%)	4. Имя собственное (0,9%)	4. Предмет школьного образования (0,3%)
5. Произведение искусства (0,4%)	5. Предмет школьного образования (0,4%)	5. Результат какой-либо деятельности (0,1%)
6. Результат какой-либо деятельности (0,3%)	6. Произведение искусства (0,3%)	
7. Предмет школьного образования (0,1%)		

Испытуемые всех трех возрастных групп воспринимают «труд» прежде всего как работу. Если опрошенные в возрасте до 20 лет и 21-30 лет оценивается труд преимущественно негативно, то информанты в возрасте 31-50 лет характеризуют позитивно. Наибольшее количество разных значений у исследуемого слова выделяют испытуемые младшей возрастной группы, наименьшее – информанты старшей возрастной группы. Количество разных и единичных реакций больше всего дают испытуемые старшей возрастной группы, меньше – опрошенные младшей возрастной группы. Частотность самой распространенной реакции больше среди ответов испытуемых младшей возрастной группы. Таким образом, уровень стандартности ассоциативных реакций больше у информантов младшей возрастной группы. Наибольшее количество отказов наблюдается в младшей возрастной группе испытуемых. В старшей возрастной группе отказы на данный стимул отсутствуют.

Гендерные особенности

Помощь

<i>женщины</i>	<i>мужчины</i>
1. Содействие в чем-либо	
Содействие (10,2%)	Содействие (10,5%)
Ближнему (9%)	Ближнему (6,1%)
Оценивается положительно (3,1%)	Оценивается положительно (1,6%)
Предполагает милосердие (2,7%)	Предполагает заботу (1,4%)
Является обязанностью каждого (1,7%)	Родственникам (1,3%)
Родственникам (1,6%)	В работе (1%)
Предполагает благородство (1,6%)	Предполагает милосердие (1%)
Является необходимостью (1,3%)	Предполагает благородство (0,9%)
Оказывается бескорыстно (1%)	Предполагает взаимопонимание (0,8%)
Предполагает защиту (0,9%)	Оценивается отрицательно (0,8%)
Предполагает взаимопонимание (0,9%)	Является необходимостью (0,8%)
Предполагает отзывчивость (0,8%)	Является обязанностью каждого (0,8%)
В работе (0,8%)	Пожилому человеку (0,6%)
Пожилому человеку (0,5%)	Ее оказывают специальные службы (0,5%)
Ее оказывают специальные службы (0,5%)	Оказывается бескорыстно (0,5%)
Оценивается отрицательно (0,5%)	Предполагает защиту (0,5%)
Предполагает заботу (0,3%)	Предполагает отзывчивость (0,3%)
2. Меры, применяемые в больнице для облегчения страданий	
(13,8%)	(13,8%)
3. Материальные средства, выделяемые для кого-то	
(4,9%)	(2,5%)
4. Компьютерная программа	
(0,2%)	

Опрошенные женщины выделяют на одно значение больше, чем опрошенные мужчины. Для испытуемых всех гендерных групп *помощь* – это, прежде всего, содействие ближнему, которое оценивается положительно. Информанты-женщины считают, что *помощь* предполагает в основном милосердие, а информанты-мужчины – что *помощь* предполагает заботу. Количество разных ассоциаций и единичных ответов у женщин больше, чем у мужчин; число самой распространенной реакции больше у мужчин. Следовательно, уровень стандартности ассоциативных ответов выше у мужчин. Наибольшее количество отказов наблюдается в группе испытуемых-мужчин.

Труд

<i>женщины</i>	<i>мужчины</i>
1. Работа	
Работа (22%)	Работа (16,8%)
Оценивается позитивно (7,1%)	Оценивается негативно (6,5%)
Оценивается негативно (6,4%)	Оценивается позитивно (3,9%)
Физическая (4,4%)	Цель – получение денег (3,6%)
Ассоциируется с маем (3,2%)	Физическая (3,6%)
Наиболее распространенным орудием является лопата (2,8%)	Наиболее распространенным орудием является лопата (2,2%)
Цель – получение денег (2,5%)	Ассоциируется с маем (1%)
Интеллектуальная (1%)	Интеллектуальная (0,7%)
Цель – благополучие (0,6%)	Цель – благополучие (0,3%)
2. Усилия, направленные на достижение чего-либо (3%)	2. Целесообразная деятельность человека (1,3%)
3. Целесообразная деятельность человека (2,2%)	3. Усилия, направленные на достижение чего-либо (1,2%)
4. Предмет школьного образования (0,7%)	4. Имя собственное (1,2%)
5. Имя собственное (0,3%)	5. Произведение искусства (0,4%)
6. Произведение искусства (0,3%)	6. Предмет школьного образования (0,1%)
7. Результат какой-либо деятельности (0,3%)	7. Результат какой-либо деятельности (0,1%)

Информанты двух возрастных групп выделяют одинаковое количество значений исследуемого слова. И для женщин, и для мужчин *труд* – это, прежде всего, работа. У женщин преобладает позитивная оценка труда, а у мужчин – негативная. Для всех опрошенных *труд* – это в основном физическая работа, целью которой является получение денег. Количество разных ассоциаций и единичных ответов у женщин больше, чем у мужчин; число самой распространенной реакции больше у мужчин. Следовательно, уровень стандартности ассоциативных ответов выше у мужчин. Наибольшее количество отказов наблюдается в группе испытуемых – женщин.

Стернин И.А. Концепт и значение: какому виду сознания они принадлежат? // Язык и национальное сознание. Вып. 7. Воронеж, 2005. С. 4-10.

Фридман Ж.И. К вопросу о методике исследования социально-психологической лексики // Культура общения и ее формирование. Вып. 13. Воронеж, 2004. С. 39-45.

Фридман Ж.И. Гендерные и возрастные особенности психологически реального значения (на примере слов «закон» и «долг») // Актуальные

проблемы языковедения: Межвузовский сборник научных трудов. Курск, 2005. С. 103-109.

Е.А. Зацепина

Определение психологически реального значения слова (на примере лексем «вежливость» и «грубость»)

Решение главной задачи лингвокогнитивной концептологии (моделирование содержания и структуры исследуемого концепта как глобальной мыслительной единицы) требует от исследователя применения целого комплекса методик, как лингвистических, так и психолингвистических.

Использование исключительно лингвистических методик (в частности, анализ лексикографического описания ключевого слова, репрезентирующего исследуемый концепт) не позволяет достаточно полно рассмотреть ту или иную ментальную категорию, так как основная задача словаря – «не пытаться определить значение слова в виде конечного списка признаков-критериев, которым должны удовлетворять все без исключения объекты, обозначаемые данным словом, а описать значение слова как прототипический каркас...» (Кобозева 2000:160).

Применение психолингвистических экспериментальных методик позволяет выявить и описать «психологически реальное значение слова (во всей полноте семантических признаков, связываемых со словом в сознании носителей языка)» (Попова, Стернин 2005:8). Результаты таких экспериментальных процедур помогают полнее рассмотреть содержание исследуемых категорий и тем самым способствуют описанию специфики национального языкового сознания.

Целью данной работы является попытка описания психологически реального значения лексем *вежливость* и *грубость* в русском коммуникативном сознании.

Для достижения поставленной цели был использован метод субъективных дефиниций. Испытуемым предлагалось письменно ответить на вопрос, содержащийся в следующей инструкции: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Мы исследуем значение слова *вежливость* (*грубость*). Закончите, пожалуйста, предложение *Вежливость* (*грубость*) – это ... Спасибо за участие». Эксперимент проводился в двух группах: одна работала с лексемой *вежливость* (414 информантов), другая – с лексемой *грубость* (400 информантов). Большая часть испытуемых – студенты 1-5 курсов БГПИ, их родители; кроме того, в эксперименте приняли участие жители г. Борисоглебска и г. Ростова-на-Дону. Возрастной диапазон опрошенных – от 17 до 80 лет.

Анализ результатов проведенного эксперимента показали, что психологически реальное значение лексем *вежливость* и *грубость* у носителей языка существенно отличается по объему от лексикографических

дефиниций. Некоторые определения, предложенные испытуемыми, были очень сложными и включали в себя ряд описаний (например, *вежливость* – это положительное качество человека, заключающееся в умении себя вести, тактичность и т.п.). В таких случаях из пространных дефиниций «вычленились» компоненты и рассматривались как отдельные реакции.

Результаты, полученные в ходе эксперимента, подверглись семантической интерпретации. На первом этапе близкие по семантике ассоциаты объединялись (например, ассоциаты *воспитанность* 77, *наличие воспитания* 8, *воспитанный человек* 6, *приобретается в процессе воспитания* 3, *воспитывается с детства* 1 и др. интерпретировались как номинация одного и того же семантического компонента *воспитанность*), их количество суммировалось, а в качестве номинации семантического компонента выбиралась наиболее частотная лексема.

Семная интерпретация ассоциатов позволила выявить следующие семантические компоненты лексемы «**ВЕЖЛИВОСТЬ**»: *доброе отношение* 108, *воспитанность* 107, *уважение* 91, *умение вести себя* 70, *тактичность* 65, *отзывчивость*, *готовность помочь* 32, *умение грамотно общаться* 30, *культурность* 28, *порядочность* 25, *обходительность* 23, *внимание* 21, *сдержанность* 18, *соблюдение морально-этических норм* 17, *нечто положительное, приносящее позитивные эмоции* 16, *мягкость* 14, *отсутствие грубости* 14, *положительное качество человека, необходимое каждому* 14, *умение понять другого человека* 14, *позитивное состояние души человека* 13, *хорошее отношение к другим* 11, *культура речи* 7, *проявляется в общении* 7, *употребление считающихся вежливыми слов* 6, *пунктуальность* 6, *образованность* 6, *способствует выходу из конфликта* 6, *ответственность* 6, *качество, присущее не всем* 6, *интеллигентность* 5, *благодарность* 4, *норма жизни* 4, *наличие интеллекта* 3, *уступчивость* 3, *терпимость к чуждому мнению, поведению* 3, *врожденная черта характера* 3, *Бог в душе* 2, *скромность* 2, *самоуважение* 2, *добросовестность* 2, *личная заинтересованность* 1, *покровительство* 1, *эстетически развитый человек* 1, *привилегия королей* 1, *чувственность* 1.

Семная интерпретация ассоциатов, полученных в результате эксперимента, позволила выявить следующие семантические компоненты лексемы «**ГРУБОСТЬ**»: *отсутствие должного уважения к кому-либо* 98, *отсутствие воспитания* 79, *хамство* 77, *черствость* 42, *несдержанность* 41, *злость по отношению к окружающим* 39, *жестокость в обращении с другими* 33, *низкий уровень умственного/интеллектуального развития* 33, *наглость*, *бесцеремонность* 32, *бестактность* 31, *нечто негативное, недопустимое, приносящее отрицательные эмоции* 30, *негативное качество человека* 29, *использование грубых слов* 28, *эгоизм* 25, *отсутствие культурных навыков* 22, *отсутствие вежливости* 19, *агрессивность* 16, *нарушение законов общения* 14, *ответная реакция на что-либо* 14, *нарушение норм поведения* 13, *причинение обиды, оскорбление* 12, *плохое отношение к окружающим* 11, *признак хорошего*

тона 11, использование грубой физической силы 10, унижение других 9, условие для нормального общения 8, отступление от норм морали и нравственности 7, безразличие 5, вульгарность 5, отсутствие понимания 5, нетерпимость 5, закомплексованность 4, ханжество 3, самоуправство 2, душевная слабость 2, мстительность 2, предвзятое отношение к человеку 2, порок человека 2, приобретенная черта характера 1, завистливое отношение 1, попытка выразить себя 1, неаккуратность 1, собственничество 1, бывает от семейных неурядиц 1, плохое настроение 1, неприятный на ощупь предмет 1.

На втором этапе семантические компоненты были распределены по семантическим признакам. Рассмотрим полученные результаты.

Семантические признаки лексемы **вежливость**:

отношение к окружающим 280: доброе отношение 108, уважительное отношение к окружающим 91, взаимопомощь, отзывчивость 32, внимание 21, умение понять 14, хорошее отношение к другим 11, терпимость 3;

наличие определенных форм поведения 174: умение себя вести 70, тактичность 65, обходительность 23, ответственность 6, пунктуальность 5, уступчивость 4, аккуратность 1;

условия проявления вежливости 173: воспитанность 107, культурность 28, позитивное психологическое состояние человека 13, образованность 6, интеллигентность 5, ум 3, врожденная черта характера 3, связь с религиозными заветами 2, самоуважение 2, личная заинтересованность 1, покровительство 1, эстетически развитый человек 1, привилегия королей 1;

наличие морально-нравственных качеств 48: порядочность 25, соблюдение морально-этических норм 17, благодарность 4, добросовестность 2;

характер коммуникативных навыков 43: умение грамотно общаться 30, культура речи 7, употребление считающихся вежливыми слов 6;

производимое впечатление 41: нечто положительное, приносящее позитивные эмоции 16, положительное качество человека 14, признак хорошего тона 11;

наличие определенных психологических качеств 35: сдержанность 18, мягкость 14, скромность 2, чувственность 1;

назначение 14: условие для нормального общения 8, способствует выходу из конфликта 6;

необходимость 14: качество, необходимое каждому 14;

отсутствие грубости 14.

Семантические компоненты слова **грубость**:

отношение к окружающим 205: отсутствие уважения 98, злость по отношению к другим 39, эгоизм 30, агрессивность 16, плохое отношение к другим 11, отсутствие понимания 5, нетерпимость 5, зависть 1;

условия проявления 195: отсутствие воспитания 79, низкий уровень интеллекта 33, эгоизм 30, отсутствие культуры 22, ответная реакция на что-либо 14, вульгарность 5, закомплексованность 4, душевная слабость 2, предвзятое отношение к человеку 2, приобретенная черта характера 1,

попытка выразить себя 1, бывает от семейных неурядиц 1, плохое настроение 1;

нарушение норм поведения 166: хамство 77, наглость 32, бестактное поведение 31, нарушение норм поведения 13, использование грубой физической силы 10, самоуправство 2, неаккуратность 1;

наличие определенных психологических качеств 119: черствость 42, несдержанность 41, жестокость 33, мстительность 2, собственничество 1;

производимое впечатление 61: нечто негативное 30, негативное качество человека 29, порок человека 2;

нарушение законов общения 42: использование грубых слов 28, нарушение законов общения 14;

последствия проявления качества 21: причинение обиды 12, унижение других 9;

отсутствие вежливости 19;

нарушение норм морали и нравственности 10: нарушение норм морали и нравственности 7, ханжество 3;

неприятный на ощупь предмет 1.

Третий этап предполагал формулирование психологически реальных значений лексем *вежливость*, *грубость*.

Таким образом, **вежливость** – это позитивное отношение к окружающим 280; вежливость требует наличия определенных форм поведения 174, морально-нравственных качеств 48, психологических качеств 35 и коммуникативных навыков 43; вежливость реализуется при определенных условиях 173, приносит положительные эмоции 41, осознается как необходимость 14 и имеет назначение 14; вежливость противопоставляется грубости 14.

Грубость характеризуется негативным отношением к окружающим 205, определяется как нарушение норм поведения 166, общения 42, норм морали и нравственности 10 и наличие некоторых психологических качеств характера 119; грубость проявляется при определенных условиях 195, производит негативное впечатление 61 и имеет последствия проявления 21; грубость осознается как отсутствие вежливости 19.

Проведенный эксперимент показал, что психологически реальное значение слов *вежливость*, *грубость* значительно шире описания, представленного в лексикографических источниках.

Обращает внимание большое количество реакций на лексему *вежливость*, связанных не с соблюдением этикетных норм, а с «действенным вниманием» (Ларина 2004:145) (внимательное отношение, готовность помочь, отзывчивость и др.). Кроме того, встречается достаточно много ассоциатов, относящихся к морально-нравственной сфере деятельности человека.

Эксперимент по определению психологически реального значения слова *грубость* показал, что русское сознание трактует данную лексему как отрицательное качество, присущее человеку (только 1 испытуемый определил грубость как неприятный на ощупь предмет).

Полученные в результате эксперимента признаки существенно дополнили словарные данные, что поможет в дальнейшем полнее описать содержание исследуемых категорий.

Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1. Волгоград, 2005.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. М., 2000.

Ларина Т.В. Экспериментальное исследование категории «вежливость» в английском и русском коммуникативном сознании // Язык и национальное сознание. Вып. 5. Воронеж, 2002.

И.П. Зленко

Номинация «французский язык» в русском языковом сознании

Расширение межнациональных и межкультурных контактов требует не только улучшения практики обучения языкам, но и более детального подхода к понятию «язык». Известно, что язык является отражением национальной культуры народа. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (М., 1987) приводится шесть определений языка, одним из которых является следующая дефиниция: язык – это «система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе» (с. 747).

Мы считаем, что язык является источником информации не только как синтез «звуковых, словарных и грамматических средств», но и как воссоздание культурных ценностей народа. Можно предположить, что язык определяет стереотип поведения народа.

Изучая иностранный язык и иноязычную культуру, можно дать определённую характеристику языка. Так, немецкий язык нам кажется грубым и отрывистым, итальянский – экспрессивным и быстрым, французский – певучим и нежным.

Язык оказывает большое влияние на поведение нации, вырабатывая устойчивые стереотипы. Французский язык, например, очень часто называют языком любви, а французов – знатоками в этой области.

Нам представляется интересным и полезным исследовать стереотип французского языка в русском национальном сознании, так как это даёт возможность выявить те признаки, которые необходимо требуют объяснения. Для этого мы провели анкетирование, которое позволило нам дифференцировать основные представления российских информантов о французском языке.

Анкетирование проводилось среди специалистов французского языка, то есть людей, профессионально занимающихся французским языком и поэтому знающих ближе культуру и людей Франции – студентов французского отделения (101 информант: мужчин – 17, женщин – 84). Возраст информантов – 17-22 года. Нам интересно было узнать, как воспринимают французский язык студенты разных этапов обучения (начинающий, средний и продвинутый уровни).

Анкета имела следующий вид: «Мы предлагаем Вам принять участие в психолингвистическом эксперименте. Мы изучаем национальные особенности понятий разных народов. Нас интересует, как люди воспринимают название иностранных языков. Просим Вас ответить на вопрос. Французский язык – какой?».

Для характеристики языка респонденты приводили как имена прилагательные, так и прибегали к ассоциациям, которые возникали у них в связи с французским языком.

Приведем список характеристик и их частотность, связанные в сознании респондентов с французским языком.

Французский язык – *красивый 68; мелодичный 61; романтический 19; язык любви 14; сложный (трудный) 9; интересный 6; мягкий, нежный, несложный (лёгкий), певучий, поэтичный 5; Эйфелева башня 4; высокая мода, гармоничный, грациозный, прекрасный, французское вино 3; благородный, богатый, быстрый, великолепный, восхитительный, выразительный, загадочный, звучный, изящный, лаконичный, логичный, лучший, любимый, плавный, французские песни, французская культура, чувственный, ясный 2; величавый, вкусный, возвышенный, волнующий, во многих странах используется, воздушный, воспитательный; временами нужный, по обстоятельствам; длинный, дружеский, замечательный, знакомство, изысканный, ласковый, литературный, международный, Мулен Руж, невостребуемый, не всегда понятный, образный, Париж, правильный, прелестный, признак хорошего воспитания в XIX веке, приятный, родной, свободный, сексуальный, серое небо над Эйфелевой башней, слащавый, сложное произношение, тёмно-синий, тонкий, французская кухня, французские духи, французский сыр, Шарль де Голль, экспрессивный, элегантный, эмоциональный; язык высшего общества, придворный язык; язык искусства, язык королей, язык культуры, язык мировой литературы 1.*

При описании выделено 80 характеристик, указывающих на основные характеристики языка. При всём многообразии ответов их можно распределить по нескольким группам по принципу смыслового сходства. Респонденты в первую очередь отмечают красоту французского языка (67%) и мелодичность (60%), затем отмечают его романтичность (19%), ассоциируют его с языком любви (14%), а также находят его сложным (9%), интересным (6%), поэтичным, мягким, нежным и лёгким (5%). Четыре процента респондентов ассоциируют французский язык с Эйфелевой башней. Три процента респондентов считают, что французский язык прекрасный, грациозный, а также ассоциируют его с высокой модой и

французским вином. Примечательно, что студенты начального уровня обучения (1-ый курс) отмечают красоту языка, в то время как студенты продвинутого уровня обучения (5-ый курс) отмечают его мелодичность, а также определяют французский язык как лёгкий и родной.

В основной характеристике языка присутствуют положительные коннотации. Нами выявлены также отрицательные коннотации – студенты 1-го курса характеризуют язык как «трудный», «не всегда понятный», «сложный»; студенты 3-го курса определяют его как «слащавый», студенты-выпускники считают, что французский язык «невостребуемый».

Нами отмечено также преобладание крайних оценок в характеристике языка: «прелестный», «прекрасный», «лучший», «восхитительный», «великолепный», «замечательный». Однако такие характеристики единичны и не присущи студентам 5-го курса.

Респонденты ассоциировали исследуемый язык с понятиями, близкими французской культуре. Чаще всего параллели проводились с понятием Эйфелевой башни, а также модой, любовью. Гораздо реже встречались такие ассоциации, как «французская кухня», «Шарль де Голль», «французская песня», «французское вино», «французские духи», «Париж», «Мулен Руж», «французский сыр». Ассоциации занимали второстепенное место в характеристике языка, приоритетными оставались имена прилагательные.

Основываясь на данных опроса, можно составить характеристику французского языка. Ядро этого определения будут составлять семы «красивый», «мелодичный язык», «с некоторой долей романтики». Периферию значения будут составлять следующие семы: «интересный», «певучий язык».

На основе ассоциаций можно составить картину французской нации и её символов. Эксперимент показывает, что непререкаемым символом Франции остаётся Эйфелева башня. Эта страна воспринимается как столица моды и любви. Французы являются любителями хорошей кухни, изысканного вина, сыра и дорогих духов. Французская песня остаётся вне критики. Для многих иностранцев Франция ассоциируется с Парижем, Мулен Ружем и бывшим президентом Шарлем де Голлем.

Язык содержит в себе гораздо больше информации, чем может показаться на первый взгляд. Он представляет не только страну, но и общество, чётко подмечая главные особенности культурных традиций нации.

Алла Лихачева

Русская составляющая в современном литовском языковом сознании

Более десяти лет назад русский язык в Литве получил статус иностранного, и это отражает не только юридические позиции русского

языка, но и его фактическое положение. При этом в литовском языковом сознании русская составляющая продолжает занимать значительное место. Данная работа представляет собой опыт лингвистической и металингвистической интерпретации устойчивости русизмов в речи литовцев.

В статье не анализируются русские заимствования, иноязычное происхождение которых позволяют установить только специальные этимологические исследования, например, *pulkas* ('полк'), *stiklas* ('стекло'), *klijai* ('клей') и пр. Такая лексика имеет многовековую историю, и она структурно и семантически адаптирована литовским языком (см. Jakaitienė 1980; Kabelka 1982).

Существование русизмов в нынешней речевой практике литовцев достаточно парадоксально. С одной стороны, в неофициальном общении русские слова могут даже не осознаваться как заимствования, поскольку частью литовцев эта лексика полностью освоена. С другой стороны, редукция функций русского языка в Литве и сокращающийся процент населения, хорошо им владеющего, приводит к тому, что литовцами, выросшими в постсоветские годы, русизмы воспринимаются как вненациональные аксессуары речевой моды. И, наконец, особую, идеологическую, функцию выполняют русизмы, используемые как элементы официально-публицистического дискурса.

Рассмотрим подробнее лексику, образующую русскую составляющую современного литовского языкового сознания. Она может быть разбита на несколько типов.

1. Лексические единицы, используемые литовцами, скорее всего, неосознанно, что является результатом **привычного переключения кодов**, развившегося в процессе длительного билингвального существования, при котором активными билингвами выступали именно литовцы. Это русизмы, прочно укоренившиеся в массовом сознании литовцев. Например, в непринужденной литовской речи постоянно присутствуют фразы, подобные следующим: *Čia toli, peškom nenueisi* ('Это далеко, пешком не дойдешь'); *Tai brangiai kainuoja, čiut ne milijoną* ('Это дорого стоит, чуть не миллион'); *Niekur čia, koročė, nepravažiuosi* ('Нигде здесь, короче, не проедешь'); *Manę gi už špargalką išvarė* ('Меня же за шпаргалку выгнали').

2. Лексика, удовлетворяющая принципу **экономии коммуникативных усилий**. Это, как правило, разговорная лексика или жаргонизмы, по отношению к которым литовский язык не располагает однословными эквивалентами, например: *bomžas* ('бомж') в значениях 'бездомный' или 'деградировавший человек' (здесь и ниже толкования по (СРЯ, ТСРОЖ, СС, ЯИ, СРС, DRS); *žulikas* ('жулик') – обозначение недобросовестного человека; *časnikas* ('частник') – частный предприниматель, частный водитель; *morozas* ('мороз') от русск. 'отморозок, отмороженный' – о недалеком, неразвитом в эмоциональном и интеллектуальном плане человеке; *bičas* ('бич') – о человеке без постоянной работы и постоянного места жительства или о ленивом, не желающем работать человеке. Отсутствие в литовском языке удобной и лаконичной замены русскому

побудительному глаголу *davai* ('давай') обеспечили этому слову необычайную частотность в речи литовцев, ср: *Tu man vieną, aš tau kitą, tai davai susitariam* ('Ты мне одно, я тебе другое, так давай договоримся') – высказывание парламентария (члена Сейма) в телепередаче.

3. Лексика, отвечающая стремлению к **речевой выразительности**. Особенно востребованным оказывается обширный репертуар сленговых русизмов, например: *navorotai* ('навороты') как ироническое обозначение чрезмерного усложнения чего-либо (напр., о сюжете фильма), наличия избыточных деталей (напр., об одежде), а также с положительной коннотацией – например, о дополнительных функциях у автомобиля, телефона и др.; *čiotkas, čiotkai* ('четкий', 'четко') в том же значении, что и в русском сленге, т.е. 'превосходный (-о)', 'прекрасный (-о)'; *krūtas, krūtai* ('крутой', 'круто') с сохранением исходной семантики обозначения высшей степени проявления признака, выражения одобрения и т.д.; *lievas, lieva* ('левый, левая') как антонимичное предыдущим значениям выражение неодобрения; *babkės* ('бабки'), т.е. 'деньги'; *vidiakas* (в русском жаргоне 'видак', 'видик') – о видеомаягнитофоне; *dubakas* ('дубак') – о холоде; *lochas* ('лох') в значении 'слишком доверчивый человек, простак, дилетант'; *jolki* ('ёлки', чаще 'ёлки-палки' или 'ёлы-палы') – выражение, согласно словарям жаргона, способное выражать любые чувства; *bazarint, -i* ('базарить') – 'шуметь, устраивать беспорядок'; *zaviazuvat'* ('завязывать') в значении 'прекращать делать что-либо, заниматься чем-либо'; *tusovkė* ('тусовка') как обозначение любого неформального общения, сборища людей, "своей" компании. В литовском языке появился и «свой» глагол *tusintis* ('тусоваться').

Характерно, что сленговые русизмы очень частотны в речи молодежи, в принципе не владеющей русским языком или владеющей им хуже, чем, например, английским. Такие слова воспринимаются молодежью не как русизмы, а как элементы молодежного интержаргона (см. Lėgaudaitė 2002). Показательным является, например, тот факт, что в дублированных западных фильмах о молодежи английские жаргонизмы замещаются русскими. Ср. диалог из фильма «Умница Уилл Хантинг»: – *Jeigu vėl žiūri pornuchą mano mamos kambaryje, aš tavę sukalsiu!* – *Aš neturiu vidiako.* – *Gal namuose yra antras vidiakas* (– Если ты опять смотришь порнуху в комнате моей мамы, я тебя прибую! – У меня нет видака. – Может, в доме есть другой видак?).

Но русские жаргонизмы привлекательны не только для молодежи, они возникают и в речи официальных лиц, в радио- и телеинтервью и т.п., ср.: *buvo tam tikri razborai* ('были определенные разборки') – комиссар полиции в телерепортаже о преступной группировке; *Ar tai reiškia, kad yra, kaip rusai sako, kompromatas?* (Значит ли это, что существует, как говорят русские, компромат?) – ведущий радиопередачи в диалоге с заместителем Генпрокурора Литвы; *Nieko jie negalvoja, kaip sako rusai – im do lampočki!* ('Ничего они не думают, как русские говорят, – им до лампочки!') – во время телевизионной пресс-конференции известный баскетболист говорит

о спонсорах, отказавших команде в финансировании.

4. Лексические единицы, называющие **отрицательные реалии советского периода или аналогичные современные явления**: *barakai* ('барак') – о временном жилье, например, об общежитии; *chruščšiovkė* ('хрущевка') – о домах или квартирах плохой планировки и малой площади; *baracholkė* ('барахолка') – о вещевом рынке; *blatas, blatnojus* ('блат', 'блатной') – о связях, дающих возможность получить что-либо незаконным способом и т. п. Ср. цитату из газетной статьи под названием *Ilgėtis sovietmečio – trumpas atminties požymis* – 'Тоска по советскому времени – признак короткой памяти': *Deficitas, blatas, talonai, kyšininkavimas buvo kasdieniai to meto palydovai* ('Дефицит, блат, талоны, взяточничество были ежедневными спутниками того времени').

5. В публицистическом и политическом дискурсах русизмы выступают в качестве **эмфатических языковых средств**. Русское слово коннотирует ту или иную реакцию на общественно значимые явления. Например: *veikia kaip omonininkai* ('действуют, как омововцы') – о самозванных блюстителях порядка на митингах; *bespredelas, valdžios bespredelas* ('беспредел, беспредел власти') – о действиях, отношениях, выходящих за рамки допустимого; *caro ochrankos metodai, caro ochrankos falsifikatas* ('методы царской охраны, фальсификат царской охраны') – о провокационных антисемитских публикациях в литовской прессе; *Mes prieš vieną sąjungą stojom ginklu, dabar stosim prieš kitą sąjungą* ('Мы против одного союза восстали с оружием, теперь восстанем против другого') – высказывание политика-евроскептика в теледебатах по поводу вступления Литвы в Евросоюз (при этом в литовском языке существует собственный эквивалент слову 'союз' – *sąjunga*, соответственно, официальное именование Советского Союза – *Tarybų Sąjunga*, а Европейского Союза – *Europos Sąjunga*). К этой же группе можно отнести лексические единицы, соотносимые с Комитетом Государственной Безопасности, напр.: *organų* ('органы'), имеющее в русской разговорной речи значение 'органы государственной безопасности (НКВД, КГБ и др.)', ср. из газетных статей: *Vienu žodžiu, A. Paulausko stūmimo iš «organų» operacija prasidėjo* ('Одним словом, операция по вытеснению А. Паулаускаса из «органов» началась') – об уменьшении влияния Председателя Сейма А. Паулаускаса на литовские правоохранительные органы, действия которых напоминают методы КГБ; *O gal jis, kaip sakoma, doverenoje lico* ('А может, он, как говорится, доверенное лицо') – аналогия с осведомителями КГБ.

6. Лексика, совмещающая в себе черты советизмов и историзмов (см. Верещагин, Костомаров 1990:46-49), называет **реалии периода СССР**, например: *lageris* ('место содержания заключенных') при наличии литовского слова *stovykla* ('лагерь летний, спортивный') и в более широком значении – 'советская система'; *gulagas* ('ГУЛАГ') в узком и обобщающем значениях – как сеть лагерей, в которых содержались репрессированные, и как состояние духовной, политической, религиозной несвободы. Ср. выдержки из газетных статей: *siekimas išsivaduoti iš sovietinio lagerio*

(‘стремление освободиться из советского лагеря’); *panieka Lietuvos istorijai ... šimtams tūkstančių gulaguose nužudytų artimųjų* (‘презрение к истории Литвы ... к сотням тысяч близких, убитых в гулагах’). Нередко проводится прямая параллель между прошлым и настоящим – и это делается через русизмы, ср. из газет: *...Buvo tokia pirmojo kolchozinio kaimo dešimtmečio užstalės dainuška. Ji tiksliai nusako pastarojo dešimtmečio Lietuvos politikos būklę* (‘...Была такая застольная песенка в первое десятилетие колхозной деревни. Она точно описывает состояние литовской политики последнего десятилетия’); *Kad ir ką pasakytų teisėsauga, o ji, matyt, pasakys, kad «vsio zakonno», politiškai A.Brazauskas vis tiek liks pakabintas* (‘Что бы ни сказали правоохранительные органы, то они, видимо, скажут, что «всё законно», политически А. Бразаускас (премьер-министр Литвы – А.Л.) все равно останется в подвешенном состоянии’).

7. Сосуществование параллельных рядов обозначений фактов и явлений, связанных с советским периодом истории Литвы, предоставляет в распоряжение говорящих некоторые **языковые ресурсы выражения толерантности**. Например, можно отметить два вида лексических оппозиций, проявляющихся в речевой практике литовцев:

а) оппозиция, выражаемая словами *sovietai*, *sovietmetis*, *sovietmečio* – с одной стороны, и *taryba*, *tarybų*, *tarybinis* – с другой;

б) оппозиция, выражаемая с помощью слов *sovietai*, *sovietmetis*, *sovietmečio* – *rusų*, *rusiškas* (‘русский’).

Прокомментируем действие этих оппозиций. В литовском постсоветском политическом дискурсе закрепились слова *sovietai* (‘советы’) и производные от него: *sovietai*, *sovietinis* (‘советский, относящийся к Стране Советов’), *sovietmetis* (‘советское время’). Данными словами называют явления, связанные с советским прошлым, советской ментальностью, с тем, что вызывает негативный общественный резонанс. Параллельно этому собственно литовские *taryba* (‘совет’), *tarybų*, *tarybinis* (‘советский’), освобожденные от идеологической нагрузки, обрели стилистическую нейтральность и оказались в разряде историзмов (Литва в составе СССР называлась *Lietuvos Tarybų Socialistinė Respublika* – Литовская Советская Социалистическая Республика). С другой стороны, лексические единицы типа *sovietai*, *sovietmetis* вступают в оппозицию со словами *rusų*, *rusiškas* (‘русский’). Помещенные в разные контексты, члены названных оппозиций могут коннотировать в одном случае толерантность, в другом – враждебность. Например, при упоминании о Советском Союзе или Советской Литве русизмы *sovietai*, *sovietmetis*, *sovietmečio* по сравнению с нейтральными литовскими *taryba*, *tarybų*, *tarybinis* передают резко отрицательное отношение к предмету речи. Вместе с тем эти же слова (*sovietai* и пр.) выступают в текстах средств массовой информации или в школьных учебниках истории в качестве эвфемизмов, заменяющих собой характеристику по этническому или государственному признаку, когда речь идет о неправомерных военных действиях советской (а не российской или русской) армии или о или других решениях представителей советских

(а не русских и не российских) властей. Если учесть, что около 6,5% населения Литвы составляют русские, а в каждом классе любой из литовских школ есть хотя бы один русский ученик, выбором языковых средств в данной ситуации обеспечивается политкорректность.

8. Следующая группа примеров демонстрирует **использование** в речи литовцев **русских прецедентных текстов**. При этом возможны варианты, когда русская фраза произносится в оригинальном виде или переводится, но аллюзия понятна собеседникам: *Klausykite čia, kaip sako Odesoje* ('Слушайте сюда, как говорят в Одессе') – член Сейма в телепередаче; *Yra toks rusiškas posakis: «Gol na vydumki chitra». Jis yra genialus!* ('Есть такое русское выражение: «Голь на выдумки хитра». Оно гениально!') – дизайнер в радиопередаче о моде. Русские прецедентные феномены обыгрываются в шутливых стихотворных текстах, анекдотах: *Pilietė Mylova ištekėdama už piliečio Šylovo nepanoro keisti pavardės* ('Гражданка Мылова, выходя замуж за гражданина Шилова, не захотела менять фамилию') – комический эффект построен на апелляции к русскому выражению 'менять шило на мыло', т.е. 'ничего не менять'; *Vsio, shto bylo ne so mnoj – pomniu, / O kas buvo su manim – nieko* ('Всё, что было не со мной – помню, а что было со мной – ничего') – для описания похмельного синдрома цитируется строчка из известной песни с типичным для советских времен пафосом. Обращение к русским высказываниям может сопровождаться этнической ремаркой: *O pas mus bus, kaip tame rusiškame anekdote pra čiukčiu: vienas prezidentas pa čiotnym, kitas – pa nečiotnym* ('А у нас будет, как в этом русском анекдоте про чукчу: один президент по четным, другой – по нечетным') – участник телевизионной дискуссии о грядущих президентских выборах; *Tai iš ko juokiamės? Iš savęs juokiamės, anot vieno XIX a. rusų klasiko N. Gogolio komedijos «Revizorius» herojaus* ('Так над кем смеемся? Над собой смеемся, согласно словам героя комедии «Ревизор» одного русского классика XIX в. Н. Гоголя') – пишет политический обозреватель самой читаемой в Литве ежедневной газеты. В главной новостной программе литовского телевидения репортаж о намерениях властей небольшого городка превратить его в инвестиционный центр Литвы сопровождается фрагментами из фильма «Двенадцать стульев» и комментарием: *O dabar apie tai, kaip Kupiškio valdžia ketina pavirsti Kupiškį Naujaisiais Vasiūkiais* (А теперь о том, как власти Купишкиса собираются превратить Купишкис в новые Васюки) и далее: *Ostapo Benderio idėjos gyvos iki šiol* (Идеи Остапа Бендера живы до сих пор).

В наибольшей степени о близости литовскому социуму русских прецедентных высказываний свидетельствует органичность их появления в спонтанной речи и в особенности – **феномен присвоения этих текстов говорящими**, например: *Kaip aš sakau, norim geriau, o būna, kaip visada* ('Как я говорю, хотим, как лучше, а выходит, как всегда') – телевизионная пресс-конференция спортсменов; *Kaip sakoma, pokoj nam tolko snitsia* ('Как говорится, покой нам только снится') – из радиопередачи; *O pas rusus, kaip*

mes mėgstame sakyti, za dušu beriot ('А у русских (о музыке), как мы любим говорить, за душу берет!') – рок-музыкант в телепередаче.

Итак, наблюдения показывают устойчивость русской составляющей в современном литовском языковом сознании. Жизнеспособность русского слова в литовском медийном, политическом и быденном типах дискурса может быть объяснена несколькими основными причинами: интерпретацией актуальных событий через соотнесенность с общим прошлым литовского и русского народов, потребностью в демонстрации толерантности или враждебности по отношению к России и к русским, фактором экономии коммуникативных усилий, дефицитом в литовском языке некоторых элементов экспрессивного представления действительности. Заметное присутствие русизмов на страницах Интернета, в речи спортсменов и предпринимателей, в школьном и студенческом жаргоне связано и с желанием противопоставить живую, раскованную манеру речи некоторому языковому пуризму в сегодняшней Литве.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.

Jakaitienė E. Lietuvių kalbos leksikologija. Vilnius, 1980.

Kabelka J. Baltų filologijos įvadas. Vilnius, 1982.

Lėgaudaitė J. Jaunimo slengas – psichosocialinis fenomenas. Dakt. dis. santrauka. Kaunas, 2002.

ТСРОЖ – Ермакова О., Земская Е., Розина Р. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.

СС – Никитина Т. Так говорит молодежь: Словарь сленга. СПб., 1998.

СРЯ – Словарь русского языка: В 4-х томах / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1982.

ЯИ – Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складчиковой. СПб., 1998.

СРС – Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60-90-х годов) / Под ред. А.Н. Баранова. М., 1997.

DRS – Dictionary of Russian Slang and Colloquial Expressions / By V. Shlyakhov and Eve Adler. New York, 1995.

О.В. Паничкина

Из опыта контрастивного анализа лексических группировок «учитель» и «ученик» в русском и английском языках

Приступая к контрастивному анализу лексических группировок, мы исходили из осознания его необходимости для выявления национальной специфики семантики лексических единиц. Под *национальной спецификой семантики* лексической единицы понимается отличие ее по составу

семантических компонентов от значений близких по семантике слов другого языка. Данное явление может быть рассмотрено на различных уровнях: на уровне отдельных сем, макрокомпонентов значения и на уровне лексем.

Данное исследование проводится в рамках контрастивной семасиологии, для которой характерно описание значений единиц одного языка в сопоставлении с возможными соответствиями каждой из них в другом языке с целью выявления и фиксации различий между этими единицами. В данном исследовании исходным языком является русский, английский язык выступает как язык сопоставления. Основными понятиями, составляющими теоретическую основу данного исследования, являются следующие: контрастивная пара, межъязыковые и переводные соответствия, безэквивалентные единицы и лакуны.

Как известно, первым этапом контрастивного анализа лексики является выделение лексической группировки в исходном языке. Методом сплошной выборки из толковых словарей русского языка, а также через синонимическое расширение базового списка были выделены следующие лексические единицы русского языка в рамках интересующих лексико-семантических групп.

ЛСП «учитель» (33): *учитель, наставник, преподаватель, воспитатель, руководитель, ментор, гувернер, репетитор, педагог, доцент, профессор, учительница, наставница, бонна, гувернантка, классная дама, классный руководитель, мадам, мамзель, наставитель, пестун, дядька, няня, мамка, вождь, вожак, духовник, мессия, лектор, сенсей, гуру, предметник (математик, литератор), куратор.*

ЛСП «учащийся» (36): *ученик, воспитанник, питомец, учащийся, студент, гимназист, школьник, абитуриент, кадет, лицеист, академист, естественник, математик, ученица, воспитанница, гимназистка, институтка, курсистка, студентка, последователь, подражатель, приверженец, адепт, вскормленник, выучек, выучень, выуч, стажер, слушатель, аспирант, первоклассник, старшекурсник, дипломник, отличник, хорошист.*

Структурная организация ЛСП «учитель» и «учащийся» представлена следующим образом. В лексических единицах поля «учитель» реализуются следующие семантические признаки: 1) место работы (преподаватель, учитель, репетитор) 2) характер работы (наставник, воспитатель) 3) ученая степень (профессор) 4) предмет обучения (математик, англичанка). ЛСП «учащийся» основывается на следующих семантических признаках: 1) место обучения (студент, ученик, слушатель, аспирант) 2) характер получаемых знаний (практикант, стажер) 3) стадия обучения (первоклассник, старшекурсник, дипломник).

Сравнение структурной организации данных полей показывает смежность большей части их подгрупп, что является основой существования лексических оппозиций типа: *учитель – ученик, воспитатель – воспитанник, вождь – последователь, пестун – вскормленник.* Это могут

быть как однокоренные слова (*учитель* – *ученик* – *учащийся* произошли от одного и того же слова *УКЪ* – *учение*), так и слова, образованные от разных основ (*вождь* – *последователь*).

Вторым этапом контрастивного анализа является выявление корпуса английских соответствий русским наименованиям преподавателей и учеников. Межъязыковыми лексическими соответствиями являются слова двух языков, имеющие общие семантические компоненты (как минимум общую архисему), которые могут использоваться для взаимного перевода хотя бы в некоторых контекстах. С семантической точки зрения межъязыковые лексические соответствия могут быть подразделены на два типа: лексические эквиваленты и переводные соответствия.

Лексические эквиваленты имеют совпадающими все ядерные, коннотативные и функциональные семы и, в отличие от контекстуальных соответствий, регулярно используются при взаимном переводе. Например, *первокурсник* – *first-form pupil*, *школьник* – *schoolboy*.

Переводные соответствия – это единицы, имеющие ту или иную общность семантики и используемые для перевода в определенных контекстах. Переводные соответствия, в зависимости от степени семантической общности, могут быть близкими или приблизительными, но это не эквиваленты.

Так, были найдены следующие переводные соответствия названий преподавателей: *teacher*, *lecturer*, *instructor*, *educator*, *educational specialist*, *professor*, *coach*, *tutor*, *mentor*, *Maths / Biology teacher*, *singing master*. Переводные соответствия названий учеников представлены следующими словами: *pupil*, *student*, *learner*, *schoolboy*, *disciple*, *follower*, *probationer*, *first-form pupil* (*first-former*), *first-year student*.

После анализа синонимических словарей, список, полученный по переводным словарям, был пополнен такими соответствиями как «практикант» – *trainee*, «стажер» – *apprentice*, «новичок» – *beginner*, «студент ВУЗа» – *undergraduate*, «аспирант» – *postgraduate*.

В состав изучаемых лексических группировок входят только субстантивные наименования, поэтому основным типом межъязыковых лексических соответствий является тип «слово-слово». Среди лексических соответствий данного типа выделяются линейные, векторные соответствия, а также безэквивалентная лексика и лакуны. В линейных соответствиях единице исходного языка соответствует только одна единица языка сопоставления. Линейными соответствиями являются, как правило, слова, не имеющие в исходном языке синонимов. Если слово имеет синонимы, это создает векторный тип соответствий, где единице исходного языка соответствует несколько единиц языка сопоставления. Так как взятые для анализа лексические группировки представляют собой синонимические ряды, основным типом межъязыковых соответствий здесь являются векторные, например: *ученик* – *pupil*, *student*, *learner*, *disciple*, *follower*; *учитель* – *teacher*, *instructor*, *tutor*, *master*.

Контрастивный анализ лексических группировок показал также случаи лакуарности, т.е. отсутствия единицы в исходном языке при ее наличии в языке сопоставления и наоборот. К примеру, слово *student* для английского языка является безэквивалентной лексической единицей, а для русского языка немотивированной относительной лакуной. В английском языке слово *student* обозначает «лицо, изучающее что-либо», например: *a student of English*. В русском языке слово с таким значением отсутствует, что не означает отсутствия самого предмета или явления, поэтому данная лакуна является немотивированной. Кроме того, данная лакуна относительна, так как в русском языке есть слова «ученик» и «студент», предполагающее соответствие, но оно не является полным.

Анализ словарных дефиниций и особенностей употребления данных лексических единиц показал существенные различия в использовании названий преподавателей и учеников в британском и американском вариантах английского языка. Так, в британском варианте используется слово *don* – университетский учитель, которое не употребляется в американском варианте. В большинстве же случаев одни и те же лексические единицы входят в различные группировки по семантическим признакам в британском и американском вариантах. Например, «преподаватель ВУЗа» имеет следующие соответствия в британском варианте: *University teacher, don, lecturer, professor*, а в американском варианте – *academic teacher, instructor*.

Слово *instructor* в американском варианте означает: младший преподаватель высшего учебного заведения, который проводит практические занятия, эту роль часто выполняют аспиранты. В британском же варианте слово *instructor* обозначает человека, чьей работой является обучение конкретному практическому умению, например, какому-либо спорту: *a driving instructor*.

В следующем случае русские лексические единицы «первокурсник», «второкурсник» и т.д. имеют различные переводные соответствия в британском и американском вариантах: сочетания *first-year/second-year students* и слова *Freshman, Sophomore, Junior, Senior*.

Для проведения более глубокого сопоставления лексических единиц интересующих нас групп необходимо семное описание значений лексических единиц в сопоставляемых языках и семное сопоставление значений контрастивных пар. Именно в этом направлении планируется проведение дальнейшего контрастивного исследования ЛСП «учитель» и «учащийся» в русском и английском языках.

Символика номинаций плохой и хорошей погоды в русских пословицах

Пословицы и поговорки, включающие в себя номинации *гроза*, *гром*, *ненастье*, *дождь* и противопоставленную им лексему *вёдро*, указывают не столько на различные погодные условия, сколько на благоприятные и неблагоприятные жизненные события и обстоятельства.

Большой толковый словарь под редакцией С.А. Кузнецова дает такой перечень значений, свойственный данным лексемам.

Гроза – 1. Природное атмосферное явление: ненастье с дождем, громом и молниями (Д1). 2. Бурное событие, потрясение, беда, опасность, бурное проявление недовольства, гнева (Д2). 3. О том, что внушает страх и ужас (Д2) (БТС 2003:229).

Богатый фразеологический материал также может иллюстрировать данные значения: *И гроза не всякому грозна* (Хрестоматия 1996:141); *И на мой припас гроза нашла* (Даль 2004:90); *На него (на них, на меня) гроза грозная подымается* (Даль 2004:137). Отметим лишь, что в таких пословицах при общем чувстве страха перед грозой неявно содержится призыв не бояться, относиться ко всем явлениям как закономерным, должным, проходящим.

Как видно из содержания толкования первого денотативного (прямого) значения лексемы *гроза*, оно включает в себя и содержание лексем *гром*, *ненастье*, *дождь*, *молния*. Коннотативные значения позволяют сделать вывод о том, что такой комплекс атмосферных явлений как *гроза* в представлении русского народа связывается не только с неблагоприятными и опасными для жизни атмосферными явлениями, но и с проявлениями негативных событий и эмоций, нарушающих покой психологических проявлений, таких как гнев, беда. Данные значения также указывают на ощущения и восприятие мира человеком в неблагоприятной ситуации (потрясение, страх).

Молния является в народном представлении менее впечатляющей, чем ее звуковое проявление – гром, вероятно, потому, что громкие раскаты производят большее воздействие на психику человека, нежели световые вспышки электрических разрядов в атмосфере. Гром ассоциируется с гневным громким голосом, со звуками разрушения чего-либо. Словарное определение лексемы **гром** имеет следующий вид: 1. Грохот, раскаты, сопровождающие молнию во время грозы (Д1). 2. Сильный шум, грохот (Д2) (БТС 2003:229). Второе значение выделило из первого и сделало самостоятельной одну из характеристик грома, а именно производимые громкие звуки (часто пугающие). Фразеологические обороты, включающие в себя данную лексему, выражают ряд значений: 1. Гром как что-то неприятное, тяжелое, неожиданное: *Покуда гром не грянет, мужик не*

перекрестится (Хрестоматия 1996:134); 2. О неожиданной, внезапно случившейся неприятности, беде: *Ровно его громом пришибло. Ровно его кто обухом в лоб* (Даль 2004:317); 3. Внезапно удивить, поразить, привести в состояние замешательства: *Как громом поразить*; 4. Говорить гневно, раздраженно, обвинять кого-либо, угрожать: *Метать громы и молнии*; 5. Клятва страшным заклятием грома: *Разрази меня гром* (если что-то не так). Данные значения внутренне связаны со слуховым восприятием звука молнии (внезапно, громко, сильно) и чувствами, которое это восприятие вызывает у человека (страх, паника).

Слово **дождь** в своих словарных значениях не имеет «негатива»: 1. Атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель воды (Д1); 2. Множество, большое количество чего-либо падающего, сыплющегося (Д2); 3. Блестящие нити из металла или бумаги для украшения елки (Д2) (БТС 2003:267). Но во фразеологических примерах в соотношении со значениями лексем «счастье», «бессчастье», «несчастье» и «нечастье», «непогода» дождь приобретает семантику двух последних: *Наше счастье – дождь да нечастье*. Д34; *Быть было нечастью, да дождь помешал* Д37.

Если представить данные понятия в полевой структуре, то понятия «нечастье», «непогода» будут более размытыми, абстрактными, обобщающими все неблагоприятные погодные условия: и грозу, и гром, молнию, дождь и т.д., а сами впечатления от таких погодных условий сопряжены с наглядно-чувственными образами, и за ними стоит концепт, представленный в системе языка лексемой *несчастье* и ее традиционно-народным синонимом *бессчастье*.

Лексема **вёдро** относится к традиционно-народной лексике, поэтому репрезентация концепта «хорошая погода» через данную лексему наблюдается только в произведениях устного народного творчества и материале диалектов. Словарь дает данной репрезентации такое определение: 1. Тихая, ясная, сухая погода (Д1) (БТС 2003:115). Словом, то, что наиболее благоприятно для различных видов деятельности, отдыха, способствует хорошему настроению, хотя не обязательно предполагает его: *На сердце нечастье, так и в ведро дождь* (Даль 2004:90); *Где гроза, тут и вёдро*; *Отколе гроза, оттоле и вёдро* (Даль 2004:31); *По нечастью лыко драл, по ведру лапти плел* (Даль 2004:285); *Сей хоть в нечастье, да убирай в вёдро* (Даль 2004:285).

Однако во фразеологии возникает и производное от первого значение – **счастье**: *То и счастье, что иному вёдро, иному нечастье* (Даль 2004:32); *Счастье с бессчастьем – вёдро с нечастьем* (Даль 2004:38); *Сегодня вёдро, завтра нечастье* (Даль 2004:108). Последний из примеров (так же как и некоторые из вышеперечисленных) может пониматься в прямом и переносном значении. Целостное его значение выводится из значения компонентов и мотивируется внутренней формой (образом), который подлежит расшифровке.

Вёдро выступает одним из составляющих счастья, «помогает формированию» счастья. Такое положение дел объясняется в основном крестьянскими

корнями пословиц и поговорок: с благоприятным и своевременным проведением сельскохозяйственных работ связывалось обеспечение пропитания и заработка, а, следовательно, и хорошей жизни, счастья. Образ вёдра связывается в народном представлении с началом, заделом счастливой жизни. Именно поэтому мы отмечаем, что в последних контекстах лексема «вёдро» вербализует концепт, как правило, репрезентируемый в языке словом «счастье».

Таким образом, лексемы *ненастье, гроза, молния, гром, дождь, вёдро* развивают символические значения, по которым они органично вплетаются в лексико-семантическое поле репрезентируемый лексем *счастье, несчастье, несчастье*.

Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2004.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2003.

Русское устное народное творчество: Хрестоматия / Сост. А.В. Кулагина. М., 1996.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1989.

Круглый год. Русский земледельческий календарь / Сост. А.Ф. Некрыловой. М., 1991.

Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2003.

Э.Д. Хаустова

Образы обуви в языковом фразеологическом сознании русского и английского народов

Общепризнанно, что во фразеологизмах наиболее ярко выступает национальная специфика. Изучение фразеологии всегда представляет большой интерес, так как позволяет понять особенности мышления других народов, проникнуть в глубины их национальной культуры. По словам В.М. Мокиенко, фразеологизмы давно считают теми кристаллами, из которых складывается «неповторимое строение» национальной речи. Фразеология – сокровищница языка, хранящая древнейшие слова, отжившие свой век грамматические формы и забракованные временем и литературной нормой синтаксические конструкции. Консервируя форму, она консервирует и содержание – национальные обычаи, поверья, исторические предания, образное видение мира (Мокиенко 1986:18).

Несопоставимость фразеологических фондов в разных языках объясняется тем, что речемыслительная деятельность человека работает избирательно. Она вычленяет из бесконечного множества признаков объектов и явлений окружающей действительности лишь те, которые соответствуют характеру, образу жизни, сознанию народа, говорящему на том или ином языке (Семантическая общность... 1986:78).

Фразеосочетания с названиями обуви в русском и английском языках позволяют заметить особенности в использовании семантических признаков наименований обуви у разных народов.

Как известно, первой обувью в России считаются сплетенные из лыка **лапти**. Самобытное развитие Руси определило развитие русской обуви. Вне городской черты население носило лапти до начала XX века. Лапоть являлся своеобразным символом России, ее экономического и культурного развития. О России говорили не иначе как «лапотная Россия», имея в виду ее нищету и невежество.

Фразеосочетания с лексемой «лапти» отражают особенности деревенского, крестьянского быта: *лаптем щи хлебать* (жить, прозябать в нищете, невежестве; быть отсталым, некультурным); *лапти плести* (неумело делать что-либо, путать); *откинуть лапти* (умереть); *в лапоть звонить* (заниматься заведомо бесплодной деятельностью). Выражение *обуть в лапти* (ловко обмануть, провести кого-либо) строится на устойчивой ассоциации лаптей с бедными и простыми людьми по сравнению с сапогами, в которых щеголяли богатые и знатные.оборот употреблялся в среде московских рыночных барышников и мошенников и имел развернутый вариант *обувать из сапог в лапти*. Он значил «скупать все, что имеет какую-либо ценность, менять лучшее платье на худшее», а то и прямо «обирать неопытных продавцов, отнимая у них насильно платье» (Бирих 1998:331-332). Выражение *войти в один лапоть* (разделить что-либо поровну, справедливо) свидетельствует об использовании лаптя в качестве измерителя при общинных переделках. В старину пахари становились один против другого и, считая вслух, приставляли один лапоть к другому. Так как и малые клочки хорошей почвы имели значение для уравнивания всех в правах владения, то пол-лаптя тоже принималось в расчет, и двое соглашались «войти в один лапоть» (Бирих 1998:331).

Таким образом, образ лаптей, связанный в русском национальном сознании с примитивным, нищенским, отсталым бытом крестьян, находит отражение во множестве фразеосочетаний.

Валенки, как и лапти, – широко распространенная обувь в России, особенно в ее северных регионах. Валенки и сейчас остаются популярным видом обуви в сельской местности. Возможно, из-за своей популярности на протяжении веков в экономически слабой России, из-за простоты конструкции и способа изготовления для русского менталитета валенки наряду с лаптями служат символом отсталости и невежества. Так, о глуповатом недалеком человеке говорят (*сибирский*) *валенки*.

В русском языке есть ряд фразеосочетаний со значением «быть под чьей-либо властью, в полном подчинении»: *под сапогом у кого-либо, попасть под туфлю, быть под башмаком у кого-либо*. Происхождение оборотов связывают с обычаем восточных правителей во времена татарского ига ставить ногу на голову поверженного врага или со свадебным обычаем, при котором жених и невеста стремились первыми наступить на ногу будущему супругу, чтобы стать главой дома. Тот же, кто *оказывался «под башмаком»*, должен был занять подчиненное положение в семье (Мелерович 2001:64). «Подкаблучное» положение русским национальным сознанием расценивается как унижительное, неприемлемое.

Среди заимствованной обуви наиболее популярной были **галoши** (или калоши). Эта практичная обувь как никакая другая подходила для защиты от холода и грязи. Широкая популярность данной обуви у населения России способствовала тому, что лексема «галoша» вошла в состав некоторых фразеосочетаний: *посадить в галошу (калошу)* (поставить в неловкое, смешное положение); *сесть в галошу* (попасть в неловкое, смешное положение).

Как видим, ситуации, которые описывают фразеосочетания с лексемой «галoша», имеют отрицательную характеристику «нечто смешное, глупое, неловкое». Экспрессивность оборота создается благодаря актуализации в русском национальном сознании образа бесформенной, разбитой, внешне неприглядной обуви.

Интересно отметить, что со временем представления о той или иной обуви могут меняться. Так произошло с **сапогами**. Сначала сапоги считались дорогим товаром, доступным только богачам. Подтверждением служат устаревшие фразеосочетания *на сапоги* (о взятке, подачке сравнительно крупного размера) и *в сапогах ходит* (о дорогих товарах, к которым не приступишься, так и о богаче, который в сапогах, а не в лаптях щеголяет). Утрата данных выражений в XIX в. обусловлена тем, что в сознании носителей языка перестало существовать представление о сапогах как о недоступном товаре (Бирх 1998:514). Появилось представление о сапогах как о грубой, разбитой обуви. Например, выражение *сапоги каши просят* употребляется в отношении дырявой, проносившейся обуви (обычно с отрывающейся подметкой).

Рассмотренные фразеосочетания содержат в своем составе лексемы, называющие наиболее распространенные и популярные в России виды обуви: лапти, валенки, башмаки, сапоги, галоши, туфли. В языковом фразеологическом сознании русского народа закрепились преимущественно образы грубой, разбитой, примитивной крестьянской обуви.

В английском языке наиболее богато представлены фразеосочетания с лексемами «**shoe**» и «**boot**». Рассмотрим, какие признаки обуви находят отражение в языковом фразеологическом сознании английского народа.

Так, в ряде фразеосочетаний актуализируется такой признак обуви, как удобство, комфорт. Обувь становится символом чего-то родного и знако-

мого в выражении *comfortable as an old shoe* (букв. «удобный, как старая туфля»).

И напротив, неудобства, связанные с процессом ношения туфель, ассоциируются с различного рода проблемами. Фразеосочетание *to know where the shoe pinches* (букв. «знать, где жмет туфля») имеет значение «знать, в чем трудность, загвоздка».

В некоторых фразеосочетаниях прослеживается наименование человека предметом обуви по смежности. Так, фразеосочетание *goody two-shoes* (букв. «хорошая пара туфель») обозначает «примерного мальчика», то есть того, кто пытается вести себя лучше других. В выражении *to wait for dead man's shoes* (букв. «ждать туфли мертвеца») со значением «надеяться получить наследство после чьей-л. смерти; надеяться занять чье-л. место после его смерти» наблюдается метонимический перенос с туфель на человека и на все им нажитое.

Чтобы понять человека или ситуацию, каким-либо образом связанную с ним, необходимо «влезть в его обувь». Так, выражение *be in someone's shoes / boots* (букв. «быть в чьих-либо туфлях / ботинках») имеет значение «оказаться на чьем-либо месте, в чьей-либо шкуре», фразеосочетание *step into/ fill someone's shoes* (букв. «заполнить чьи-либо туфли») значит «заменить другого человека и успешно выполнить его работу».

Ботинки в английском языковом сознании являются неизменным атрибутом человеческой жизни, деятельности, активности. Так, фразеосочетание *die with one's boots on (die in one's boots)* (букв. «умереть с ботинками на ногах») означает «умереть на посту или в бою».

Таким образом, в английском фразеологическом сознании обувь предстает как непосредственный атрибут человеческой жизни, как то, что носят, не снимая, до самой смерти.

Сравнение русских и английских фразеосочетаний с названиями обуви дает некоторое представление об образном видении мира разными народами, о культурном и ментальном своеобразии народов.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998.

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М., 2001.

Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л., 1986.

Семантическая общность национальных языковых систем. Воронеж, 1986.

Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / Под ред. А.И. Федорова. М., 1995.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1986.

Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK. Limited, 1992.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Sixth edition. Edited by Sally Wehmeier. Oxford University Press, 2003.

А.В. Медведева

Национальные ритуалы и формирование символического значения наименований бытовых реалий в русском и английском языковом сознании

Рождение лингвокультурного концепта, на наш взгляд, непосредственно связано с символикой в широком смысле этого слова и с символическим значением слова применительно к лингвистике. Формирование символического значения слова происходит на основе специального ситуативного использования называемого этим словом денотата и определяется экстралингвистическими факторами – традициями, обычаями, этнической ментальностью.

Ряд работ, посвященных символике быта, показал, что он (быт) глубоко мифологизирован, а утилитарное использование вещей ограничивалось целым рядом запретов и поверий. Логика символического значения такова, что наименования действия или предмета имеют его сами по себе, причем носитель традиции может о нем только догадываться (Цивьян 1985:166). Однако, «неумение объяснить символ не свидетельствует о его немотивированности, а наличие мотивировки открывает лишь поверхностную семантику, за которой исследователю еще предстоит выявить глубинную мотивацию» (Топорков 1989:92).

Надо заметить, что человек постоянно занимается определением семиотического статуса окружающих его вещей. Процесс этот происходит, большей частью, на подсознательном уровне. «Тот факт, что одни вещи включаются в область «материальной культуры», а другие (не менее материальные) – в область «духовной культуры», свидетельствует, прежде всего, о том, что им приписывается разный семиотический статус» (Байбурин 1989:72).

Использование вещей в качестве символических заместителей определенных жизненных ситуаций, отношений, намерений – древнейшее общественное обыкновение. «Слова, именовавшие предмет-символ, в известных речевых ситуациях использовались в качестве указаний на символизируемые феномены. Многократное использование слова в символической функции могло вести и вело к включению символически мотивированного употребления слова в его значение» (Попова 1979:3). Символическое значение слова или выражения возникает в результате

нетрадиционного употребления реалии в различных ситуациях бытового и ритуализированного плана и актуализируется благодаря его экстралингвистической интерпретации в отдельной культуре.

Итак, символическое значение слова – это особый тип коннотативного значения слова, мотивировка которого лежит не внутри семантемы (то есть предыдущих семем), а определяется жизнью и бытом людей, в среде которых предмет, действие, ритуал или обряд начинает выступать в качестве символа какого-либо другого предмета или явления окружающей действительности. Далее процесс символизации может пойти в сторону закрепления символического значения за отдельно взятым словом или же сохраниться в группе устойчивых выражений с лексемой, отражающей тот или иной образ. Источником происхождения символического значения слова следует, на наш взгляд, считать устойчивое сочетание, сохраняющее постоянный набор компонентов и общепонятное значение в любом контексте. Детальное рассмотрение семантем у лексем-названий бытовых реалий показало, что символические значения присутствуют или намечаются лишь у немногих из них. Это значит, что большинство бытовых реалий имеет лишь утилитарное применение и в качестве символов не используется. Как показал наш материал, символами некоторых ситуаций оказались *дом*, *хлеб*, *соль*, *чашка*, *деньги*, а также названия домашних животных – *кошка*, *собака*, *лошадь*: дом – родина и др., хлеб – средства к существованию и др., соль – самое главное и др., чаша/чашка – судьба и др., деньги – богатство и др.

Сопоставление символических значений, закрепившихся за русскими и английскими названиями бытовых реалий, эквивалентных по семеме Д1, показало как сходства, так и различия между ними. Представим некоторые результаты нашего исследования. Так, символическими значениями русской лексики *дом* можно считать значения *родины* [*Вернуться в отчий дом*], *умственного и психического здоровья* [*Не все дома у кого*]. Так говорят о человеке со странностями, глуповатом, придурковатом], *чего-то святого* [*Сгори мой дом* (клятва)], в то время как для английской лексики *home* такими значениями будут – *внутренний мир человека* [*Sink home* (букв. погружаться в дом) эквивалентно: *Sink into somebody's mind* (букв. погрузиться в чье-либо сознание) значит дойти до сознания, быть понятым, запасть в душу, твердо запомниться], значение *предела* [*get home* и *drive home* – попасть в цель, в точку, доводить до конца, успешно завершать]. Таким образом, семема лексики *home* актуализирует в данных выражениях сему конца, края, предела].

Для лексики *house* символическим значением будет – *ограждение собственности (стена)* [*Safe as a house (church)* букв. безопасный как дом (церковь)]. Когда англичане говорят: *safe as a house*, они, в первую очередь, имеют в виду безопасность – безопасный, как церковь, т.е. абсолютно надежный, где запрещались нападения, аресты и т.п. Это выражение сравнимо с известной русской поговоркой: *Как за каменной стеной*.

Другим символическим значением лексемы *house* будет значение гостеприимства [Keep open house (букв. держать дом открытым) – держать двери дома открытыми (для гостей). Это выражение означает «жить на широкую ногу, славиться гостеприимством»].

Семантика русской лексемы *хлеб* содержит символические семемы средства к существованию [Насущный хлеб. Самое важное, необходимое для существования], самого главного, дающего жизнь [Хлеб всему голова] и духовной пищи [Хлеб животный], в то время как английская лексема *bread* имеет аналогичные русским символические значения средства к существованию [Daily bread (букв. хлеб насущный) – кусок хлеба, средства к существованию]. В обоих языках обрядовое употребление хлеба воспринимается как жест доверия [преломить хлеб с кем-либо, Break bread with somebody]. Символическое значение угощения, гостеприимства в английском языке представлено лексемой *bread* [Bread letter (bread and butter letter) (букв. хлебное письмо) письмо, в котором выражается благодарность за гостеприимство]. В русском языке это значение представлено устойчивым сочетанием *хлеб-соль* [Потчевать хлебом-солью].

Английское устойчивое выражение *bread and butter* символически воспринимается как средства к существованию, заработок [Bread and butter (букв. хлеб и масло) средства к обеспеченному существованию; хлеб насущный] и материальный достаток, благосостояние [Have one's bread buttered on both sides (букв. иметь хлеб, намазанный маслом с обеих сторон) – как сыр в масле кататься; быть материально состоятельным человеком].

Значения остроумия, самого главного, средства причинения боли и вреда мы рассматриваем как символические и у русской лексемы *соль*, и у английской лексемы *salt*. Специфически русской символической семемой будет длительное знакомство [Друга узнать – вместе пуд соли съесть – значит длительное время прожить, пробыть с кем-либо вместе], а английскими – хозяин [To be true to one's salt (букв. быть верным своей соли) – служить своему хозяину верой и правдой – тому, кто дает пищу, обеспечивает средствами к существованию] и социальный статус человека [Sit above the salt (букв. сидеть выше соли /солонки) – сидеть в верхнем конце стола, на почетном месте, близко от хозяина – занимать высокое положение в обществе]. *Sit below the salt* (букв. сидеть ниже соли /солонки) – сидеть в нижнем конце стола, не на почетном месте – занимать низкую ступень на социальной лестнице. Лексема *salt* в этих выражениях путем метонимического переноса с содержания на форму получает значение солонки, которую ставили на стол во время трапезы. Именно она потом стала точкой отсчета, по которой стали определять социальный статус человека.

У русских лексем *чаша* и *чашка* и английской лексемы *cup* мы выделяем общие символические значения достатка [Дом — полная чаша, где «полная чаша» символизирует достаток, стабильность, материальное благополучие в доме; A full cup must be carried steadily (букв. полную чашу

нужно нести осторожно) — счастье нужно беречь]; судьбы [*Не твоя чаша, не тебе и пить*; *A bitter cup* (букв. горькая чаша) — горькая чаша (то есть судьба)]; предела терпения [*Переполнять чашу терпения* — доводить до того, что нет больше сил, возможности выносить что-либо; *One's cup is filled* (букв. чья-либо чаша наполнена) — чья-либо чаша терпения переполнилась]. Символ гостеприимства [*Просим на чашку чаю!* означает приглашать, звать или идти в гости] русских лексем отсутствует в английской языковой культуре. Заметим, что в английском языке *cup* как емкость определяется по форме и размеру, в то время как в русском языке *чаша*, *чашка* — по выполняемым ими функциям.

У англичан большее значение придается церемонии чаепития и связанных с ней обрядов, а значит, и сделано больше наблюдений, что привело к образованию достаточного количества выражений, получивших обобщенно-символический смысл. У русских же лексема *чаша* употребляется чаще в описаниях застолья или церковных обрядов. В большинстве случаев аналогически символизируется не сама вещь, а ее функционирование в ритуальной ситуации. Так, *чаша* (англ. *cup*) сама по себе не несет никакого символического значения в обеих языковых традициях, но, будучи используемой на пирах в качестве сосуда с вином, передаваемого по кругу, она становится символом единения, доверия, мира и дружбы участников трапезы. Таким образом, символизируется не сама *чаша*, *cup*, а ее содержание и использование.

Значения богатства, власти и меры ценности человека [*Изведай человека на деньгах*; *Somebody for one's money* (букв. кто-то для чьих-то денег) — этот человек мне подходит, этот человек меня устраивает] русской лексемы *деньги* и английской лексемы *money* мы рассматриваем как символические.

Итак, наиболее актуальная сфера общественной жизни нации порождает наибольшее число устойчивых сочетаний, активно употребляемых в языке, которые, в свою очередь, могут переходить в другие семантические сферы и приобретать там новые значения, в том числе и символические. Наш материал позволяет выделить следующие сферы жизни, продуктивные в плане образования фразеосочетаний, пословиц и поговорок, несущих в себе коннотативные символические значения: *застолье*, *извоз*, *хозяйственная деятельность человека* в русском языке и *застолье*, *охота*, *развлечения* — в английском.

Символическим значением обладают в большей степени фразеосочетания, запечатлевшие разного рода обряды, игры, ритуалы. Бытовые ситуации, запечатленные в составе фразеосочетаний, осмысливаются символически, если они носят некоторый ритуальный характер (*круговая чаша*, *хлеб-соль*). Замечено, что символическое значение слова не отличается четкостью и устойчивостью. Оно зарождается и проходит свое становление в концептосфере каждого конкретного народа как носителя неповторимых индивидуальных особенностей общественного уклада, быта и ментальности. Концептосфера, в свою очередь, отражает наиболее

универсальное мировоззрение и миропонимание, присущее данной нации на определенной стадии культурно-исторического развития.

Отметим, что ситуации, берущие истоки в Библии, отражены в устойчивых сочетаниях обоих языков. Некоторые символические значения слов имеют сходную мотивировку общекультурным мифологическим религиозным наследием. Таким образом, сходства и различия символических значений русских и английских лексем позволяют говорить о сходстве и различии культурно-языковых традиций в целом, о взаимосвязи символических значений слов с особенностями менталитета и национальной спецификой концептосферы народа.

Возможно, что дальнейшие исследования символического значения слов были бы плодотворны в сфере лексики и фразеологии, описывающих ритуалы, игры, обычаи, обряды и праздники разных народов. Национально-культурный аспект исследования языковых концептов посредством изучения семантики лексических единиц позволяет, на наш взгляд, расширить наши представления о концептосфере данного народа, о наиболее характерных и значимых особенностях семантического пространства русского и английского языков, что позволяет, в свою очередь, судить о национальном своеобразии когнитивного сознания.

Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 63-88.

Попова З.Д. Фразеология и символика вещей // Проблемы русской фразеологии. Тула, 1979. С. 3-8.

Топорков А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 89-101.

Цивьян Т.В. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 154-178.

В.В. Поталуй

Семная структура лексико-фразеологического поля (на материале русского и английского языков)

Представление о значении слова как структуре компонентов уже прочно утвердилось в семной семасиологии, выработался метаязык для семного описания лексических единиц. Однако исследование показало, что можно выявить и описать и семную структуру лексической группировки. Например, лексико-фразеологические поля «Наименования руководителей» в русском и английском языках обладают определенной семной структурой.

Семная структура лексико-фразеологического поля определяется как набор семантических признаков и семных конкретизаторов, денотативных

и коннотативных, образующих совокупное семное пространство поля. Другими словами, *семная структура* – совокупность сем, образующих значения слов, объединяемых семантическими признаками и дифференцированными семными конкретизаторами (т.е. упорядоченная совокупность сем определенной семантической группировки). Упорядоченность означает наличие *семантического каркаса* – семантических признаков, упорядочивающих все единицы поля.

Под *семантическим признаком* понимается часть семы, общая с другими семами. *Семный конкретизатор* – часть семы, конкретизирующая соответствующий семантический признак. Семный конкретизатор дифференцирует семы. Например, в семе «мужской пол» «пол» – это семантический признак, «мужской» – семный конкретизатор. В семе «женский пол» семантический признак тот же – «пол», а семный конкретизатор – «женский».

Семантические признаки также подразделяются на интегральные и дифференциальные. *Интегральный признак* – общий для значений группы слов. Он не выполняет различительных функций в пределах соответствующей группы. *Дифференциальный признак* различает значения сравниваемых слов, в группе выполняет различительные функции.

Релевантными для описания семной структуры поля являются:

- количество семантических признаков, образующих семную структуру поля («семантический каркас» поля);
- количество семных конкретизаторов;
- набор семантических признаков, образующих семную структуру поля;
- набор семных конкретизаторов;
- дифференциальная сила семантических признаков и семных конкретизаторов.

Семную структуру лексико-фразеологического поля «Наименования руководителей» в русском языке образуют 25 семантических признаков и 155 семных конкретизаторов; в английском языке – 24 семантических признака и 166 семных конкретизаторов.

Разное количество семантических признаков и семных конкретизаторов объясняется тем, что в рамках одного и того же семантического признака существует разное количество сем. Например, по признаку «квалифицированность» в русском языке выделяется семный конкретизатор «высококвалифицированный» (*топ-менеджер, супердиректор*), а в английском языке – семные конкретизаторы «высококвалифицированный» (*top manager*) и «неквалифицированный» (*mandarin* – в значении «косный, отсталый руководитель»). Или, по признаку «полнота осуществления власти» в русском языке выделяется семный конкретизатор «максимальная полнота власти» (*повелитель, автократ*), а в английском языке – семные конкретизаторы «максимальная полнота власти» (*autocrat, dictator*) и «минимальная реальная власть» (*figurehead* – номинальный глава, *chancellor* – номинальный глава университета). Таким образом, выявились лакунарные семантические признаки и семные конкретизаторы в русском и

английском языках. *Лакунарные семантические признаки* в русском языке: 'характер руководства', 'наличие опыта', 'специфика руководства'.

Лакунарными семными конкретизаторами для наименований руководителей в русском языке являются 'строгий' (taskmaster), 'опытный' (statesman), 'отбирает кандидатов на политические должности' (kingmaker), 'минимальная реальная власть' (figurehead – номинальный глава), 'неквалифицированный' (mandarin – косный отсталый руководитель).

Лакунарными для наименований руководителей в английском языке являются семантические признаки 'политическое руководство', 'стремление к руководству', 'степень признания', 'активность'.

Лакунарными семными конкретизаторами для английского языка являются 'советское' (парторг, комсорг, завмаг), 'любит, стремится руководить' (командирша, указчик), 'общепризнанный' (вождь, учитель), 'активно действующий' (вожак, предводитель).

Наибольшей *дифференциальной силой* как в русском, так и в английском языках обладают следующие семантические признаки (цифра – индекс дифференциальной силы, обозначающий отношение количества единиц, для которых данный признак оказался релевантным, к общему числу единиц поля): 'сфера руководства' (0,81); 'объект руководства' (0,81); 'уровень руководства' (0,7); 'способ обретения руководства' (0,69); 'тип руководства' (0,59); 'пол' (0,55).

В рамках одного и того же признака семные конкретизаторы могут обладать разной дифференциальной силой. Например, в русском языке в рамках признака «уровень руководства» конкретизатор «высокий» имеет индекс 0,46, а конкретизатор «низкий» – 0,14.

Семные конкретизаторы, обладающие наибольшей дифференциальной силой: 'высокий уровень руководства' (0,47); 'официальный тип руководства' (0,46); 'мужской пол' (0,43); 'назначаемый' (0,42). Данные признаки и семные конкретизаторы являются наиболее яркими для языкового сознания русского и английского народов в семантическом пространстве исследуемых полей.

Таким образом, представляется возможным описание семной структуры лексической группировки и семантическое сопоставление лексических группировок в разных языках.

Л.Н. Дудкина

Национальная специфика ключевых слов ЛФП «Приготовление пищи» в русском и английском языках

Ключевое слово, отличающееся частотностью употребления и имеющее много значений, вербализует исследуемый концепт, дает возможность обнаружить его дифференциальные признаки, выявляющиеся в сопоставле-

нии лексем, принадлежащих к синонимическому ряду (Попова, Стернин 1984).

Семантические признаки ключевого слова позволяют установить круг лексем, образующих его лексико-семантическое поле и затем выполнить построение этого поля (Попова, Хорошунова 2003).

Рассмотрим лексико-фразеологическое поле «Способы приготовления пищи» в русском и английском языках. Это поле представляет собой довольно большую и хорошо структурированную группу, в которой четко выделяется ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферии. В результате проведенного анализа в ЛФП русского языка выявлено не менее 70, а в ЛФП английского – 170 лексем. В русском языке составляющие поле лексемы распределены по 12, а в английском – по 16 парцеллам.

По семантическим признакам слов можно определить, какие лексемы относятся к ядру, которое представлено лексемами с высокой частотностью, в прямом значении, в минимальной степени зависящими от контекста. В ядре отчетливо выделяется центр. Частотность лексем, входящих в центр поля намного превышает частотность других единиц.

В данной статье нами описан только центр поля «Приготовление пищи», который и в русском, и английском языках занимают ключевые лексемы, именующие концепт: *готовить* и *стряпать* в русском языке и *to cook* – в английском. Вокруг них в ядре поля группируются лексемы, являющиеся синонимами ключевого слова – в русском языке: *варить, жарить, печь, тушить*; в английском: *bake, braise, roast, broil, concoct, grill, fry, boil, stew, simmer, toast*. Архисема (интегральная сема) их семем отвечает архисеме поля с наиболее общим значением «доводить продукт до готовности», к нему добавляется дифференциальная сема «способ».

Ключевыми лексемами, которые располагаются в центре русского поля, являются лексема *готовить* (непереходный глагол) и его разговорный синоним *стряпать*:

ГОТОВИТЬ/сготовить/приготовить – делать готовым к употреблению (кушанье) (СОШ).

Приводить (привести) продукты питания в годное к употреблению в пищу состояние.

Приготавливать (варить, жарить, печь и т.п.) пищу, стряпать (БТРСЯ).

Умеет *готовить*; в нашей столовой хорошо *готовят*; *готовить* обед, завтрак; *готовить* борщ; *готовить* на плите, на газе; любить *готовить*; моя жена хорошо *готовит* (СОШ), (БТРСЯ).

Готовила мама тоже преотлично. И соуса, и пироги, и кремы... Дался мне этот перловый суп! Не так уж часто мама его варила (Улицкая, 251).

Обломов велел Захару дать что-нибудь.

- Ничего нету, не готовили, – сухо отозвался Захар, глядя мрачно на Тарантьева (Гончаров, 337).

- У нас в Обломовке этак каждый праздник готовили, – говорил он двум поварам, которые приглашены были с графской кухни, – бывало, пять пирожных подадут, а соусов что, так и не пересчитаешь! (Гончаров, 439).

Тетя Оля, отдайте вашу Олечку за меня замуж.

- Зачем?

- Она мне будет готовить, а я буду лежать на диване и читать газету, как папа (Чуковский, 400).

СТРЯПАТЬ (разг.) – готовить, готовить (варить, жарить и т.п.) кушанье. Выпекать какие-либо кушанья из муки и других продуктов (пельмени, пирожки) (СОШ).

Стряпать пельмени, пирожки; любить *стряпать*; *стряпать* каждое воскресенье; *стряпать* в духовке.

- Вот что, милая моя сношенька, взяли мы тебя не кохаться да не вылеживаться. Иди-ка, передои коров, а посля становись к печке стряпать (Шолохов, 52).

Тося оробела.

- Много едят? Придирчивые?

- Поработаешь в лесу, так узнаешь... Ты хоть стряпала когда-нибудь? – полюбопытствовала Катя (Бедный, 21).

Царь даёт опять приказание, чтоб снохи состряпали хлеба и принесли ему напоя, котора лучшие стряпат? (Аникин, 215).

Ядром изучаемой группы является глагол, имеющий основное, наиболее абстрактное значение *Cook* – to prepare (food) for eating by using heat; make (a dish) – готовить (еду) для употребления в пищу используя жар; делать/приготавливать (блюдо). Стряпать, готовить пищу; жарить, варить (АРС).

1) to cook a meal or cook a particular vegetable, meat, etc. – приготовить пищу или приготовить какой-либо овощ, мясо и т.д.;

2) to heat food in a particular way until it is ready to eat. – подогревать пищу особым способом до тех пор, пока она не будет готова к употреблению (DELC).

“She had everything, beauty, brains, money, talent“

“She couldn’t cook”, I interrupted.

“She cooked Nigerian food superbly”, said my mother, Jo Jo’s biggest fan (Townsend, 16).

Rules?

There weren’t many. No smoking in the bedrooms, for fear of fire. Everyone cooked a group meal once a week. You had to sign up for any given dinner two days before so the chef would know how much to prepare (Miller, 40).

Our budget was as tight as a drum, and if we bought a bar of chocolate, then we had to walk into town for there was no extra for fares. I remember the very first meal I ever cooked cost a shilling (Wier, 449).

Итак, анализ словарных дефиниций позволяет выявить, что лексемы *готовить*, *стряпать* и *to cook* реализуют эквивалентную семему Д1 «готовить (жарить, варить) еду» и сочетаются с существительными, обозначающими кушанья, продукты питания. Очевидно, здесь имеет место векторное соответствие, где в английском языке единице *to cook* соответствуют две единицы сопоставляемого с ним русского языка –

готовить и *стряпать* (Стернин 2004). Таким образом, лексема *to cook* обладает национальной спецификой семантики относительно русского языка, так как его соответствиями являются два слова, функционально-семантические семы которых не совпадают.

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984.

Попова З.Д., Хорошунова И.В. Построение лексико-семантического поля ключевого слова концепта // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. Часть 2. Волгоград, 2003, С. 34-35.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Воронеж, 2004.

БТРСЯ – Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб, 2002.

СОШ – Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984.

АРС – Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М., 1992.

DELС – Dictionary of English Language and Culture, Longman, 2000.

Miller, S. While I Was Gone. Ballantine Books, The Ballantine Publishing Group, New York, 2000.

Townsend, S. Adrian Mole, The Cappuccino Years. Penguin Books, 1999.

Wier, M. Trilogy of My Scottish Childhood. Lomond Books, 1996.

Т.Н. Панкова

Метафоры *зерно* (grain) и *семя* (seed) в русском и английском языковом сознании

Несомненно, что важную роль в становлении лексической системы любого языка играет метафора: она является источником новых значений слов, которые могут выполнять вторичную номинативную, характеризующую и ряд других функций. Универсальные семантические процессы, в число которых входит и языковая метафора, с одной стороны, основаны на общечеловеческих законах мышления, с другой – имеют свои особенности проявления в каждом языке, следовательно, можно говорить о том, что существует как нечто общее, так и различное в способе и частоте образования многозначных единиц и обусловленности их спецификой системы конкретного языка. Данная статья посвящена проблеме выявления национальной специфики вторичной и образной номинации в русском и английском языках. Объектом предлагаемой работы были выбраны лексические единицы «зерно» и «семя». Цель исследования заключается в сопоставлении направлений метафорических переносов данных лексических единиц.

Изучая языковую метафору с точки зрения её семантической структуры, необходимо обращаться к различным приёмам компонентного анализа, так как переносное значение оказывается связанным с исходным номинатив-

ным значением неким смысловым элементом, отражающим конкретные признаки. Процесс развития метафоры при этом может быть определён как трансформация в семной структуре слова. Самые различные семы, отражающие основные, второстепенные и вымышленные признаки, могут актуализироваться при метафоризации и лежать в основе создаваемого в процессе переноса образа.

Лексемы зерно (grain) и семя (seed) являются соотносимыми эквивалентами и приобретают переносные значения в обоих языках. И в русском, и в английском языке данные лексические единицы имеют прямое значение «плод и семя злаков, семя растений». Общим для обоих языков является также производное значение «отдельная частица, небольшая доля, крупинка какого-либо вещества». Например: *Где-то в кварце блестело золото крупными зёрнами* (В.А. Обручев). *She made such a dish that we couldn't eat: there were even grains of salt.* Метафорический перенос осуществляется по признаку «азмер». Этот признак лежит в основе переноса и в случае использования анализируемых единиц в абстрактном значении в контекстах типа: *Есть чувство правды в сердце человека, Святое вечности зерно* (М.Ю. Лермонтов). *A grain of truth* – зерно истины. *Not a grain of truth* – ни крупинки правды.

Метафорическое значение лексемы зерно – «зародыш, исходное начало; ядро чего-либо», основанное на переносе по признаку «фаза биологического существования», присуще только русскому языку. Например: *Вчерашняя смерть не содержит ли в себе зерна сегодняшнего возрождения?* (М.Е. Салтыков-Щедрин). В английском же оно передаётся посредством других лексем.

Следует отметить, что соотносимая с русской лексемой зерно английская лексическая единица grain более многозначна и имеет, помимо проанализированных, следующие значения: 1) гран (= 0,0648г); 2) зернистость, грануляция; 3) волокно, жилка, фибра, нитка; 4) строение, структура; 5) природа, характер, склонность; *in grain* – по натуре, характеру; 6) гrena, яички шелкопряда. Думается, что использование данной лексики в первом значении (мера веса) обусловлено переносом по признакам «форма» и «вес», во втором – «свойство», «качество», в третьем – «форма», в четвёртом – «структурное множество», в пятом – «фаза биологического существования» (начало чего-либо, источник развития), в шестом – «форма». Сочетание *to dye in grain* используется в значениях: 1) окрашенный в пряже; прочно пропитанный краской; 2) стойкий, выносливый. В первом случае перенос осуществляется по признаку «структурное множество», поскольку имеется в виду, что каждая частица вещества пропитана краской, что обуславливает стойкость, прочность окрашивания. Ассоциация со стойкостью, прочность обусловила в свою очередь возможность употребления данной лексики для характеристики стойкого, выносливого человека. Переносное значение 5 («натура, природа, характер, склонность») обусловило употребление словосочетания *against the grain* – технич. – против (древесного) волокна; *(The joiner planed wood against the*

grain = *Столяр строгал дерево против волокна*), а также значение «против желания, наперекор естественной склонности, не по душе, не по нутру». Например: *Everything in fact, was driving him towards the simple solution of Irene's return. If it were still against the grain with her, had he not feelings to subdue, injury to forgive, pain to forget?* (J. Galsworthy. «In Chancery», part II, ch. II). *Всё решительно толкало его к единственному простому выходу – вернуть Ирэн. Если ей это и не совсем по душе, то ведь и ему придётся подавить свои чувства, простить обиду, забыть страдания!*

Таким образом, совпадая по исходному значению в русском и английском языках, данные лексемы имеют значительные расхождения в количестве переносных значений и их направлениях.

Подобные расхождения выявляются и при сопоставлении лексем *семя* и *seed*, в обоих языках репрезентирующих значение «зачаток высшего растения, развивающийся обычно после оплодотворения и состоящий из зародыша и оболочки». Например: *Летучие семена лягут на влажную землю, пустят в неё корешки. И <...> разрастутся и зацветут весенние травы* (К.Г. Паустовский). Общим для исследуемых языков является значение «зародыш, начало, источник чего-либо». Например: *Я уничтожу самое семя бунта!* (А.Н. Толстой). *The seeds of discord – семена раздора*. Перенос осуществляется по признаку «источник, начальная фаза развития». По этому же признаку происходит перенос и при употреблении анализируемых лексем в значении «потомство, род». Например: *Курбский пропал в нетях, распылился в Литве, не оставив семени своего* (М. Горький). *To raise up seed – иметь потомство*.

Можно отметить также совпадения по признаку «отделять ненужное» в глаголах *отсеивать* и *to seed*. В данном случае значения в обоих языках практически совпадают, но в английском оно является более узким, так как употребляется только в спортивной терминологии, где означает «отбирать более сильных участников состязания». Кроме проанализированных, лексема *seed* в английском языке имеет следующие значения.

Seed-fish – «нерестующая рыба». В данном случае перенос осуществляется по признакам «структура» и «размер».

Seed-plot – питомник; перен. – рассадник (зла). Исходным является значение «место, где возникают и развиваются растения», а перенос осуществляется по признакам «исходная фаза биологического существования» и «место».

Seed-leaf в американском варианте английского языка обозначает сорт табака. Здесь можно предположить, что листья данного сорта имеют окраску или фактуру, ассоциирующуюся с формой или структурой семени.

Seedy – нездоровый; *to feel seedy* – плохо себя чувствовать; *to look seedy* – плохо выглядеть; разг. – потрёпанный, обносившийся. Это ассоциативная метафора, в которой признак переноса однозначно не определяется. Возможны ассоциации с такими болезнями, как корь, скарлатина, оспа и т.п., при которых появляется сыпь, по форме напоминающая семена или участок, посыпанный семенами. Признак неоднородности поверхности, её

неровности может лежать в основе употребления данного слова применительно к человеку в старой одежде.

Выражение *to go to seed* = *to run to seed* – пойти в семена – имеет значение «перестать развиваться, прийти в упадок». Например: *He and his Scotch wife were forced to migrate with their goods and their chattels, and left the stately comfortable gardens to go to waste, and the flower-beds to run to seed* (W. Thackeray. «Vanity Fair», ch. XXXIX). Садовник и его жена-шотландка должны были убраться со всеми своими пожитками; заброшенные роскошные сады пришли в запустение, а цветочные клумбы заросли сорной травой.

Why were those measures allowed to drop? Why was all that great improvement allowed to run to seed and grass? (J. Galsworthy. «The Silver Spoon», part II, ch. I). Почему же всему этому дали загдохнуть? Почему столько труда пошло насмарку?

Это выражение употребляется также в значении «морально опуститься, обрюзгнуть»: *Dr. Monks is aware that I am not a young man, my dear, and also that I am a little run to seed, as I may say...* (Ch. Dickens. «Oliver Twist», ch. XXXVIII). Мистеру Монксу известно, дорогая моя, что я уже не молодой человек и, если можно так выразиться, немножко отцвел...

Вероятно, в основе данных метафор лежит перенос по признаку «фаза биологического существования», то есть явление или человек перестают развиваться или даже начинают двигаться в обратную сторону, к своему исходному состоянию.

Таким образом, сопоставительный анализ лексем *зерно* (*grain*) и *семя* (*seed*) позволяет прийти к следующим выводам:

- 1) совпадая, по исходному значению, данные лексемы имеют значительные отличия в структуре семантем;
- 2) данные различия свидетельствуют как о более высокой степени многозначности английского языка по сравнению с русским, так и о более высокой степени релевантности исследуемых единиц для английского языкового сознания;
- 3) национальная специфика проявляется и в отборе признаков метафорического переноса.

Н.Н. Мещерякова

Паронимы и паронимазия в русском и немецком языках

В языке как предмете научной рефлексии целесообразно иметь в виду две стороны, из которых одна является продолжением другой. Первая состоит в том, что знаковая природа языка, уровни его строя, категории, свойства и функции его единиц осмыслены, упорядочены и запечатлены в исследовательских трудах, сводных руководствах, учебниках и всевозможных справочниках. При всех различиях трактовок, взглядов и концепций,

свидетельствующих чаще всего о сложности предмета, эту сторону познанного языка можно назвать *статической*. Однако и она неоднородна: существует статика стопроцентная, т.е. неизменяемость как таковая, – не подлежит изменению семиотическая природа языка, не может измениться содержание двух его самых общих категорий – предикативности и модальности. Все другие составляющие подвержены изменению, – одни медленно и неощутимо (звуковой строй, отчасти грамматика), другие быстро и наблюдаемо (лексика, отчасти синтаксис), но сам факт фиксированности результатов познания языка оставляет их в рамках *статики*.

Вторая сторона языковедческой рефлексии – это отображение живых процессов и явлений в естественном функционировании языка, который без промедления реагирует на сиюминутную обстановку. Эту сторону языковой рефлексии можно включить в широкое понятие *динамики* языка. Как известно, под динамикой, т.е. движением, языка подразумеваются процессы его стихийного изменения без намеренной и целенаправленной воли говорящего субъекта. Эти изменения представляют собой эволюцию языка во времени. Наряду с диахронической эволюцией, имеют место сознательные, намеренные воздействия разных групп говорящих сообществ (писателей, филологов, специалистов разных отраслей знаний, государственных органов) на устные и письменные формы языка с целью его совершенствования (Рождественский 1990).

В этой работе мы употребляем термин «динамика» для обозначения сознательного использования готовых, имеющихся в наличии языковых средств для образования новых языковых феноменов. У «народа-языко-творца» не иссякает стремление к личностному осмыслению меняющихся жизненных обстоятельств, возникающих фактов, социальных сдвигов и к их языковому выражению, во многих случаях приобретающему объективную общественную значимость.

Эта вторая сторона языковой реальности имеет отношение, прежде всего, к категории *модальности*, которая понимается нами как отношение субъекта речи к собственному высказыванию и через него – к действительности (Мещерякова 2005). Динамические процессы и явления такого рода являются продолжением того, что известно и запечатлено в статике языковедческого познания, но в силу непредвиденной новизны осознание и фиксация их в корпусе познанного происходит чаще всего с вполне объяснимым отстоянием во времени.

В данной работе мы ограничимся лишь некоторыми наблюдениями, связанными с *паронимами* и *парономазией*. В самих этих терминах наглядно отражено отмеченное выше соотношение статической и динамической сторон языковедческой рефлексии.

Паронимы – однокоренные или разнокоренные слова, связанные близостью звучания и значения (сытый – сытный, представить – предоставить, экономный – экономичный – экономический и под.). Самый простой пример в русском языке – пара слов «надеть» – «одеть». Частые ошибки в их употреблении у многих носителей языка имеют причиной недостаточ-

ную автоматизированность их контекстуальной валентности в речевом опыте (надеть – что, одеть – кого). Многочисленные разновидности паронимов такого типа фиксированы в языковедческой статике, и, как представляется, они сами по себе непосредственно не соприкасаются с категорией модальности.

Однако дело приобретает совсем другой оборот, как только мы обратимся к паронимическому словотворчеству, т.е. к *парономазии*. Парономазию (от греч. *para* – «около» и *onomazo* – «называю») рассматривают как стилистический прием, заключающийся в намеренном сближении слов, сходных по звучанию или строению. Имеются достаточные основания рассматривать парономазию как одно из многих средств выражения модальных смыслов, порождаемых субъектом речи и по сути представляющих собой его личностный отклик на реалии современной ему жизни.

Для понимания смысла вновь образованного паронимического члена требуется знание исходного, базисного слова. Приведем ряд паронимов, вошедших в употребление в последнее время: бровеносец ← броненосец, членовоз ← паровоз, тамиздат, самиздат ← Госиздат, орденопросец ← орденоносец, алконавт ← космонавт, трупопровод ← трубопровод («*В смутный период смены генсеков... путь от Колонного зала до Красной площади в народе прозвали "трупопроводом"*» [Новое время. 2005. №43. С. 10]); прихватизация ← приватизация, обманетизация ← монетизация, дерьмократ ← демократ, демократизатор (дубинка) ← амортизатор, стабилизатор; патриози ← мафиози («*Слово «реформы» себя изжило, после того как демократов стали называть «дерьмократами», а либералов – «либерастами». В цене сегодня – патриози*» [Новая газета. 2005, №26. С. 15]); что посмеешь, то и пожмешь ← что посеешь, то и пожнешь.

К разновидностям парономазии следует отнести также явление, названное в публицистике «сдвигологией». Пример этого явления – выражение «Прав дада»: наложение на наименование газеты «Правда» названия литературно-художественного течения «дадаизм», цель которого состояла в разрушении привычных норм эстетики. В результате такого наложения произошел сдвиг социокультурных матриц – осмеяние лживых пропагандистских штампов партийного официоза.

Яркость и точность родившихся модальных смыслов, несомненно субъективных, личностных по своему генезису, сообщает приведенным паронимам важную объективную значимость. Естественно возникает лексикографическая проблема: отражают ли они коренную суть коммуникативной функции языка, получая шанс на регистрацию в нормативных словарях русского языка? Или это кратковременные вспышки народной языкотворческой энергии, обреченные на угасание и забвение?

Парономазия, разумеется, – явление не только русского национального языкового творчества. Небезынтересны следующие примеры из немецкого языкового узуса: *Architekt* → *Arschitekt* (нем. *Arsch* – зад); *Advokat* → *Schandvokat* (нем. *Schand* – стыд); *Auswahl der Besten* → *Auswahl der*

Bestien (выбор лучших – выбор бестий); Deutsche Wirtschaft → Deutsche Verwirrschaft (немецкая экономика – немецкий беспорядок); heroische Taten → heroinische Taten (героические дела – героинные дела); Einen Professor konsultieren → Einen Professor insultieren (получить консультацию профессора – довести профессора до инсульта); Nur Wasser trinkt der Vierbeiner → Der Mensch, der findet Bier feiner (Только воду пьет четвероногий – Человеку предпочтительнее пиво) [Polikarpova Elena V. 2004].

В приведенных примерах русских и немецких паронимов обнаруживается сходство технических приемов получения производного паронимического члена. Как видим, явление паронимии охватывает не только отдельные лексемы, но и целые высказывания. При переводе с одного языка на другой паронимический эффект исчезает, из чего следует, что этот эффект достигается исключительно через трансформацию звуковой материи, которая специфична для каждого национального языка.

Анализ и классификация технических приемов заслуживает специального внимания и обследования обширного – письменного и устного – текстового материала. Однако и наблюдение небольшого фрагмента паронимического словотворчества позволяет увидеть, как первоначальная субъективная, предельно заостренная модальная оценка приобретает вес объективного ментального фактора. Для исчерпывающего описания модального смысла, вложенного в производное паронимическое слово, потребовался бы публицистический трактат. Этот модальный смысл становится общественным приговором деятелям, событиям и властным установлениям.

Рожественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. М., 1990. С. 247-265.

Мещерякова Н.Н. К вопросу о природе категории модальности // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и студентов БГПИ. Борисоглебск, 2005.

Polikarpova Elena V. Stilistische Varietät von paronymischen Sprachbildungen // Germanistisches Jahrbuch GUS «Das Wort». 2004. S. 91-105.

Е.В. Бавыкина

Водная тематика в сфере космической лексики

Как известно, в русском и немецком языках издавна сложилась устойчивая традиция уподобления движения в Космосе движению в воде (Шмелев 1982; Успенский 1936).

Взаимодействие данных групп лексики непосредственно связано с освоением человеком различных физических средств (в частности водной среды). С развитием способов передвижения тип переносов обозначений одной среды в другую среду лишь укрепился. То же самое касается уподобления водной лексики космической лексике. Яркие примеры тому мы можем увидеть в научной фантастике.

Нами были исследованы следующие научно-фантастические романы: «Прыжок в ничто» А.Р. Беляева, «Urlaub auf aldebaranisch» M. Szameit, «Begegnung im Licht» G. Metzner, «Nebel» J. Gernreich (Беляев 1994; Szameit 1990; Metzner 1990; Gernreich 1990). Следует отметить, что в данных произведениях присутствует большое количество единиц космической лексики. В данных романах нами были выявлены группы словосочетаний, обозначающих космическое пространство, уподобляемое в данном случае водной среде. Также были выделены группы словосочетаний, характеризующих средства передвижения в космической среде и имеющие в своей основе лексемы из сферы водной лексики.

Группы словосочетаний, обозначающие космическое пространство, уподобляемое водной среде:

Группа 1. К первой группе относятся словосочетания с лексемами «океан», «море», «бассейн». Здесь актуализируются образы, характеризующие космическое пространство как некую «статическую среду», как «объемное» и «безграничное вместилище». К данной группе относятся следующие словосочетания:

а) «океан» – «космический океан», «океан Космоса», «воздушный океан», «эфирный океан», «океан Невесомости», «мировой океан», «межгалактический океан», «межзвездный океан», «океан Вселенной»;

б) «море» – «космическое море», «воздушное море», «эфирное море», «межзвездное море»;

в) «бассейн» – «космический бассейн», «воздушный бассейн», «мировой бассейн», «межгалактический бассейн», «межзвездный бассейн», «бассейн Невесомости», «бассейн Вселенной».

Группа 2. Ко второй группе относятся словосочетания с лексемой «река». Данная лексема используется для актуализации признака передвижения в Космосе. Были выделены такие словосочетания, как «космическая река», «воздушная река», «мировая река», «река Мира».

Группа 3. К третьей группе относятся словосочетания с лексемой «бездна». Образы космического пространства в данном случае характеризуются «бесконечностью», «большим объемом». Здесь для актуализации космической тематики используется лексема «бездна». Кроме уже вышеуказанных признаков подобная лексема характеризуется негативными коннотациями. Коннотативными признаками лексемы «бездна» являются «безвыходность», «безысходность». Сюда относятся следующие выражения: «небесная бездна», «мировая бездна», «космическая бездна».

В немецких произведениях наиболее распространенной является следующая группа лексем, характеризующая космическое пространство

как «статичное» и «объемное»: «das Meer», «Die See». К данной группе относятся такие выражения, как выражения «das Reisemeer», «das Weltmeer», «das Allsmeer», «das Weltallsmeer», «das Universumsmeer», «die Reisesee», «die Weltsee».

Группы лексических единиц, характеризующих средства передвижения в космическом пространстве:

Группа 1. К первой группе относятся словосочетания с лексемой «корабль». При этом лексема «корабль» используется для выражения признака передвижения в Космосе. В ее семантике актуализируются такие семы как «объемность», «вместительность», «подвижность», «мощность». К данной группе относятся следующие словосочетания: «межпланетный корабль», «космический корабль», «межзвездный корабль», «небесный корабль», «галактический корабль», «межгалактический корабль», «воздушный корабль», «звездный корабль».

Группа 2. Ко второй группе относятся словосочетания с лексемой «судно». В выражениях с данной лексемой актуализируются образы, характеризующие средство передвижения как «объемное», «подвижное», «маломощное», «невместительное». Это следующие словосочетания: «межпланетное судно», «космическое судно», «межгалактическое судно», «воздушное судно».

Группа 3. К третьей группе относятся словосочетания с лексемой «лодка». В ее семантике актуализируются такие семы, как «небольшой объем», «небольшая вместительность», «малая мощность», «подвижность». К данной группе относятся следующие словосочетания: «межпланетная лодка», «космическая лодка», «воздушная лодка», «межзвездная лодка».

Группа 4. К четвертой группе относятся словосочетания с лексемой «ковчег». В данных выражениях актуализируются образы, характеризующие средство передвижения как «объемное», «вместительное», «мощное», «малоподвижное». Это следующие выражения: «звездный ковчег», «мировой ковчег».

В немецких научно-фантастических романах наиболее распространенными являются следующие выражения, характеризующие средство передвижения как «объемное», «вместительное», «мощное», «подвижное»: «das Schiff», «das Universumsschiff», «das Weltschiff», «das Allschiff».

На основе анализа вышеуказанных научно-фантастических произведений русских и немецких авторов были сделаны следующие выводы:

1. Номенклатура лексических единиц, обозначающих космическое пространство и средства передвижения в нем, широка и многообразна. При сравнении вышеуказанных русских и немецких научно-фантастических романов нельзя не отметить, что состав номенклатурных единиц русского романа значительно шире и богаче.

2. Лексика космической сферы в большинстве своем состоит из заимствований из других сфер (в том числе и водной стихии).

3. В научно-фантастическом романе А.Р. Беляева актуализируются такие виды водных пространств, как океан, море, бассейн, река, бездна. В

качестве средств передвижения используются такие виды транспортных средств водной среды, как корабль, судно, лодка, ковчег.

4. В немецких произведениях нами были выделены следующие лексемы: «das Meer», «die See», «das Schiff».

5. Качественные и количественные отличия лексических единиц русских и немецких научно-фантастических романов обусловлены национальной спецификой и особенностями развития научно-фантастического жанра России и Германии.

Успенский Л.В. Материалы по языку русских летчиков // Язык и мышление. Т. 6-7. М.–Л., 1936.

Шмелев Д.Н. Новая космическая лексика // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 228-254.

Беляев А.Р. Прыжок в ничто // Собр. соч. в 4-х томах. Т. 3. Романы, повести, рассказы. М., 1994. С. 4-260.

Gernreich J. Nebel // Phantastische Geschichten – Basar. Verlag. Neues Leben, 1990. S. 50-56.

Metzner G. Begegnung im Licht // Phantastische Geschichten. – Basar. – Verlag. – Neues Leben, 1990. S. 9-16.

Szameit M. Urlaub auf aldebaranisch // Phantastische Geschichten. – Basar – Verlag. – Neues Leben, 1990. S. 37-50.

Н.Л. Беляева

Пространственная метафора в сфере репрезентации товарно-денежных отношений

Сфера товарно-денежных отношений представляет большой интерес для изучения. Она выводит нас в сферы не только зарождения и становления рыночных отношений, но и в морально-этическую сферу. Концептосфера товарно-денежных отношений довольно обширна, и потому нам показалось правильным отграничить область наших исследований. В нашем материале сфера товарно-денежных отношений репрезентирована лексемами «плата», «цена», «расплата». Сфера товарно-денежных отношений представляет собой четкую систему, структуру, которая представлена в языке. Эта система двусторонняя, биполярная. Существовать вне подобной структуры она не в состоянии. В качестве двух системообразующих сторон выступают «продавец» и «покупатель». Они вступают в отношения на основе установления цены. При репрезентации концепта «цена» большую роль играет пространственная, или ориентационная метафора. В пространственной метафоре были выделены показатели «вверх-вниз», «назад-вперед» (Лакофф, Джонсон 1999:389).

Цены повышаются/понижаются: *Он принял единственное решение, что придет и выложит известный maximum цены...* (Достоевский «Бесы»).

При сопоставлении репрезентаций концепта «цены» в русском и немецком языках обнаруживаются особенности. Так, в русском языке «движение» внутри пространства концептуальной модели концепта «цены» обозначено только конкретизаторами «вверх-вниз»: цены повышаются/понижаются; цены высокие/низкие. В немецком языке пространственная метафора актуализируется не только параметрами «вверх-вниз», но и «вперед-назад»: *Preise steigen/sinken; die Waren gehen im Preis zurueck (herunter)*.

Рассматривая концептосферу товарно-денежных отношений, мы непосредственно затрагиваем проблематику структурированности знаний. При выделении концептосферы товарно-денежных отношений, репрезентированной лексемами *плата, цена, расплата*, выявляется двоичная структура. «Двоичные структуры, бинарные оппозиции обнаруживаются в любых обществах, в любых сферах жизни. Двоичные структуры просматриваются в языках и в иных человеческих знаковых системах» (Топорова 2004:71). Леви-Стросс делает заключение, что двоичные структуры свойственны человеческой психике вообще. В семиотических системах выделяется двоичная природа знака. Соссюр говорил об обозначаемом и означающем языкового знака (Соссюр 1999:98).

Однако при более подробном рассмотрении концептосферы товарно-денежные отношения и при опоре на биполярность, устанавливаемой данной системой отношений, цена выступает как необходимая составляющая отношений, как закон, как компонент, позволяющий двум сторонам, вступить в некие отношения. Пространственная метафора, используемая при репрезентации концепта «цена» позволяет представить нам его в виде коридора с «выходом» и «входом», назначение которых может взаимозаменяться. Таким образом, перед нами предстала троичная структура, где покупатель и продавец оказались полярными сторонами: сообщающимися и вступающими в отношения только посредством цены.

Некоторые ученые указывают на то, что триада в ходе человеческой истории всегда выступала как символ с насыщенной семантикой. Это прослеживается, начиная еще с античной литературы (путешествие Улисса). «Божественная комедия» Данте и апокрифические источники также содержат указание на непосредственное существование третьей составляющей. Указание на существование некой третьей связки в языке, являющейся зеркалом сознания, присутствует и в работах ученых-лингвистов, где между означаемым и означающим есть еще третья составляющая (треугольник Фреге, УПК). Так, пространство цены можно рассматривать в качестве коридора сообщения (форма со значением), через который проходит и товар, меняя при этом свою принадлежность.

Таким образом, выделяемая нами третья компонента сама задается как пространство. Данная установка заставляет нас обратиться к категории

пространства. При рассмотрении категории пространства мы обращаемся к теории, выдвинутой В.М. Топоровой. Эта теория представляет логосхемы как некие основные универсальные пропозициональные установки сознания, реализуемые в языковом употреблении и организующие концептуальную систему на уровне высокой степени обобщения объектов мысли. Число универсальных логосхем ограничено, и они могут задавать весьма широкие концептуальные параметры семантических структур. Тогда категория пространства начинает выступать в роли универсальной логосхемы, позволяющей взглянуть на схему «плата-цена-расплата» как на концептуальную связку, которую можно обозначить как пространство-коридор (Топорова 2004).

Категория пространства является одной из важнейших категорий мыслительной деятельности человека. В свою очередь, она может быть рассмотрена как биологическая программа, т.е. как определенный метод, способ, вид деятельности мышления, выкристаллизовывающийся в ходе прохождения человеком биологических фаз развития. Примером для появления биологической программы пространства может выступать процесс рождения. Человеком он оценивается как прохождение узкого коридора и закладывается в сознание человека и, главное, в эмоциональную составляющую его, в психику. Человеческая психика, по утверждению З. Фрейда, обладает информационной программой, отчасти филогенетического происхождения. З. Фрейд называет его архаическим наследием (Фрейд 1993:112). Кстати, З. Фрейд также выделяет в сознании три составляющие.

Сфера товарно-денежных отношений пронизана ритуалами и восходит к глубокой древности, когда вся деятельность человека подчинялась ритуалу и не было более четкой единой семантической системы, чем ритуал. Область сакрального стала производной областью для выделения товарно-денежных отношений в самостоятельную сферу. Так первоначальные алтари для жертвоприношения богам плодородия и урожая постепенно превращались в рыночные прилавки, жертвоприношения водой тем же богам превратились в обычай обмывать покупку, а первобытный обычай мериться силой при встрече двух кланов или племен и следующий за ним обмен товарами – в обычай после завершения сделки бить по рукам. Цена, первоначально обозначая духовную «епитимью» при нарушении социальных отношений, стала постепенно денежным штрафом, а позднее получила выражение в вине.

Подводя итог, можно сказать, что сфера товарно-денежных отношений является предметом рассмотрения не только лингвистики, но и культурологии и набирающего рост нового направления биосемиотики, философии. Участие этих наук дает возможность по-новому взглянуть на язык, познавательные процессы человеческого сознания.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сб. М., 1999. С. 387-416.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999.

Топорова В.М. Концептуальные параметры семантической абстракции // Вопросы когнитологии. 2004. Вып. 1.

Тулльviste П. Культурно-историческое развитие вербального мышления. (Психологическое исследование.) Таллин, 1987.

Фрейд З. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия. М., 1993.

Л.И. Зимина

Национальная специфика немецких фразеологизмов с компонентом «Mund» на фоне русского языка в контексте межкультурной коммуникации

Актуальность контрастивных исследований в области лексики и фразеологии в настоящее время объясняется расширением международных контактов в самых разных сферах деятельности и необходимостью эффективно решать проблемы, неизбежно возникающие в процессе общения и взаимодействия людей, принадлежащих к разным лингвокультурным общностям.

Для достижения успешной коммуникации необходимо знание не только универсальных явлений, но и национально-специфических особенностей, которые находят отражение в семантике языковых единиц. Как отмечают российские и зарубежные лингвисты, занимающиеся исследованием немецкой фразеологии, именно фразеологические единицы представляют особую сложность как при изучении иностранного языка, так и при непосредственном общении с носителями языка в процессе межкультурной коммуникации (Мальцева 1991:158; Palm 1995:117-118). По образному выражению Кристины Пальм, фразеологизмы являются также «ахиллесовой пятой» теории и практики перевода, а семантический анализ фразеологизмов – дезидератами в исследовании фразеологии (Palm 1995:117-118).

Выявление национально-специфических черт семантики и функционирования единиц исследуемого языка на фоне языка сопоставления является основной задачей контрастивной лингвистики (Стернин 2004:177). В своей работе мы опирались на типологию лексических соответствий, разработанную З.Д. Поповой и И.А. Стерниным в монографии «Лексическая система языка» (Попова, Стернин 1984:72).

Предметом нашего исследования в указанном плане являются немецкие фразеологические единицы с компонентом «Mund» (рот), отобранные путем сплошной выборки из словарей (Duden 1992; Duden-UW 1989).

Для контрастивного описания фразеологии существенным оказывается количество единиц языка сопоставления, которые могут быть поставлены в соответствие исследуемой единице исходного языка. С этой точки зрения выделяются: линейные соответствия, векторные соответствия, отсутствие соответствия в языке сопоставления – лакуна (Стернин 2004:25).

В ходе анализа материала были выявлены все названные типы соответствий.

Всего проанализировано 45 немецких и 26 русских фразеологизмов.

1) К линейным соответствиям (соотношение 1:1) относятся следующие фразеологизмы:

jmdm. den Mund/(derb:) das Maul verbieten (Duden, с. 497) – рус. *заткнуть рот* (или *глотку, горло*) кому (прост.) (ФСРЯ 2003, с. 243);

du hast wohl deinen Mund zu Hause gelassen (ugs.; scherzh.) (Duden, с. 496) – рус. *язык отнялся у кого* (разг.) (ФСРЯ, с. 541);

Morgenstund[e] hat Gold im Mund[e] (Duden, с. 494)) – рус. (посл.) *утренняя заря золотом осыпает* (БНПС);

sich den Mund/(derb:) das Maul verbrennen букв. обжечь себе рот: навредить себе своей болтовней (Duden, с. 496) – рус. *разг. фам. болтать или сболтнуть лишнее* (НРФС, с. 403).

Всего 19 пар фразеологизмов в проанализированном материале являются линейными соответствиями.

2) К векторным соответствиям (соотношение 1:N) можно отнести следующие фразеологизмы:

несколько единиц в немецком языке – одна единица в русском:

reinen Mund halten (ugs.) букв. держать чистый рот: ничего не выдать (Duden, с. 496);

den Mund (das Maul, die Fresse o.ä.) **halten** (ugs.): ничего не выдать (Duden, с. 496). В русском языке – *держат язык за зубами* – молчать, не болтать, не говорить лишнего; быть осторожным в высказываниях (ФСРЯ, с. 138);

одна единица в немецком языке – несколько единиц в русском:

von der Hand in den Mund leben (Duden, с. 306).

В русском языке:

1. *перебиваться с хлеба на квас* (прост.) – жить очень бедно, терпеть нужду, лишения (ФСРЯ, с. 313);

2. *едва сводить концы с концами* – кое-как справляться с материальными затруднениями; перебиваться, нуждаться (ФСРЯ 2003, с. 173);

jmds. Mund steht nicht still (ugs.) (Duden – UW, с. 1042).

В русском языке:

1. (разг.) кто-л. *болтает без умолку*,

2. (разг.) кто-л. *рта не закрывает*.

Всего зафиксировано 9 фразеологизмов данного типа.

3) Отсутствие фразеологического соответствия в русском языке выявлено у следующих немецких фразеологизмов:

einen schiefen Mund/(derb:) ein schiefes Maul ziehen: сделать недовольное, оскорбленное лицо (Duden, с. 496);

sich den Mund fusselig/fußlig reden (ugs.) *букв.* натереть себе мозоли во рту (Duden, с. 496): *разг. фам.* твердить без усталости одно и то же (пытаясь уговорить кого-л.) (НРФС, с. 403);

jmdm. den Mund wäbrig machen (ugs.) (Duden, с. 497): *разг.* раздражить чей-л. аппетит; соблазнить кого-л. (рассказами о чем-л.) (НРФС, с. 403);

etwas ständig/dauernd/viel im Munde führen: о чем-л. часто говорить, часто употреблять какое-л. слово (Duden, с. 497) постоянно утверждать что-л. (НРФС, с. 404);

jmdm. nach dem Mund[e] reden (Duden, с. 497): поддакивать, подпевать, льстить кому-л. (НРФС, с. 405);

sich etwas am/vom Munde absparen (Duden, с. 124): купить что-л. на сэкономленные с трудом деньги;

Ausdrücke im Munde führen (geh.): грубо выражаться, употреблять ругательства (Duden, с. 70);

jmdm. Brei um den Mund schmieren (ugs.) *букв.* мазать кому-л. кашу вокруг рта (Duden, с. 126): льстить кому-л.

Всего выявлено 17 безэквивалентных немецких фразеологизмов. «Случаи лакуарности и безэквивалентности единиц представляют собой крайние, предельно яркие случаи проявления национальной специфики слова» (Стернин 2004:78).

Безэквивалентные фразеологические единицы представляют особую сложность в акте коммуникации, так как в русском языке им соответствуют лакуны – «отсутствие межъязыкового соответствия в одном языке относительно другого языка» (Стернин 2004:34), что создает барьеры на пути успешной коммуникации.

Кроме того, были проанализированы семантические отношения между немецкими и русскими фразеологизмами, имеющими линейные и векторные соответствия.

Теоретически возможны следующие отношения между фразеологическими соответствиями двух языков:

- эквивалентность по денотативному, коннотативному, структурно-языковому компонентам значения и полное совпадение по образу;
- близость значения, сопровождаемая проявлением национальной специфики (наличие отдельных семных межъязыковых различий, различий в образах).

В процессе анализа материала нами были выявлены оба варианта проявления национальной специфики фразеологических единиц.

Во-первых, выделяется группа немецких фразеологизмов, имеющих полные совпадения по семантике и внутреннему образу в русском языке, то есть фразеологические эквиваленты. Приведем примеры фразеологических эквивалентов:

den Mund/(derb:) das Maul aufsperrn (ugs.) (Duden, с. 496) – *рус. разинуть рот* (прост.);

den Mund /(derb:) (das Maul, die Fresse o.ä.) **aufmachen/auftun** (ugs.) (Duden, с. 496) – рус. *раскрыть* или *открыть рот* (разг.);

von Mund zu Mund gehen (Duden, с. 498) – рус. *из уст в уста* (НРФС, с. 405);

wes das Herz voll ist, des geht der Mund über (Duden, с. 327) – рус. посл. *от избытка сердца уста глаголют* (БНРС).

Восемь немецких фразеологизмов с компонентом «Mund» имеют в русском языке фразеологические эквиваленты.

Выделяется группа немецких фразеологизмов, которым соответствуют в русском языке фразеологизмы со стилистическими различиями:

jmdm. etwas in den Mund legen (Duden, с. 497) в немецком языке – *межстилевое*:

1. (*разжевать и*) *в рот положить* (разг.) – объяснить, растолковать все до мелочей (ФСРЯ 2003, с. 244) в русском языке – *разговорное*;

2. *вложить в уста* (книжн.) – заставлять кого-л. говорить, высказывать те или иные мысли, слова (ФСРЯ, с. 70) в русском языке – *книжное*.

Подобные единицы мы рассматриваем как близкие переводные соответствия.

Выделяется также группа фразеологизмов, имеющих одинаковую семантику, но разные внутренние образы:

du hast wohl deinen Mund zu Hause gelassen (ugs.; scherzh.) *букв.* ты что, рот дома оставил? (Duden, с. 496) – рус. *язык отнялся у кого* (разг.) (ФСРЯ, с. 541);

den Mund/(derb:) das Maul auf dem rechten Fleck haben (ugs.) *букв.* иметь язык на правильном месте: быть находчивым, красноречивым (Duden, с. 496) – в рус. языке: 1. *не лезть за словом в карман* (НРСРЛ, с. 509); 2. *язык хорошо подвешен* (НРСРЛ, с. 509);

mit einem goldenen/silbernen Löffel im Mund geboren sein *букв.* родиться с золотой/серебряной ложкой во рту: 1. быть родом из богатой семьи; 2. быть счастливым во всем (Duden, с. 461) – рус. *родиться в рубашке* – быть удачливым, счастливым, везучим во всем (ФСРЯ, с. 390);

kein Blatt vor den Mund nehmen (ugs.): открыто высказать свое мнение (Duden, с. 113) резать правду в глаза (НРФС, с. 88) *правду-матку резать в глаза* (прост.).

Таких единиц нами зафиксировано 16. Эти единицы получают статус переводных фразеологических соответствий.

Выявлены фразеологизмы, имеющие близкое значение и разные внутренние образы:

an jmds. Mund hängen: слушать не отрываясь кого-л., зачарованно слушать (Duden, с. 497) – рус. *смотреть* (или *глядеть*) *в рот* кому – 1. смотреть, как кто-л. ест, считая, жалея съеденное или будучи голодным; 2. подобострастно слушать кого-л., заискивать перед кем-л. (ФСРЯ 2003, с. 243);

wie aus einem Munde: одновременно, говоря все одновременно (Duden, с. 497) – рус. *в один голос* – 1. все вместе, одновременно (отвечать, спрашивать и т. п.); 2. единодушно, единогласно (ФСРЯ, с. 115).

Таких единиц с компонентом «Mund» оказалось в нашем материале всего 2.

Подобные единицы также будем считать переводными фразеологическими соответствиями.

В ходе анализа языкового материала нами были выявлены примеры неадекватных (ошибочных) лексикографических соответствий:

den Mund [zu] voll nehmen (ugs.): слишком много обещать; Die Regierung hat wieder einmal den Mund zu voll genommen, die Wähler sind mit Recht enttäuscht. Er nimmt gern den Mund ein bißchen voll, das darf man nicht so ernst nehmen. (Duden, с. 496).

НРФС дает перевод: давать волю языку (НРФС, с. 403).

Но в русском языке фразеологизм *давать волю языку* означает «позволять себе говорить лишнее» (ФСРЯ, с. 123). Таким образом, немецкий и русский фразеологизмы имеют существенные различия в семантике.

den Mund/(derb:) das Maul aufreißen/voll nehmen (ugs.): хвастаться; важничать, зазнаваться; Das haben wir gern, erst mal Maul aufreißen und dann nichts leisten! An Ihrer Stelle würde ich den Mund nicht so voll nehmen. (Duden, 496) преувеличивать и хвастаться чем-л. (Duden-UW, с. 1042).

НРФС дает перевод: *разг.* развязывать язык, давать волю языку (НРФС, с. 403).

Однако в русском языке фразеологизм *развязывать язык* означает: 1. побуждать, заставлять кого-л. или давать возможность кому-л. разговаривать, заговорить свободно, без стеснения, непринужденно; 2. начинать говорить после молчания, давая какие-л. показания, выдавая какую-л. тайну и т.п.; 3. становиться болтливым (ФСРЯ, с. 379); а фразеологизм *давать волю языку* означает «позволять себе говорить лишнее» (ФСРЯ, с. 123). Таким образом, оба русских фразеологизма имеют значительные различия в семантике с указанным немецким фразеологизмом.

В процессе контрастивного анализа материала нами были выявлены также соответствия, не зафиксированные в двуязычных фразеологических словарях:

den Mund (die Klappe, die Fresse, die Schnauze, das Maul o.ä.) **nicht aufbekommen/ aufkriegen** (ugs.): бояться, стесняться, не решаться сказать что-л. (Duden, с. 496);

не сметь рта разинуть или *открыть, раскрыть* (разг.) – бояться высказать свое мнение, возразить (ФСРЯ 2003, с. 244);

jmdm. den Mund/(derb:) das Maul verbieten (Duden, с. 497) приказывать замолчать, запрещать говорить кому-л. (НРФС, с. 403); рус. *заткнуть рот* (или *глотку, горло*) кому (прост.) – заставить замолчать кого-л. (ФСРЯ 2003, с. 88);

jmdm. den Mund öffnen букв. открыть кому-л. рот (Duden, с. 497) заставить заговорить кого-л. (НРФС, с. 403); рус. *развязывать язык* (разг.): 1. побуждать, заставлять кого-л. или давать возможность кому-л. разговаривать, заговорить свободно, без стеснения, непринужденно; 2. начинать говорить после молчания, давая какие-л. показания, выдавая какую-л. тайну и т.п.; 3. становиться болтливым (ФСРЯ, с. 379) – совпадает первое значение.

В двух последних случаях необходимо учитывать, что немецкие и русские фразеологизмы имеют стилистические различия: в немецком языке – *межстилевое*, в русском языке – *разговорное*.

При сопоставлении межъязыковых соответствий с компонентом «Mund» / «рот» в немецком и русском языках выявлены фразеологические псевдоэквиваленты – так называемые «ложные друзья переводчика»:

etwas [nicht] in den Mund nehmen букв. что-либо (не) брать в рот: что-л., какое-л. слово (не) произносить; (ugs.) Solche Ausdrücke nimmt man nicht in den Mund (Duden, с. 497);

использовать какое-то слово (Duden – UW, с. 1042);

в рот не брать (не брать) чего – не есть или не пить чего-л. по какой-л. причине (ФСРЯ 2003, с. 244);

в рот не брать (не возьмешь) – о чем-л. невкусном (ФСРЯ 2003, с. 244).

Как показал анализ, более половины (60%) немецких фразеологизмов с компонентом «Mund» имеют фразеологические эквиваленты, близкие фразеологические соответствия или переводные (возможные) фразеологические соответствия в русском языке. Значительное семантическое сходство, которое демонстрируют проанализированные немецкие и русские фразеологизмы, можно объяснить тем, что оба народа примерно одинаково воспринимают соматизм «рот».

Однако почти каждый третий немецкий фразеологизм с компонентом «Mund» не имеет эквивалентов в русском языке, т.е. национальная специфика семантики немецких фразеологизмов проявляется на фоне языка сопоставления достаточно ярко (эксплицитно) и свидетельствует о самобытности и национальном своеобразии двух народов, а также о специфике национального сознания, которое по-своему отражает и членит окружающую действительность.

Для эффективной межкультурной коммуникации необходимо дальнейшее исследование национальной специфики фразеологических единиц, отработка этих знаний на практических занятиях по языку и применение этих знаний на практике в процессе межкультурного общения.

Мальцева Д.Г. Страноведение через фразеологизмы. М., 1991.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. Воронеж, 2004.

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984.

Palm, Ch. Phraseologie: eine Einführung. Tübingen, 1995.

Duden. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Duden Bd. 11. Mannheim Leipzig Wien Zürich: Dudenverlag, 1992. /Duden/

Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim Leipzig Wien Zürich: Dudenverlag, 1989. /Duden-UW/

Küpper, Heinz «Wörterbuch der deutschen Umgangssprache». Stuttgart Dresden. Klett Verlag, 1993. / Küpper/

Немецко-русский фразеологический словарь / Сост. Л.Э. Бинович, Н.Н. Гришин. М., 1975. /НРФС/

Большой немецко-русский словарь. Под рук. О.И. Москальской. М., 1980. /БНРС/

Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. М., 1994. /НРСРЛ/

Фразеологический словарь русского языка. Под редакцией А.И. Молоткова. М., 1967. /ФСРЯ/

Фразеологический словарь русского языка. / Сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. М., 2003. /ФСРЯ 2003/

И.В. Назарова

Образные выражения: национальное и общечеловеческое

Устойчивые словосочетания занимают достойное место в системе любого языка. Они широко используются как в художественных текстах, так и при устном общении. Сферы жизни, обслуживаемые фразеологизмами, очень широки, тематические и лексико-семантические группы весьма разнообразны.

Отражая фрагменты языковой картины мира, фразеологизмы одновременно четко разделяются на два лексико-семантических блока. В первую очередь мы выделяем блок устойчивых словосочетаний, в основу которых положены межъязыковые, интернациональные, общечеловеческие образы. Эти образные выражения, безусловно, прекрасно иллюстрируют принцип антропоморфизма, то есть центральное место в них занимает сам человек, его внешние и внутренние качества, физическое состояние, поведение и деятельность, а также то, что находится в непосредственной близости от жизненных интересов людей.

Так во французском языке находим весьма схожие с русскими устойчивые сравнения: *Pâle comme un mur* (буквально: бледный как стена). В русском языке тот же образ используется также для характеристики нездорового цвета лица. Для наглядного описания состояния окружающей среды, а именно пустынной местности, в русском языке фигурирует образ ладони. Тот же образ находим во французской фразеологии: *Nu comme la main* (буквально: голый как ладонь). Пожалуй, во всех языках мира внешнее сходство людей передается с помощью образа капель воды: *Se ressembler*

comme deux gouttes d'eau (буквально: *быть похожими, как две капли воды*) и ближайшего родственника – брата: *Ressembler a qn. comme un frères* (букв. *быть похожим на кого-л., как на своего брата*), сравните, в русском языке: *похожи как братья*. Образ парусов, наполняемых ветром, используемый для характеристики жизненного пути, объединяет столь непохожие русский и китайский языки.

Справедливости ради надо отметить, что общий образ требует, если не одинаковой грамматической структуры, то идентичных лексических средств выражения (*стена – un mur, ладонь – la main*), иначе образ передать не удастся.

Постоянное сильное влияние, которое оказывают культурные представления людей на язык, не обошло и фразеологию. Национальные традиции, искусства, религиозные взгляды, особенности жизни и быта, все то, что принято называть менталитетом народа, накладывает отпечаток на образность устойчивых словосочетаний. Фразеологизмы, отнесенные нами ко второму блоку, приобретают яркое национальное своеобразие благодаря использованию в них национально-культурных образов.

Эти образы, к примеру, отсылают слушателя к истории и национальным традициям народа. В китайском фразеологизме упоминается одна из самых умных, по мнению носителей языка, древнекитайская личность Чжу Тэ Лян: *Три плохих сапожника составят одного Чжу Тэ Ляна*. Значение этого фразеологизма близко значению русского, ср. *одна голова хорошо, а две лучше*. (Здесь мы приводим только буквальный перевод китайских фразеологизмов в связи со сложностью китайской графики. Однако образ, заложенный в устойчивом словосочетании, при буквальном переводе, по нашему мнению, полностью сохраняется.)

К истории и национальным традициям народа отсылают нас русские устойчивые сравнения, например: *наготовить как на Маланьину свадьбу; работать как батрак; стоять как витязь на распутье*, а также французские: *Solide comme une jument de Perche* (буквально: *выносливый как кобыла из графства Перш*); *Insolent comme un valet de bureau* (буквально: *наглый как слуга палача*).

Образы, используемые в устойчивых словосочетаниях, могут быть связаны с национальными реалиями или с предметами национального быта. Такие русские компаративные единицы, как *пристать, как банный лист к телу; много как сельди в бочке; чувствовать себя как у тещи на блинах; ростом с колокольню Ивана Великого*, могут быть не понятными иностранцу, не знающему, к примеру, что такое баня, блины, колокольня Ивана Великого или не знакомому с русским национальным способом засолки рыбы. Следовательно, образы, заключенные в этих устойчивых словосочетаниях, останутся нераскрытыми.

Богатым источником для образных выражений были и остаются библейские мотивы. Фразеологизмы, в которых используются библейские образы, можно найти в любом языке, народ, говорящий на котором, исповедует христианскую религию. Например, в русском: *говорить*

громко, как труба иерихонская; ждать, как манны небесной; беден как Лазарь или во французском: *Laid comme les sept péchés capitaux* (буквально: *страшный как семь смертных грехов*); *Paré comme l'autel de la Vierge* (буквально: *украшенный как алтарь святой девы*). Очевидно, что представителям иных религиозных конфессий образная суть таких фразеологизмов будет не ясна.

Образная сущность фразеологизмов имеет непосредственную связь с национально-культурными представлениями носителей языка. Отсутствие знаний о реалиях быта, о традициях, верованиях, об исторических событиях ведет к непониманию значения фразеологической единицы.

С.А. Моисеева

Контрастивное исследование глаголов восприятия французского и итальянского языков

Сопоставительные исследования в современном языкознании осуществляются по нескольким направлениям, выбор направления исследования зависит от того, какие общие признаки и факторы становятся доминирующими в каждом конкретном случае. В качестве определяющих признаков сравнительного исследования языка выделяют следующие:

- 1) характер объекта сравнения (родственные, неродственные, близкородственные языки, национальные варианты, диалекты, профессиональные языки и т.п.);
- 2) цель сравнения (анализ степени родства языков, поиск универсалий, установление эквивалентности и межъязыковых соответствий);
- 3) направление сравнения (синхрония vs. диахрония);
- 4) теория как система научно-обоснованных характеристик объекта сравнения;
- 5) метод как система приемов сравнительного анализа (Конецкая 1993:6-7).

Одним из направлений в русле сопоставительного языкознания, активно разрабатываемом в настоящее время, является контрастивная лингвистика.

Контрастивная лингвистика представляет собой синхроническое описание сходств и различий в сопоставлении как родственных, так и неродственных языков. Как и все лингвистические дисциплины, она объединяет в себе общие и частные аспекты исследования. С одной стороны, контрастивная лингвистика основывается на общих подходах к сравнению языков в плане присущих им сходств и различий, а с другой – включает поиск межъязыковых соответствий в конкретных языках, являющихся объектом сопоставления. В выборе объекта исследования она сближается с лингвистической типологией, главной задачей которой является поиск структурно-семантических универсалий. Необходимым становится выявление фактов совпадения и различия не только на уровне

лексико-грамматических систем сопоставляемых языков, но и на уровне их реального функционирования.

Профессор И.А. Стернин отмечает, что в контрастивной лингвистике, в отличие от сопоставительной:

- 1) изучаются обычно два языка: исходный язык и язык сопоставления;
- 2) изучаются не подсистемы, поля и другие структурные единицы лексической системы, а отдельные единицы и явления языка в двух сопоставляемых языках;
- 3) изучение проводится не автономно в каждом языке с последующим сравнением, а в направлении от единицы одного языка к ее возможным соответствиям в другом языке;
- 4) целью контрастивного исследования является не установление сходств и различий языковых подсистем, а выявление сходств и различий в семантике и функциях единицы одного языка в сравнении с ее возможными соответствиями в другом языке. Главное при этом – выявление различий, сходства выявляются «автоматически» (Стернин 2004б:4).

В контрастивной лингвистике традиционно используются термины: исходный язык (ИЯ), выступающий отправной точкой контрастивного исследования, и язык сопоставления (ЯС), с которым сравнивается исходный язык. В нашем исследовании исходный язык – французский, а язык сопоставления – итальянский. Объектом исследования в данной статье выбраны глаголы восприятия во французском и итальянском языках. Глаголы восприятия представляют собой сплав двух сигнальных систем. С одной стороны, они обозначают первый – произвольный и непроизвольный – контакт человека с объективным миром, являясь именами функций рецепторов и анализаторов (первая сигнальная система человека), с помощью которых в сознании человека формируется картина мира, а с другой стороны, они сами, как лексемы языка (вторая сигнальная система), являются элементами этой картины. «Картины мира есть всегда картины, увиденные глазами человека», – пишет В.И. Постовалова (Постовалова 1988:35).

Изучаемые в данной работе глаголы характеризуются признаками многообразной общности, которая определяется в значительной мере прямым продолжением в романском материале тех свойств, которые были присущи соответствующим глаголам в языке-источнике – в латинском языке. В данном случае можно выделить сохранившиеся в сопоставляемых языках моменты материального порядка, напр., такие общие лексические типы, как *lat. vedere* (> *fr. voir*, *it. vedere*), *percipere* (> *fr. percevoir*, *it. percepire*), *sentire* (> *fr. sentir*, *it. sentire*) и др., они придают изучаемой лексике черты сходства, которые тем ярче, чем ближе семантические и функциональные позиции соответствующих глаголов в сопоставляемых языках. Но нас интересуют в первую очередь их различия.

Компоненты исследуемого поля характеризуются принадлежностью к одной части речи, общим инвариантным признаком, выражающимся в

приеме и преобразовании информации восприятия окружающей действительности посредством органов чувств. Перцептивные глаголы имеют в качестве своего объекта доступную восприятию действительность (Арутюнова 1998:115).

Наше исследование включает следующие этапы: выделение исходной группировки глаголов восприятия во французском языке и составление их базового списка. Методом сплошной выборки из толковых словарей французского языка (Robert 1992; Robert 1985) выписываются слова, принадлежащие к исследуемой лексической группировке. Результатом этого этапа является описание состава и структуры полученного списка, который мы представили в виде лексико-семантического поля (ЛСП). Применение полевого метода, с одной стороны, придает исследованию системный характер и обеспечивает исчерпывающий набор единиц для компонентного анализа, являющегося основным методом семантического описания при контрастивном исследовании, а с другой стороны – в процессе полевого структурирования раскрываются диалектические связи между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью. Совокупность единиц, называемая семантическим полем, предполагает определенную структурную организацию. Принцип поля позволяет выявить иерархическую организацию отдельных участков поля. Изучаемое поле глаголов восприятия представляет собой многомерное образование с четкой структурой, оно включает в себя несколько полей ограниченного размера (микрополей), соответствующих пяти видам чувственного восприятия – зрительного, слухового, вкусового, обонятельного и тактильного.

На втором этапе отобранные лексемы для расширения базового списка просматривались по синонимическим словарям французского языка (DSL; DS), был проанализирован также аналогичный словарь (DA), что позволило выявить новые лексемы, пополнившие базовый список указанной подгруппы. По итогам этого исследования список лексем пополнился следующими единицами: *abasourdir, celer, confondre, désaveugler, éblouir, échapper, s'éclipser, entrevoir, guigner, heurter, loucher, luire, mirer, subodorner, reluer*.

Полученный общий список французских глаголов был разбит на структурно-семантические подгруппы, в нашем случае на перечисленные ниже микрополя:

1) в микрополе зрительного восприятия вошли следующие 53 глагола: *voir, regarder, admirer, apercevoir, apparaître, apprécier, aveugler, briller, cacher, celer, comparer, confondre, considérer, contempler, couvrir, découvrir, dévisager, dévoiler, désaveugler, discerner, disparaître, distinguer, éblouir, échapper, s'éclipser, effacer (s'effacer), entrevoir, envisager, épier, s'estomper, étudier, examiner, fixer, guetter, guigner, indiquer, lorgner, loucher, luire, marquer, mirer, montrer, observer, percevoir, reluer, remarquer, représenter, repérer, revoir, saisir, scruter, surveiller, toiser, viser, voiler*;

2) в микрополе слухового восприятия вошли 9 глаголов: *entendre, abasourdir, assourdir, écouter, ouïr (vieilli), percevoir, discerner, distinguer, saisir (le bruit)*;

3) микрополе осязания составляют 14 глаголов: *toucher, tâter, chatouiller, palper, effleurer, gratter (se), fouiller, heurter, pincer, sentir, frôler, manier, tâtonner, caresser*;

4) в микрополе обоняния входят следующие 30 глаголов: *absorber, aspirer, dégager (l'odeur), désodoriser déodoriser), distinguer (l'odeur), s'échapper, émaner, embaumer, empester, empuantir, exhaler (s' exhaler), émettre, flairer, fleurir, humer, infecter, inhaler, inspirer, odorier, parfumer, produire (l'odeur), percevoir, puer, rendre (l'odeur), renifler (fam), répandre, respirer, saisir, sentir, subodorier*;

5) микрополе вкусового восприятия объединяет 7 глаголов: *goûter, savourer, essayer, déguster, sentir, distinguer, percevoir (le goût de qch)*.

Глаголы зрительного восприятия представляют собой самую многочисленную лексико-семантическую подгруппу, ей присуща разнообразная и богатая лексика, обслуживающая этот вид восприятия, и высокая номинативная дробность. Под номинативной дробностью (термин И.А. Стернина) понимается количество единиц, номинирующих определенную смысловую сферу. Известно, что зрительное восприятие занимает ведущее положение в системе восприятия, глаголы зрения характеризуются большой употребительностью в речи и широким диапазоном сочетаемости. На лидерство глаголов зрения обращали внимание многие лингвисты. Так, Н.Д. Арутюнова пишет, что перцептивные глаголы, прежде всего глаголы *слышать* и *видеть*, борются за первенство в иерархии чувств, за передел сфер влияния (Арутюнова 1998:416). Было отмечено также, что один из перцептивных глаголов – обычно это «глава» перцептивной иерархии – начинает более активно по сравнению с другими глаголами развивать когнитивные смыслы, чаще всего это глагол зрительного восприятия, занимающий доминирующее положение в иерархии чувств (Viberg 1983:147-148). Неудивительно, что именно глаголы зрения с результирующей семантикой доминируют во всем перцептивном поле. Словарь именно этой подсистемы обслуживает наибольшее число коммуникативных ситуаций и «изнашивается» от постоянного употребления, как совершенно справедливо заметил Ю.Д. Апресян (Апресян 1995).

В полученном общем списке были определены ядро и периферия, в ядро поля входят наиболее употребительные глаголы перцептивной семантики, уточняющие главное сенсорное значение. Это глаголы *percevoir, voir, regarder, entendre, écouter, toucher, sentir, goûter*. Остальные глаголы входят в ближнюю или дальнюю периферию.

Следующий этап исследования – определение переводных соответствий отдельных единиц. Переводными соответствиями являются два слова разных языков, имеющие сходство в семном составе и регулярно используемые при переводе (Стернин 2004:5). Для установления переводных соответствий каждое французское слово, вошедшее в

итоговый список, проверяется по двуязычным переводным франко-итальянским словарям (Garzanti 1988; DFI-IF), выписываются все его возможные соответствия в итальянском языке. Далее все лексемы итальянского языка проверяются по синонимическому (DSC) и толковому словарям итальянского языка (Garzanti 1970). К основному списку выявленных итальянских лексем были добавлены новые глаголы: *badare*, *adocchiare*, *occhiare*, *origliare*, *specchiarsi*, *sbirciare*, *sbocconcellare*, *spilluzzicare*. Они пополнили исходный список переводных соответствий, результатом чего является, с одной стороны, подбор итальянского соответствия (соответствий) каждой французской лексеме, а с другой – выявление корпуса итальянских соответствий исследуемым французским глаголам. Полученный список уже на этом этапе является не списком переводных соответствий, а списком межъязыковых соответствий, т.е. на этом этапе выявлен корпус межъязыковых соответствий исследуемых лексем в итальянском языке.

Понятие межъязыкового соответствия является центральным понятием контрастивной лингвистики. Межъязыковое соответствие – это единицы двух языков, имеющие сходство в семном составе, которые могут быть поставлены друг другу в соответствие, независимо от того часто ли они используются для взаимного перевода или могут быть использованы для перевода лишь теоретически в некоторых специальных контекстах (Стернин 2004а:67). Основным предметом контрастивного анализа является контрастивная пара. Под контрастивной парой понимаются две лексические единицы сравниваемых языков, выступающие как межъязыковые соответствия (Стернин 2004а:25).

Таким образом, в результате проведенного исследования словарей были выделены следующие микрополя в итальянском языке:

1) в микрополе зрительного восприятия были включены 65 следующих глаголов: *vedere*, *abbagliare*, *acceccare*, *accorgersi*, *admirare*, *adocchiare*, *antivedere*, *apparire*, *apprezzare*, *avvertire*, *avvisare*, *badare*, *brillare*, *celare*, *guardare*, *intravedere*, *cancellare*, *concernare*, *considerare*, *contemplare*, *coprire*, *correggere*, *discernere*, *disparaitre*, *distinguere*, *effacer* (*s'effacer*), *esaminare*, *indicare*, *intravedere*, *ispezionare*, *mirare* (*mirarsi*), *mostrar* (*fare vedere*), *nascondere*, *notare*, *occhiare*, *occhieggiare*, *osservare*, *paragonare*, *percipere*, *prevedere*, *provare*, *raffigurare*, *rappresentare*, *ravvisare*, *riesaminare*, *riguardare*, *ripassare*, *rivedere*, *rivelare*, *sbirciare*, *sbilurciare*, *sbirciare*, *scrutare*, *scernere*, *segnare*, *scomparire*, *scoprire*, *scorgere*, *scrutare*, *sorvegliare*, *specchiarsi*, *spiare*, *squadrare*, *stravedere*, *studiare*; *velare*;

2) в микрополе слухового восприятия входят 8 глаголов: *sentire*, *assordare*, *ascoltare*, *intendere*; *stordire* (*оглушать*), *udire*, *discernere*, *distinguere*;

3) в микрополе осязания входят 20 глаголов: *toccare*, *accarezzare*, *attastare*, *branciare*, *brancolare*, *grattare*, *frugare*, *mantrugiare*, *maneggiare* (*pop*), *palpare*, *palpeggiare*, *pizzicare*, *provare*, *ritoccare*, *ripalpare*, *sentire*, *sfiurare*, *solleticare*, *tastare*, *tentare*;

4) микрополе обоняния объединяет 22 глагола: *annasare, annusare, appestare, assorbire, aspirare, aspirare, emanare, emettere, esalarer, deodorare, distinguere, fiutare, impuzzare impuzzire, inalare, inspirare, odorare, olezzare, produrre, profumare, puzzare, respirare, sentire (l'odore)*;

5) в микрополе глаголов вкусового восприятия входят 11 глаголов: *gustare, degustare, sentire, assaggiare, sagiare, sapere, assaporare, percepire, provare, pregustare, libare, sperimentare*.

В микрополе зрительного восприятия входит самое большое число глаголов, но анализ показал, номинативная дробность итальянских глаголов зрения выше, чем у французских, в микрополе зрительной перцепции в итальянском языке есть ряд глаголов, не имеющих переводных соответствий во французском языке. К таким глаголам относятся: *intravedere* 'видеть неясно', 'видеть мельком'; *occhiare (adocchiare)* 'рассматривать внимательно', 'разглядывать'; *palpeggiare* 'потрагивать', 'легонько прощупывать'; *ravvisare* 'узнавать, распознавать, замечать, усматривать'; *riesaminare* 'перезкзаменовывать, переоценивать'; *specchiarsi* 'смотреться в зеркало', *sbirciare* 'разглядывать исподтишка', *raffigurare* 'узнавать, изображать, представлять'.

В микрополе слухового восприятия не имеет переводных соответствий итальянский глагол *origliare* 'подслушивать', в микрополе вкусового восприятия – это итальянские глаголы *sbocconcellare* и его синоним *spilluzzicare* 'есть маленькими кусочками, неохотно пробуя' (НИРС).

Во французском языке большая номинативная дробность наблюдается у глаголов микрополя обоняния. Последнее связано, очевидно, с тем, что издавна культурная традиция Франции с вниманием относилась к запахам, что связано с производством духов, благовоний и т.п.

Контрастивное исследование занимается в силу своей специфики изучением типов лексических и фразеологических соответствий в двух языках и выявляет в этих соответствиях национальную специфику семантики. Национальная специфика семантики какой-либо лексической единицы – это ее отличие по значению от сходных по семантике единиц языка сравнения. Приведенные примеры мы относим к лексическим единицам с национальной спецификой. Национальная специфика значения единицы какого-либо языка, выявляется только при сопоставлении с другим языком и является таковой только по отношению к данному языку сравнения (Стернин 2004а:77).

При исследовании, как было сказано выше, анализу подвергаются как единица исходного французского языка, так и все соответствующие единицы языка сопоставления, т.е. итальянского языка. При этом в принципе каждой из вовлеченных в анализ единиц ЯС может соответствовать не только данная единица исходного языка, но и некоторые другие единицы этого же языка (Стернин 2004а:18) (см. табл.).

Исходный язык	Язык сопоставления
entendre	capire udire sentire
écouter	sentire ascoltare

Для контрастивного описания лексики существенным оказывается количество лексических единиц языка сопоставления, которые могут быть поставлены в соответствие исследуемой единице исходного языка. С этой формальной точки зрения выделяются:

1) линейные соответствия (1:1); единице исходного языка соответствует только одна единица языка сопоставления, например: *admirer* – *ammirare*; *apparaître* – *apparire*; *contempler* – *contemplare*; *distinguer* – *distinguere*; *palper* – *palpare*; *tâter* – *tastare*; *toucher* – *toccare* и др.;

2) векторные соответствия (1:N); единице исходного языка соответствует несколько единиц языка сопоставления, например: *apercevoir* – *scorgere*, *vedere*; *entendre* – *udire*, *sentire*, *capire*; *considérer* – *considerare*, *scutare*, *osservare*; *envisager* – *esaminare*, *considerare*; *observer* – *osservare*, *esaminare*; *se voir* – *vedersi*, *incontrarsi* и др.;

3) лакуны (1:0); единице исходного языка не соответствует ни одна единица языка сопоставления (Стернин 2004а:25-26).

Лакуна, как известно, это предельное проявление национальной специфики лексической единицы. Лакуны в ИЯ выявляются через сопоставление с единицами ЯС. Рассмотрим, к примеру, французский глагол fr. *lorgner* – ‘*regarder avec insistance*’ (Robert 1985). Во французском, фоновом языке *lorgner* присутствует в единстве звучания (лексемы) и значения (семемы). В итальянском языке данное слово отсутствует как единица лексической системы, т.е. в семантическом пространстве итальянского языка нет соответствующей семемы, представленной в конкретном семном составе лексемой французского языка, следовательно, это слово мы относим к лакуне.

В системе языка номинация осуществляется как словами, так и словосочетаниями (фразеосочетаниями – по терминологии М.М. Копыленко и З.Д. Поповой) разной степени устойчивости. Если принять положение о том, что лексическая система не противостоит фразеологической, а составляет вместе с ней единую лексико-фразеологическую систему языка (Копыленко, Попова 1978:31), то в этом случае слово и словосочетание могут считаться равноправными номинативными единицами лексико-фразеологической системы языка (Стернин 2004а:27). Слово в одном языке может соответствовать по семантике как слову, так и фразеосочетанию в другом, причем степень устойчивости фразеосочетания может быть различной. Поскольку контрастивный анализ проводится на уровне системы, то из числа словосочетаний, привлекаемых к сопоставлению, должны быть исключены сочетания свободные, неустойчивые, создавае-

мые только в речи. Устойчивые, регулярно воспроизводимые словосочетания могут выступать как межъязыковые соответствия лексем (Стернин 2004a:27). В исходном языке может существовать словосочетание, которое является основой контрастивной пары. Когда единицей ИЯ в межъязыковом сопоставлении является словосочетание, возможны следующие случаи:

1) словосочетание – слово: *écouter aux portes* – *origliare*; *regarder à la dérobée* – *sbirciare*;

2) словосочетание – словосочетание: *voir de ses propres yeux* – *vedere con i propri occhi*; *voir juste, claire* – *vedere bene, chiaro*; *regarder à la dérobée* – *guardare di sottocchi*.

В структурно-языковом оформлении единиц наблюдаются различия, но они, однако, не могут являться препятствием для семантико-функциональной эквивалентности сравниваемых единиц, тем более что эти различия часто обусловлены национальными особенностями языковых систем и действующими в них тенденциями.

Долгое время эквивалентность понималась как точность, полноценность или абсолютная равнозначность, тождественность формы и содержания единиц формы исходного языка и языка сопоставления. Эквивалентность определяет степень сохранения информации единиц ИЯ и языка сопоставления. Найти эквивалент означало дать аналог того или иного слова, словосочетания или предложения. В настоящее время большинство лингвистов приходят к выводу, что эквивалентность – это равноценность или адекватность исходного и переводного языков в смысле максимальной, содержательной, функциональной, экспрессивно-стилистической близости оригинала и перевода. Чтобы достичь эквивалентности необходимо найти такие способы перевода, которые бы обеспечили семантико-структурный параллелизм.

Изучением проблем межъязыковой эквивалентности занимается в основном лингвистическая семантика. В последние десятилетия к существующим теориям добавились новые направления, в итоге этой проблемой занимаются генеративная теория, теория семантических признаков, теория семантического поля и теория прототипов. Основополагающие идеи перечисленных направлений оказывают влияние на изучение этой проблемы и в настоящее время.

В теории перевода сформулированы различные определения для явления эквивалентности. Так, В.Н. Комиссаров считает, что эквивалентность определяет общность оригинала и перевода, связанную с особенностями языков, участвующих в процессе перевода. Он определил переводное соответствие как одну или несколько единиц плана выражения языка перевода, используемых для передачи содержания определенной единицы плана выражения ИЯ, и выделил три типа соответствий: постоянные, используемые переводчиками всегда или почти всегда, вариантные и окказиональные – нерегулярное, случайное использование единицы (Комиссаров 1973:161-169). В.С. Виноградов характеризует эквивалентность как сохранение относительного равенства содержательной,

смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе (Виноградов 1997:18). Разные авторы выделяют различные виды эквивалентности. Ю. Найда выделяет формальную и динамическую эквивалентность, А.Д. Швейцер различает семантическую и прагматическую эквивалентность (Швейцер 1988).

При отсутствии эквивалента единице текста оригинала в языке перевода возникают проблемные ситуации, в связи с чем при поиске эквивалента имплицитно подчеркивается расхождение между языками, а не сходство (Медникова 1985:7). Я.И. Рецкер утверждает, что эквивалентом можно считать постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста (Рецкер 1974:10).

Проф. И.А. Стернин, ставя вопрос о разграничении переводных соответствий и переводных эквивалентов, а также о разных степенях семантической эквивалентности разных соответствий, выделил переводные соответствия как межъязыковые соответствия. Под переводными соответствиями понимаются две единицы разных языков, отраженные в двуязычных словарях и регулярно используемые при переводе. Переводные соответствия, таким образом – это частный случай межъязыковых соответствий.

В результате дифференциации межъязыковых лексических соответствий в процессе контрастивного исследования выявляются, как правило, переводные эквиваленты – межъязыковые эквиваленты, максимально сходные по составу сем и обеспечивающие адекватный взаимный перевод в любых контекстах, а также близкие соответствия, приблизительные соответствия, допустимые соответствия (Стернин 2004а:67). Так, французская лексема *toiser* – '*regarder de haut en bas, avec un mépris ou avec un défi*' (Robert 1985) не имеет однословных эквивалентов в итальянском языке и передается в двуязычных французско-итальянских словарях фразеологизмом – '*squadrare (guardare) da capo a piedi*' (Garzanti 1988; DFI-IF), но итальянский фразеологизм передает лишь основное сигнификативное значение, не указывая на ярко выраженные эмоционально-оценочные коннотации. В этом случае мы можем констатировать национальную специфику семантики исследуемой французской лексемы и отнести к приблизительным соответствиям.

Полную картину контрастивного исследования глаголов зрительного восприятия в двух языках мы получаем после компонентного анализа семем контрастивных пар в сопоставляемых языках: вначале проводим компонентный анализ французских лексических единиц в рамках выделенных микрополей методом анализа словарных дефиниций, затем компонентный анализ единиц языка сопоставления также методом анализа словарных дефиниций. Таким образом материал исследования подвергается полному компонентному анализу, в результате чего семемы французских и итальянских лексем представляются в виде набора конкретных сем.

Исследование показало, что большинство глаголов восприятия как во французском, так и в итальянском языке – это многозначные глаголы. В обоих сравниваемых лексико-семантических полях многозначные лексемы способны развивать как денотативные, так и коннотативные значения, в обоих языках разные семемы одной и той же лексемы могут входить в различные микрополя ЛСП восприятия, а также входить в другие семантические поля.

Принцип поля позволяет выявить иерархическую организацию отдельных участков поля. Изучаемое поле глаголов восприятия представляет собой многомерное образование с четкой структурой, оно включает в себя несколько полей ограниченного размера (микрополей), соответствующих пяти видам чувственного восприятия – зрительного, слухового, вкусового, обонятельного и тактильного.

Латинские глаголы восприятия в новороманских языках прошли такой семантический путь развития, что строгой эквивалентности между ними не наблюдается, как по причине разнонаправленной полисемии, происходящей в основном за счет дивергентности и более бурного развития вторичных значений этих глаголов.

Зрительное восприятие занимает ведущее положение в системе восприятия, глаголы зрительного восприятия представляют собой наиболее многочисленную лексико-семантическую подгруппу. Номинативная дробность итальянских глаголов зрения выше, чем у французских. Во французском языке большая номинативная дробность наблюдается у глаголов микрополя обоняния.

Можно сделать вывод, что даже в таких близкородственных языках, как французский и итальянский, лексемы часто переводятся не аналогами, а различными вариантами, так как принимаются во внимание такие факторы, как коннотация, стилистическая окраска, особенности восприятия и многое другое.

В контрастивном сопоставлении отдельных языков ставятся и более частные задачи. Необходимым становится выявление фактов совпадения и различия не только на уровне лексико-грамматических систем сопоставляемых языков, но и их реального функционирования. Они служат целям выявления межъязыковых соответствий в практике преподавания и при переводе и поэтому нередко получают название прикладных контрастивных исследований.

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.

Виноградов В.С. Темпоральная (временная) стилизация как переводческий прием // Филологические науки. 1997. № 6. С. 54-59.

Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М., 1973.

Конецкая В.П. Введение в сопоставительную лексикологию германских языков. М., 1993.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1978.

Медникова Э.М. Теория перевода и сопоставительный анализ языков. М., 1985.

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 8-69.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. М., 1974.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. Воронеж, 2004а.

Стернин И.А. Сопоставительная и контрастивная лингвистика // Сопоставительные исследования. Воронеж, 2004б. С. 3-11.

Швейцер А.Д. Теория и перевод: статус, проблемы, аспекты. М., 1988.

Viberg A. The verbs of perception: A typological study // Explanations for language. Berlin: Mounin, 1983. P. 147-149.

DA – Dictionnaire analogique des mots par les idées, des idées par les mots / Ch. Marquet. P., 1971.

DS – Dictionnaire des synonymes / P. Macé, M. Guinard. P., 1984.

DFI-IF – Dictionnaire Français-Italien, Italien-Français / G. Picci. P., 2004.

DSC – Dizionario dei sinonimi e dei contrari. Istituto editoriale italiano. Milano, 1979.

DSLIF – Dictionnaire des synonymes de la langues française / P. Ripert. P., 1995.

Garzanti 1970 – Dizionario Garzanti della lingua italiana. Realizzato della redazione lessico. Milano, 1970.

Garzanti 1988 – Dictionnaire Garzanti Francese-Italiano, Italiano-Francese / Direzione da G. Cusatelli. Paris, 1988.

Robert 1992 – Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Le petit Robert. P., 1992.

Robert 1985 – Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / Entièrement revu et enrichi par A. Rey. P., 1985-1987. 9 v.

НИРС – Новый итальянско-русский словарь / Г.Ф. Зорько, Б.Н. Майзель, Н.А. Скворцова. М., 1995.

Л.В. Адонина

Ассоциативное поле *женщина* в русском языковом сознании: гендерный аспект

Концепт *женщина* является базовым концептом культуры, существующим и развивающимся в неразрывной связи с концептом *мужчина*, что обусловлено полярностью и тесной взаимосвязью мужского и женского

начала (дихотомия *мужской – женский*) в сознании русского человека. Данный концепт исследуется нами методом свободных ассоциаций, что позволяет исследовать взаимодействие языковых и энциклопедических знаний в контексте вырабатываемой в социуме системы значений, норм и оценок во взаимодействии с индивидуальным перцептивным, когнитивным и аффективным опытом (Залевская 1996:31).

В ходе свободного ассоциативного эксперимента было опрошено 3000 человек – жителей г. Анжеро-Судженска Кемеровской области, равное количество мужчин и женщин, принадлежащих к одной возрастной группе, имеющих одинаковое образование и социальное положение (35-42 лет, средне-специальное образование, рабочие), что обусловлено желанием сохранить чистоту эксперимента, исключив влияние факторов «возраст», «социальное положение», «образовательный уровень» на будущие результаты). В результате обработки результатов эксперимента были сформированы два ассоциативных поля стимула *женщина* – мужское и женское.

Мужское ассоциативное поле: красивая 207, мужчина 168, мать 101, красота 98, любимая 51, молодая 32, прекрасная 29, добрая 23, любовь 22, с ребенком 19, врач, девушка,, моя, русская 18, шикарная 17, баба 16, грех, жизнь 15, дом 13, мать моих детей 12, чужая, глупая 11, деловая 10, беззащитная, великолепная, дети, святое 9, в белом, восхитительная, доброта, домохозяйка, друг человека, жена, женственная, загадка, знакомая, красавица, это женщина 8, женственность, знойная, змея, коллега, кухня, легкомысленная, леди, люблю, надежность, семья 7, верность 6, героиня, женская логика, любовница, любящая, секс 5, мадам, Мадонна, милая, молодость, одинокая, Она, учительница, хозяйка, хранительница очага 4, очарование, понимание, порок, преданная, преданность, привлекательная, ребенок, ревнует, родная, роскошная 3, сексуальная, сильная, симпатичная, супруга, супружница, счастливая, счастье, тайна, тайны, тварь, темпераментная, тепло, учитель, цветок 2, агентство ОБДС (одна баба другой сказала), авоська, активная, актриса, англичанка, аромат, Афродита, баба как баба, бальзаковского возраста, без мужа, болтливая, бабьим умом сильна, бесплатный секс каждую ночь, блондинка, богиня, болтает лишнее, в возрасте, в неглиже, в платке, в черном, вежливая, везучая, великолепие, Венера, вечное, вечность, взрослая, вино, вкалывает, вкусная, влюбленность, вне конкуренции, волос длинный, ум короткий, высокая, гадюка, Гаргона, гармония, глаза, голая, гордость, горячая, грудастая, дама, Дашикова, дева, деликатная, длинноногая, директор, длинный язык, дочь, дура, дурочка, душа, Ева, Екатерина вторая, Елена Прекрасная, Елизавета, жаркая, забота, заботливая, загадочная, замужем, замужняя, землетрясение, зла, золото, идеальная, измена, изюминка, изящество, интеллект, интересная, исключительная, исчадие ада, их много, как картинка, капризная, картина, карьеристка, коварная, кокетка, кокетливая, кокетство, коня на скаку остановит, копуша, королева, которая поет, косметика, кошки,

красивые глаза, красotka, крики, кукла, кулинария, курица, ласка, ласковая, лебедь, лиса, лифчик, лицо женского пола, лицо, логика, львица, любить, медсестра, милашка, мудрость, на всю жизнь, надежда, наслаждение, наряды, независимость, непостоянство, нимфа, ноги, ноги от ушей, носить на руках, обаяние, обаятельная, обманищица, обольстительница, обнаженная, особь женского пола, парикмахерская, платье, платья, плач, плачет, плачущая, повар, повариха, подруга, подружка, покорность, покупает всякую дрянь, полная, помада, привлекательность, прическа, продажная, проститутка, простота, радость, разговоры, работающая, растрата, рестораны, робкая, родина, роза, роскошь, русалка, с крутыми бедрами, самостоятельная, самоуверенность, свет, секс-бомба, с крутыми бедрами, сердце, сестра, сила, скандал, склочная, склочность, скромность, слабость, слабая, смех, сноха, совет, сожигательница, соседка, сорока, сплетни, сплетницы, спортсменка, спутница жизни, статуя, стерва, стирает, стирка, стройная, странная, сука, сумка, терпеливая, терпение, транжирки, теща, тигра, трата денег, тратит деньги, убирает дом, убирает, уверенность, удача, удовлетворенная, удовольствие, уже не девушка, но еще не старуха, уже не девушка, украинский борец, ум, умная, упорство, ураган, уставшая, утонченность, уют в доме, уют, фея, фигура, фригидная, Хакамада, холодная, хитрость, хочу, хрупкая, хрусталь, худая, целовать, цыпочка, человек, человек женского пола, честность, чувственность, чуткость, чья-то мать, шоколад, элегантная, элегантность, это человек, но чуть-чуть похуже мужика, юбка, юная, юрист, я свою Наталию узнаю по талии, яблоко, язык без костей, яркая; 1500 испытуемых, 304 разных реакции.

Женское ассоциативное поле: мать 165, человек 153, мужчина 148, слабый пол 124, красивая 89, и мужчина 79, жена 68, с ребенком 54, я 30, русская в белом 23, деловая 19, которая поет 11, восхитительная, гордость, дети, Диана, жизнь, забота 9, верная, всегда в работе, глава семьи, доброта, красивая, кухня 8, дом, домохозяйка, забота о детях 7, заботится о других, заботливая, красота, ласковая, любит, мама 6, молодая, мудрая, одинокая, очаг, очаровательная, привлекательная, ребенок, роскошная, слабая, слезы, стирка 5, готовит, женственная, женщина в белом, стирает, убирает, умная, хозяйка, хозяйственная 4, без мужа, верность, глупая, уборка 3, бальзаковского возраста, болтливая, в возрасте, в черном, воспитатель, вся в делах, гуляющая, дама, добрая, домработница, легко обидеть, хорошая, хорошенечкая, человек, чувствительная, элегантная 2, авантюристка, авоська, активная, Алла Пугачева, бабушка, беззащитная, беременная, бойкая, в голубом, в красном, великолепная, веселая, вязание, гибкая, голубь, грациозность, грустная, деликатная, дивная, желание нравиться, женская логика, женственность, женщина, журнал «Работница», завистливая, загадка, загадочная, загнанная, замужем, замужняя, зарабатывает, зарабатывает больше мужиков, зарабатывает деньги, злая, зло, змея, знакомая, золовка, Зыкина, и власть, идеальная, изумительная, изящество,

интересная, исключительная, карьеристка, Клара Лучко, коварная, кокетка, кокетство, коллега, кольцо, коммуникабельность, корректная, косметика, кошка, красавица, кулинария, ладная, легкость, лиса, львица, любит читать романы, любящая, магазин, макияж, мастерица, материнство, мечтательность, милая, миленькая, миловидная, мир, мода, Монро, мужская логика, мягкая, Наташа Ростова, начальник, невезучая, невестка, нежная, нежность, несчастная, обаятельная, обидчивая, парикмахерская, пашет как лошадь, песня, платок, плачет, плачущая, подруга, преданность, предупредительная, привлекательность, приличная, приятельница, проворная, противница, психолог, пунктуальность, работает, работающая, разбитная, разведенка, разведенная, ранимая, раскрасавица, распутная, свекровка, свекровь, святая, сердечность, сестра, сильная, симпатичная, склочная, склочность, слабое сердце, сноха, соперница, сплетни, сплетница, сплетницы, спокойная, статная, стерва, страдание, странная, стройная, сука, сумка, сумки, счастливая, тактичная, Татьяна Ларина, темпераментная, тепло, терпеливая, трудолюбивая, трудолюбие, туфли на шпильках, убирает дом, украшение мужчины, улыбка, ум, умелая, уставшая, усталость, утонченность, ухоженная, учитель, учтивая, французженка, французские духи, хитрость, хозяйственная сумка, хранительница домашнего очага, хранительница очага, чувствительная душа, шикарная, шьет 1; 1493 испытуемых, 236 разных ассоциативных реакций, 7 отказов.

I. Анализ ядерных зон мужского и женского ассоциативных полей показывает их сходство, несмотря на отсутствие одинаковых по рангу слов-реакций. Ассоциат *мать* 101/105 при минимальной разнице коэффициента занимает в ранговой системе 3-е и 1-е места соответственно. Женщины самоидентифицируют себя как мать, так как для них важна ее репродуктивная функция; «...наиболее распространенная социальная роль женщины, закреплённая в обыденном сознании – это мать» (Уфимцева 1996:152- 153).

Красивая 207/89 – 1-е и 5-е места. В ядре мужского поля присутствует также ассоциат *красота* 98 (4-е место), что подтверждает особенность восприятия женщин мужчинами.

«Русский ассоциативный словарь» обнаруживает высокую встречаемость реакции *красивая* на стимул «Женщина» у испытуемых обоего пола. Словарь же В. Даля отражает значимость красоты главным образом для юной девушки на выданье (Кирилина 1999:139).

Мужчина 168/148 – 2-е и 3-е места; в женском ассоциативном поле присутствует слово-реакция *и мужчина* 79, что основано на полярности восприятия полов в языковом сознании.

В целом, данные проведенного нами ассоциативного эксперимента подтверждают выводы Е.Ф. Тарасова о том, что для слова-стимула «женщина» тремя наиболее частотными ассоциациями являются *мужчина*, *красивая* и *мать*, составляющие «более 32% всех ответов» и «объясняющиеся в первую очередь общностью присвоенной национальной

культуры» (Ментальность россиян 1997:262).

Анализ ядерных зон мужского и женского ассоциативных полей показывает и существенные различия в гендерном ассоциировании.

В ядерной зоне мужского поля доминирует психо-эмоциональный аспект: *любимая* 51, *любовь* 22; возрастной аспект представлен словом *молодая* 32; характерологический – *добрая* 23; *прекрасная* 29 – отношения в ряду подобных.

В ядерной зоне женского ассоциативного поля второе место по значимости занимает реакция *человек* 153 (в противовес утверждению мужчин: курица не птица, баба не человек), что связано с направленностью самоидентификации на признание вхождения женщины в человеческий социум, род. Реакция *слабый пол* 124 – 4-е место в ранговой системе – акцентирует самоидентификацию женщины по половой принадлежности, ассоциаты *жена* 68, *с ребенком* 54 – на важность собственной роли в семье.

II. Анализ периферийной части мужского и женского ассоциативных полей.

1. Анализ ассоциативного поля показал, что самым объемным, доминирующим над другими является **межчастеречное поле «Внешние характеристики человека»**. В данном поле наиболее представленным по количеству конституентов является семантическое поле «внешность». В наших исследованиях мы можем наблюдать преобладание в ассоциативном поле реакций ориентированности личности на внешнюю оценку, на признание другими, что в первую очередь находит отражение в самосознании женщины, пронизывая «базовые смысловые структуры личности женщины, влияя и на ее отношение к себе» (Визгина, Пантеев 2001:99).

В мужском и женском ассоциативных полях широко представлены реакции, отражающие особенность, неповторимость внешнего вида женщин. «Женщина должна быть красивой. Все носители культурной мудрости, начиная с царя Соломона, сходятся на этом: женщины должны быть прекрасными. Благоговение перед женской красотой питает романтизм, дает ему энергию и оправдание. Красота трансформировала в сей золотой идеал. Красота является абстрактным объектом обожания. Женщина должна быть красивой, женщина есть сама красота» (Дворкин 2000:25). А.П. Мартынюк отмечает, что большинство слов, положительно оценивающих женщину, относятся к семантической зоне «Внешность» и только некоторые к «Дееспособности». В мужском ассоциативном поле доминирует восприятие женщины как источника прекрасного: актуализируются признаки `красивая, привлекательная`, `возбуждающая интерес` – *красивая* 207, *красота* 98, *красавица* 8, *милая* 4, *привлекательная* 3, *симпатичная* 2, *интересная*, *обаятельная*, *изящество* 1 (мужское поле), *красивая* 89, *красива* 8, *красота* 6, *привлекательная* 5, *хорошенькая* 2, *симпатичная*, *интересная*, *обаятельная*, *милая*, *миленькая*, *миловидная*, *красавица*, *раскрасавица*, *привлекательность* 1 (женское поле). Признаки `лучшая в ряду подобных`, `выделяющаяся среди других`, `очень красивая,

хорошая`, `роскошная по внешности` – *прекрасная* 29, *шикарная* 17, *великолепная* 9, *восхитительная* 8, *роскошная* 3, *исключительная*, *яркая*, *великолепие* 1 (мужское поле), *восхитительная* 9, *роскошная* 5, *шикарная*, *исключительная*, *великолепная*, *изумительная*, *дивная* 1 (женское поле) представлены в мужском и в женском ассоциативных полях.

В мужском ассоциативном поле представлены реакции, отражающие восприятие женщины как прекрасного, `доставляющего наслаждение взору, как существа, приятного внешнего вида` – *красотка* 1 `миловидная молодая женщина`, *милашка* 1 `милая, симпатичная`, *картина* 1, как *картинка* 1 `об очень привлекательной, красивой, нарядной женщине`. В женщине ценятся изысканность, изящность и утонченность – *элегантность*, *элегантная* 1 (мужское поле), *элегантная* 2, *изящество* 1. В данное семантическое поле, на наш взгляд, входят и реакции – *женственная* 8/4, представленные признаком `с качествами, свойствами женщины, мягкая, нежная, изящная`. В женщине ценится не только внешняя красота, но и внутренняя гармоничность – *очарование* 3 `чарующая сила, прелесть`, *обаяние* 1 `очарование, притягательная сила`.

Однако в количественном плане мужское поле более значительно по объему – 38 реакций (5 ассоциатов) по сравнению с женским – 19 реакций (7 ассоциатов).

Мужское ассоциативное поле отражает не только общее восприятие женщины, но и внимание к деталям женского облика, прическе – *прическа* 1. Данная реакция единична, однако отношение к прическе как главному атрибуту женской красоты в российском обществе имеет глубокие корни и стойкую тенденцию. «Волосы – главное украшение любой девушки или женщины» (Снегирева 1999:8).

Женщины видят представительниц слабого пола в непосредственной близости с мужчиной и считают их украшением мужчин – *украшение мужчины* 1 `о том, кто является лучшим среди других, гордостью`.

Семантическое поле «атрибуты ухода за собой» репрезентирует женщину как постоянно следящую за своим внешним видом. Для мужчин она ассоциируется с *ароматом* 1 `душистый, приятный` и, как ни странно, *помадой* 1 `косметическое средство – душистая мазь`.

В женском ассоциативном поле зафиксированы ассоциаты *французские духи*, *макияж*, *мода* 1.

Реакции *косметика* и *парикмахерская* с одинаковыми единичными коэффициентами встречаются в обеих группах респондентов.

Семантическое поле «элементы одежды; наличие/отсутствие» представлено в основном мужским ассоциативным полем – *платье*, *платья*, *юбка*, *в платке*, *наряды*, *лифчик* 1 (мужское поле), *платок*, *туфли на шпильках* 1 (женское ассоциативное поле), *в белом* 23, *голубом*, *в красном* 1 (мужское поле), *в белом* 8, *в черном* 2 (женское ассоциативное поле). Только в мужском ассоциативном поле представлены ассоциаты *голая*, *обнаженная*, *в negligee*, *обнаженная* 1.

2. Межчастеречная группа «части тела, телосложение». Семантическое поле «фигура» характеризует женщину с позиции внешнего облика: *худая, статная, полная* 1 (мужское поле). Примечательно, что *фигура* 1 женщины волнует более всего мужчину. Именно в мужском ассоциативном поле присутствуют реакции: *я свою Наталию узнаю по талии, с крутыми бедрами, грудастая, ноги, ноги от ушей* 1, *длинноногая* 1.

Реакция *стройная* 1/1 присутствует с одинаковыми показателями в обеих группах респондентов с одинаковыми показателями.

Семантическое поле «рост» выявляется только в мужском поле – *высокая* 1.

3. Межчастеречное поле «Психоэмоциональное состояние». Общепринято, что традиционно женские качества – «склонность к концентрации на чувствах, проявление эмоций (экспрессивность), стремление разделить их с другими» (Визгина, Пантеев 2001:91). Этим обусловлено наличие большого количества реакций, входящих в данное поле.

Семантическое поле включает ассоциаты *счастье* 2, *счастливая* 2, *радость* 1 (мужское поле) и *счастливая, несчастная, грустная, везучая, удача, страдание* 1 (женское поле).

В данное семантическое поле, на наш взгляд, входят также реакции, показывающие «расположение к смеху, выражающее привет, удовольствие или насмешку и другие чувства» – *улыбка* 1 (женское поле), так как «для женщины улыбка – это первое оружие... Потому что она представляет собой импульс, который действует молниеносно» (Снегирева 1999:27).

Ассоциаты демонстрируют повышенную экспрессивность женщины: *слезы* 5, *плач, нежность, скандал* 1, что нашло отражение в мужском поле.

В женском поле отмечено умение сочувствовать другому и отзывчивость: *ранимая, обидчивая, чувствительная душа* 1 (женское поле).

4. Межчастеречная группа «единение». Семантическое поле «внешние атрибуты единства» представлено в женском ассоциативном поле – *кольцо* 1. Основу семантического поля «брачно-семейные отношения» составляет признак *с ребенком* 19/54. Индексы ассоциатов свидетельствуют о том, что данные понятия близки обоим группам респондентов. Однако в ассоциативном поле женщин данная реакция является ядерной, тогда как в мужском ассоциативном поле она относится к околоядерной зоне, что свидетельствует о том, что для женщины данный факт является более значимым.

В мужском и женском ассоциативных полях присутствуют уточнения *дети* 9, *ребенок* 3 (мужское поле), *дети* 9, *ребенок* 5 (женское поле). Реакции *сестра, невестка* входят в крайнюю периферию в мужском и женском ассоциативном поле и имеют индекс 1. Многочисленные реакции, указывающие на степень родства – *невестка, золовка, бабушка, свекровка, свекровь* 1, входящие в женское ассоциативное поле, – свидетельствуют о том, что женщины более внимательны к родственным связям, чем мужчины.

Особую группу в данном семантическом поле составляют реакции, характеризующие официальные или неофициальные отношения. Мужской вариант: *жена* 8, *любовница* 5, *сожительница* 1 (мужское поле), *жена* 68; *супруга, супружница* 2 (женское поле). Примечательно, что в мужском поле наряду с официальными отношениями, в которых состоит женщина, отражены и неофициальные отношения.

«Конечно, самой серьезной проблемой, формирующей социальное одиночество женщин, является разрушение брачного союза, с одной стороны, и нарушение семейных связей в целом, как с родителями, так и с детьми, с другой. Распространенной демографической «характеристикой женщины» является формальное одиночество, обусловленное потерей мужа (развод или смерть), детей (уход из дома или дистанцирование), а также родителей» (Герасимова 2000:223). В ходе нашего опроса были получены реакции: *одинокая* 4, *без мужа, замужняя* 1 (мужское поле), *одинокая* 5, *без мужа* 3, *замужняя, разведенка, разведенная* 1 (женское поле).

Примечательно, что именно в мужском ассоциативном поле присутствует ассоциат *семья* 7.

Таким образом, семантическое поле «брачно-семейные отношения» отражают важность для мужчин и женщин кровного родства, совместности проживания в семье.

Семантическое поле «наименование лиц по половому признаку». И в женское и в мужское ассоциативные поля входят слова-реакции *мужчина* 168/148 `лицо, противоположное женщине по полу`. Наличие данных реакций обусловлено полярностью восприятия полов. «Мужчины и женщины – два основных человеческих типа и отношения между ними необходимо рассматривать как базовую модель человеческих отношений» (Рыков 2001:18).

Реакции, именующие лиц по половому признаку, показывают отличие гендерного восприятие собственного и противоположного пола. Например, мужское ассоциативное поле – *девушка, баба* 16, *это женщина* 8, *баба как баба, особь женского пола, леди* 7, *мадам* 4, *дева, дама* 1. Женское ассоциативное поле – *слабый пол* 124, *дама* 2. В данное поле входит также ассоциат *я* 30 (женское поле), служащее для обозначения говорящим самого себя.

5. Межчастеречная группа «бытие».

Семантическое поле «существование» в основном представлено мужским ассоциативным полем: *вечное, вечность, на всю жизнь* 1. В мужском и женском ассоциативном поле присутствует реакция *жизнь* 15/9.

Семантическое поле «профессиональная и трудовая деятельность». Деловая женщина у нас далеко не общественный идеал. Большинство считает, что место женщины – у семейного очага. Сами женщины обычно не делают ставку на свое продвижение по служебной лестнице. В ходе проведенного нами эксперимента, мы обнаружили, что мужчина чаще

воспринимает женщину как «товарища по учению или работе» – *коллега* 7/1. Исследователи часто связывают это с навязывающимся в течение многих десятилетий в советской пропаганде образа женщины «маскулинного типа», «соратницы по борьбе», ни в чем не уступающей, а зачастую и перегоняющей мужчину во всех традиционно мужских сферах деятельности» (Брандт 2000:10). В полученных нами ассоциативных полях единичны ассоциации женщины с должностным лицом, руководителем предприятия, учреждения или учебного заведения: *начальник* 1 (мужское поле), *директор* 1 (женское поле), как единичны и реакции *юрист* 1 *спортсменка* 1, *психолог* 1 (женское поле).

Реакции *врач* 18, *учительница* 4, *учитель* 2, *медсестра*, *повар* 1 отражают закрепленные в сознании русского мужчины стереотипы, согласно которым преподавание в школах, работа медицинского персонала в лечебных учреждениях, работа по приготовлению пищи является женской; в женском ассоциативном поле данная идентификация единична: *учитель* 1. Женщина также ассоциирует себя с воспитанием детей, домашней работой: *воспитатель* 2, *домработница* 2; *повариха* 1. Семантическое поле «социальные отношения» в мужском ассоциативном поле представлено ассоциатами *подруга*, *подружка* 1; в женском – *подруга*, *приятельница*, *соседка* 1.

«Исключительную роль в формировании "женского" типа характера играет ориентация женщин на межличностное общение и связанное с этим стремление обратить на себя внимание, понравиться. По сравнению с мужчинами, поведение которых в большей степени регулируется социальными нормами, у женщин ценностью является сама по себе способность к общению» (Визгина, Пантеев 2001:98). Дж. Мак Ки и А. Шеррифс еще в 1957 г. отмечали, что типично женский образ включает социальные и коммуникативные умения и теплоту и эмоциональную поддержку.

Семантическое поле «межличностные отношения» во многом подтверждает данные высказывания. В мужском ассоциативном поле на слово-стимул «женщина» представлены реакции: *любимая* 51, *понимание* 3 *душа*, *ласка*, *сердце*, *уверенность*, *надежда*.

В женском ассоциативном поле возникают реакции, характеризующие задушевность, искренность, сердечность, внимание, попечение, уход – *забота* 9, *доброта* 8, *хорошая* 2, *предупредительная*, *мягкая*, *нежная*, *мир*, *коммуникабельность*, *спокойная* 1.

И в мужском, и в женском ассоциативных полях присутствуют ассоциаты *тепло* 2/1, *заботливая* 1/6, *ласковая* 1/6, *любящая* 1/1, *загадочная* 1/1, *верность* 6/3, *терпеливая* 1/1, *добрая* 23/2, *злая* 1/1.

Семантическое поле «человеческий род». В женском ассоциативном поле самоидентификация направлена на признание вхождения женщины в человеческий социум, род: *человек* 153, *большой человек* 2, в мужском поле наблюдается иная картина – *друг человека* 8, только в крайней периферии видим признание женщины человеком: *человек* 1.

Семантическое поле «национальная принадлежность» фиксирует принадлежность к какому-либо народу, языку, национальному характеру, образу жизни, культуре: *русская* 18/28. В обоих ассоциативных полях реакции входят в околоядерную зону, что подчеркивает важность осознания женской принадлежности к какой-либо нации. Наряду с данными реакциями в полях присутствует и единичные реакции – *англичанка* 1 (мужское поле); *французженка* 1 (женское поле).

Семантическое поле «отдых, времяпрепровождение» представлено в мужском ассоциативном поле – *рестораны* 1. Семантическое поле «хобби» отражает типично женское рукоделие *вязание* 1 (плести руками, крючком, спицами или на машине из какого-нибудь материала).

Отдельно можно выделить семантическое поле «интеллектуальные качества», которое широко представлено в мужском ассоциативном поле: *логика, интеллект, мудрость, бабьим умом сильна, волос длинный, ум короткий, дура, дурочка* 1.

В женском ассоциативном поле отражен несколько иной взгляд на женский интеллект и логику: *мудрая* 5, *мужская логика* 1.

Есть и согласующиеся, хотя и различающиеся по частотности реакции: *ум* 1/1, *умная* 1/4, *женская логика* 5/1.

6. Межчастеречная группа «жилище». Семантическое поле «помещение; дом и его части» представлено в двух полях компонентами *дом* 13/7, *кухня* 7/8. В сознании мужчин и женщин женщина ассоциируется с домом, тогда как себя мужчины видят вне дома. В женском поле встречается также экспонент *очаг* 5 `родной дом, семья`.

Семантическое поле «предметы домашнего обихода» представлена как мужским, так и женским вариантом *авоська, сумка* 1 (мужское ассоциативное поле), *авоська, хозяйственная сумка, сумка, сумки* 1 (женское ассоциативное поле).

Периферийное семантическое поле «отношение к деньгам» шире представлено мужским вариантом. Это обусловлено тем, что женщина выступает в мужском ассоциативном сознании не в роли добытчика, а в роли *транжирки, растратой* 1.

Единичной является реакция, отражающая мужской философский взгляд на женщину как на олицетворение России – *родина*. «Женщина и Россия – эти понятия, очевидно, связывает не только принадлежность к одному роду» (Брандт 2000:8).

Анализ ассоциативных полей на слово-стимул «женщина» позволит в дальнейшем выявить и описать психолингвистическое (психологически реальное) значение слова *женщина* в русском языковом сознании, описать с помощью методики когнитивной интерпретации результатов структуру и содержание концепта *женщина* как ментальной единицы в русском когнитивном сознании, а также достоверно описать гендерную специфику как психологически реального значения, так и концепта.

Брандт Г.А. Природа женщины. Екатеринбург, 2000.

Визгина А.В., Пантеев С.Р. Проявление личностных особенностей в самоописаниях мужчин и женщин // Вопросы психологии. №3, 2001. С. 91-100.

Герасимова Т. «Другим голосом»: в поисках утраченной истории // Гендерные исследования. №4 (1/2000): Харьковский центр гендерных исследований, 2000. С. 227-246.

Дворкин А. Геноцид, или китайское битование ног // Антология гендерных исследований. Сб. пер. Мн., 2000. С. 7-29.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.

Рыков С.Л. Гендерные исследования в педагогике // Педагогика. №7. 2001. С. 17-22.

Снегирева А. Между нами девочками: Первая любовь. М., 1999.

Р.Д. Сетаров

Фитонимическая фразеология и паремии в славянских, германских, романских и тюркских языках

Анализ ботанической номенклатуры в русском языке и ее сравнение с другими языками позволили нам прийти к заключению, что в каждом языке в основе многих фразеологических единиц лежат слова, обозначающие названия окружающего человека мира: растений, животных, птиц, явлений природы и т.д. Действительно, фразеологизмы могут многое рассказать о типичных представителях флоры и фауны в той или иной стране.

Однако нас в предпринятом исследовании интересует проблема национальной специфики и национальной общности в семантике фразеологических единиц: насколько универсальны механизмы образования фразеологических единиц в языках мира и насколько можно говорить об их национальной специфике?

Данную проблему мы исследуем на материале фитонимической номинации в славянских, германских, романских и тюркских языках.

Исследование показывает, что во многих европейских языках широко распространены устойчивые выражения с фитонимом *дерево*. *Wie der Baum, so die Frucht* — немецкая пословица, включающая в себя два фитонима: *фрукт* (*die Frucht*) и *дерево* (*der Baum*), букв. “каково дерево, таков и фрукт (плод)”, что равноценно русской пословице *яблоко от яблони недалеко падает*. Пословицу с тем же значением находим в кумыкском языке *терекни емиши туюбуне туюшер* букв. “плод далеко от дерева не упадет” (где *терек* — “дерево”, *емиш* — “плод”).

Родословная таблица в виде дерева называется в русском языке *родословное дерево*; в немецком *der Stammbaum* “родословное дерево”; в польском *drzewo genealogiczne (rodowe)* “генеалогическое (родословное) дерево” и т.д.

Выражение *пожинать лавры* – “получить признание своих заслуг, достижений, результатов труда” встречается в ряде языков: в польском – 1. *zbierać (zdobywać) laury* “собирать, добывать, завоевывать, приобретать лавры”, 2. *zdobyć laury* “завоевать, захватить, взять, добыть, стяжать лавры”; в литовском *(nu)skinti laurus* “пожинать, пожать лавры”; немецкое *Lorbeeren ernten (pflücken)* “пожинать, срывать, собирать лавры”; в итальянском *lauro* “лавр” имеет переносное значение “лавры чемпиона, чемпионский титул”.

Выражение *пролить целительный, целебный бальзам* на что-либо (обычно иронич.) “успокоить, утешить” есть в польском – *saczyć balsam w serce* “лить бальзам на сердце”, *balsam gojący* “целительный бальзам”; в чешском *balzam slov* “целительный бальзам слов”.

Дерево рода тополей *осина* имеет листья на очень нежном и тонком черенке, которые при малейшем ветре начинают трепетать, дрожать. Отсюда выражение *дрожать (или трепетать) как осиновый лист* – в переносном значении “чего-то сильно бояться, трястись от страха. Подобное выражение находим в немецком *wie Espenlaub zittern* “дрожать, как осиновый лист”, в турецком *titremek* “дрожать” тесно связано с *titrek kavak* “осина”.

Русское выражение *показывать, показать фигу, фигу с маслом* (просторечное) имеет значение “ничего, совсем ничего не получать, давать и т.п.”; польское *figa z makiem (z pasternakiem)* букв. “фига с маком (с пастернаком)” в значении “фига (кукиш) с маслом; ничего, совсем ничего”; в литовском *kukį su snukių* “фига с маслом” (букв. “фига с рожей”); в немецком *j-m die Feige zeigen* (груб.) “кому-либо показать фигу” в значении “ничего не сделать”. *Держать фигу в кармане* – “отрицательно относиться к чему-либо, но не иметь возможности высказать свое отношение открыто, публично”. *Москва – Воронеж, фиг догонишь (а догонишь – фиг поймаешь)* – выражение уверенности в том, что собеседник говорящего не догонит или не поймает, не сможет наказать. *Глядеть (смотреть) в книгу и видеть фигу* “ничего, совершенно ничего не понимать”. *Съесть фигу* – “потерпеть неудачу, не получить желаемого”.

Русское выражение *как в темном лесу* имеет значение “в полном неведении, не понимая, не разбираясь, не ориентируясь”. В казахском *ормандагыдай* (букв. “как в лесу”) “о чем-то незнакомом и непонятном”. О неслаженных, несогласованных действиях, обычно в пении, игре на музыкальных инструментах говорят: *кто в лес, кто по дрова*.

В казахском *біреу орманга биеру отынга* “где лес, там и волки”, что соответствует русскому *волков бояться – в лес не ходить*, так говорится, чтобы подбодрить себя или кого-то, когда решаются на дело, связанное с риском. Такую же пословицу находим и в киргизском: *карышкырдан*

корккон – токойго барбайт “волков бояться – в лес не ходить” (где *токой* – “лес”); в казахском *касқырдан корыккан – орманга бармас* “волков бояться – в лес не ходить” (где *орман* – “лес”). В таджикском *беша бе шеру дарье бе михй намешавад* “не бывает леса без льва и реки без рыбы” (где *беша* – “лес”) в значении, что если бояться трудностей или опасных последствий, то не стоит начинать какое-либо дело; в кумыкском *орман шийксиз болмас* “там, где лес, там и волки” (где *орман* – “лес”).

Русское выражение *из-за деревьев леса не видно* имеет немецкое соответствие *den Wald vor lauter Bäumen nicht sehen* в значении “не видеть за мелочами чего-то более крупного”; русская пословица *чем дальше в лес, тем больше дров* имеет значение “чем дальше развиваются события, тем больше возникает трудностей, неожиданностей, осложнений, из которых нелегко найти выход”. Аналогов русской пословицы *лес рубят – щепки летят* в других языках найдено не было. “В большом деле не бывает без ошибок, недостатков, жертв” – так толкуется данная пословица.

Дубина стоеросовая – очень глупый, человек, тупица, болван, дурак. Другое выражение для характеристики тупого, бестолкового человека – *дубовая голова*. В турецком *meşe odunu* – “дубовая голова, башка” (букв. “дуб тупой”); чешское *jako když mluviš do dubu* – “говорить со стенкой, как об стенку горох” (букв. “говорить как с дубом”). Выражение *дать (давать) дуба* в русском языке имеет значение “умирать”; в украинском *дуба дати* имеет то же значение “окочуриться, протянуть ноги”; *dać dęba* (в польск.) имеет значение “удрать, дать тягу” (букв. “дать дуба”).

Образ *дуба* в немецком языке – это символ силы и могущества – послужил основой для ряда сравнений: *er stand fest wie eine Eiche* (букв. “он стоял прочно, как дуб”); *er war stark wie eine Eiche* (букв. “он был сильный, как дуб”, где *Eiche* – “дуб”). О крепком, здоровом человеке в польском языке мы находим сравнение *chłop jak dąb* (букв. “парень, как дуб”), в итальянском *quercia* “дуб” имеет переносное значение “здоровяк”.

Про одичавшего, опустившегося человека говорят *мохом оброс*. Мохом обрасти (или зарости, покрыться) – значит одичать, отстать от жизни. Это выражение встречается в чешском *roste na něm mech, obrůsta mechen* (букв. “растет на нем мох, оброс мохом”) в значении “отстал от жизни”; однако в польском мы находим *mech pod nosem* (букв. “пушок под носом”) “пушок над верхней губой” (где *mech* – “мох, пушок”). Несколько другой оттенок имеет выражение *поросло мохом* – означает оно “забылось, ушло в прошлое”.

При совершенно безразличном отношении кого-либо к чему-либо можно услышать в русском языке выражение *хоть трава не расти*; в казахском *шоп оспесе де мейлі* “хоть трава не расти”; украинское *про мене хоч трава не рости* “по мне хоть трава не расти” продолжает тему полного безразличия к чему-либо.

Латинское изречение утверждает: *mala herba cito crecscit* “сорная трава быстро растет” в значении “дурное с легкостью пробивает себе дорогу”, о том же в немецком *Unkraut vergeht nicht* (букв. “сорная трава не пропадет”)

в значении “худое споро не вырвешь скоро”, а в русском языке пословица предлагает сорную траву удалять: *худая трава из поля вон* – говорится о решимости избавиться от того, кого считают вредным или бесполезным для коллектива, общества; казахское *арамшон атыздан аулак* “худая трава из поля вон” с тем же значением; то же в немецком *Unkraut muß man mit der Wurzel ausreißen* “худую траву с корнем нужно вырывать”. *Тише воды, ниже травы* – говорят о чрезвычайно скромном, незаметном, тихом человеке. *Травой поросло* – то же, что “быльем поросло” – “окончательно, совсем забыто”. В польском *svetska (všechna) slava polni trawa* – “мирская слава недолговечна” (букв. “мирская слава полна травы”); в чешском *kam šlapne, tam sedm let trava neroste* – “за что ни возьмется, все испортит (букв. “куда ступит, там семь лет трава не растет”).

О слишком недоверчивых или очень чутких людях чехи говорят: *slyši travu růst* “слышать, как трава растет”; в польском: *piszczy, widzieć (słyszeć) jak trawa rośnie* “видеть (слышать), как трава растет” в значении “знать, откуда ветер дует”; в немецком *er hört das Gras wachsen* “он слышит, как трава растет”. И совершенно необычна поговорка с фитонимом *трава* о болтунах и бездельниках в таджикском языке: *аз болои шутур алаф медаравад* букв. “сидя на верблюде, траву жнет” (где *алаф* – “трава”). О сумятице, неразберихе, беспорядке по-немецки говорят: *durcheinander, wie Kraut und Rüben* “вперемежку, как трава и репа”.

Устаревшее выражение *крапивное семя*, включающее в себя фитоним *крапива*, было презрительным прозвищем подьячих и приказных, а затем – чиновников-взяточников. Отражая особенность этого растения (способность кусаться, жечь), в польском языке есть выражение *(u)cieszyć się jak goły (nagi) w pokrzywach* (букв. “сесть голым /обнаженным/ в крапиву”, где *pokrzywa* – крапива), что означает “испытывать (испытать) сомнительное удовольствие”. Перекликается с польским фразеологизм в немецком языке *sich in die Nesseln setzen (die Nessel – крапива)* “сесть в лужу, попасть в неприятное положение, нажить себе неприятность” (букв. “сесть в крапиву”). О том, что крапива – неприхотливое, сорное растение, в чешском языке есть выражение *mraz kopřivu nespálí (kopřiva – крапива)* со значением “ему все нипочем, ничего с ним не случится” (букв. “мороз крапиву не спалит”). О стойкости этого растения есть поговорка в сербском и хорватском *неће гром у коприве* (букв. “не бьет гром в крапиву”) – эквивалент русскому *не всякий гром бьет, а и бьет, да не про нас*.

Из многочисленных фразеологизмов в русском, польском, украинском и др. языках, связанных с горькой приправой, приготовленной из растения *хрен*, отметим наиболее употребительную поговорку о хрене в русском языке *хрен редьки не слаще* “о ком-либо, чем-либо, одинаково не удовлетворяющем, не подходящем”. Хрен – травянистое растение семейства крестоцветных с корнем, содержащим эфирное масло, идущим в пищу в качестве приправы. *Тертый хрен. Говядина под хреном. Старый хрен* – бранное выражение о старике, старом человеке. *На кой хрен* – “на кой

черт”, *хреновый* (грубое, пренебр.) – очень плохой. *Хрен в пятку (в голову)* – выражение удивления, восхищения, возмущения, негодования. *Хрен (его) знает* – “неизвестно, никто не знает”. *Хрен с ним (с тобой)* – “пусть будет так, можно обойтись без кого-либо или без чего-либо”. *Какого хрена* – “почему, отчего”. *Ни хрена* – “совершенно, совсем ничего (не понимать, не иметь и т.п.)”. *До хрена* – “очень много, в большом количестве, в избытке кого-либо или что-либо”. Подобные фразеологизмы с названием этого овоща находим в других языках: укр. *хрін його знає* – “черт его знает”, *до хріна* – “до черта, очень много”, *старий хрін* – “старый (лысый) черт; польск. *do chrzany* – “к черту, до черта, не годится”.

Название одной из самых распространенных овощных культур часто встречается в русской фразеологии: *картошка в мундире* – неочищенный картофель, картофель в кожуре; *нос картошкой* – о широком носе, похожем на картофелину; *не картошка* (шутливое выражение) – “не пустяк, не шутка”, аналогичное значение фитонима в немецком языке *es sind kleine Kartoffeln* (букв. “это мелкая картошка”) в значении “мелочь, мелочи”. О том, что блюда из картофеля обычны на столе жителя Германии, говорит ироническое выражение *jeden Tag Kartoffelsuppe* со значением “каждый день одно и то же” (букв. “каждый день картофельный суп”).

Народное название некоторых растений с мясистыми листьями – *заячья капуста*, вид водорослей, используемых в пищу и для лечебных целей – *морская капуста*, в нем. *die Seekohl* “морская капуста”. В польском *groch z kapustą* (букв. “горох с капустой”) означает “кавардак, неразбериха, мешанина”. До появления картофеля ведущей огородной культурой в быту немцев была *капуста*. В современном немецком языке есть целая группа фразеологизмов со стержневым компонентом *Kohl*, например: *aufgewärmter Kohl* (букв. “подогретая капуста”) “старая история, старая песня” (разг., пренебр.). *Den alten Kohl wieder aufwärmen* (букв. “подогревать старую капусту”) “затянуть старую песню, начать все сначала” (разг.). *Das macht den Kohl nicht fett* (букв. “это не делает капусту жирной”) “это не спасет положения, от этого мало толку” (разг.). *Seinen Kohl bauen* (букв. “разводить капусту”) “отойти от дел, скромно жить в уединении” (разг.). *Kohl machen* “делать глупость (или глупости)” (разг.); *Kohl reden* (букв. “говорить капусту”) “городить (пороть) чепуху” (разг.); *Unser Kohl schmeckt wohl* – соответствует русской пословице “всяк кулик свое болото хвалит” (букв. “наша капуста очень вкусная”). Народная пословица гласит: *guter Kohl, schlechtes Heu* (букв. “хорошая капуста, плохое сено”) – для хорошего урожая капусты нужны дожди, но в то же время частые дожди пагубны для сена.

Квашеная капуста издревле считалась у немцев целебным средством. По поверью тот, кто съест кислую капусту на Новый год, будет весь год здоровым. Когда хотят кому-либо пожелать счастья, говорят: *leb wohl, iß Kohl* (букв. “живи хорошо, ешь капусту”). *Изрубить в капусту* “на мелкие куски, части, как обычно рубят капусту”; в литовском *kaip kopustus kirsti*

“как капусту изрубить”; в польском *posiekać* (*porąbać*) na *kapustę* (букв. “изрубить в капусту”). *Капусту рубить* (*косить, копать, стричь*) – “зарабатывать валюту”. *Не в капусте подобран (найден)* – “не хуже других в каком-либо отношении, такой, как все”.

Наряду со случаями совпадения или пересечения устойчивых выражений в каждой стране есть свои национальные особенности растительного и животного мира, а также ландшафта, которые находят свое отражение как в лексике языка, так и в устойчивых сочетаниях.

Например, в русском языке неумного, бестолкового человека можно назвать *башка еловая, голова еловая*; а в немецком языке это значение связано с соломой от бобов: *Dumm, wie Bohnenstroh*; в турецком – *meşe odunu* в значении “дубовая голова” (где *meşe* – “дубовый”); в чешск. – *všude koukol mezi pšenici* (букв. “всюду куполь между пшеницы”) в значении “в семье не без урода”; в кумыкском – *тутмагъа саптагъы ёкъ авлия* “дурак за стебель не схватится” в значении “набитый дурак”; в якутском *мас акаары* (букв. “деревянный дурак”, где *мас* – “дерево”) в значении “круглый дурак”.

Елки зеленые, точеные, елки-палки, елки-моталки – выражение досады, восхищения, недоумения и т.п. *Голова еловая* – говорят о бестолковом, глупом человеке. В якутском языке есть выражение о злом и очень упрямом человеке *харыйана танары соспут курдук киһи* букв. “человек, подобный ели, которую волокут за макушку” – это очень неудобно и противостоит: ветви у ели слегка приподняты кверху, и тащить ель проще за комель.

Значение полевой фасоли, бобов в жизни народов Европы было так велико в средние века, что она нередко называется исследователями “средневековым картофелем”. Стебель фасоли вьется вокруг высокой подпорки, и это послужило основанием для сравнения в немецком языке: *dürr, lang wie eine Bohnenstange* – разг. “тощий, длинный, как жердь”. Солома фасоли и бобов тверда и прочна, это легло в основу сравнений: *etwas ist hart, zäh wie Bohnenstroh* – “быть очень твердым” (букв. “твердый, жесткий, как солома бобов”; *grob wie Bohnenstroh* – “очень грубый, грубый, как извозчик” (букв. “грубый, как солома бобов”); *dumm wie Bohnenstroh* – “глуп, как пробка, дурак дураком” (букв. “глуп, как солома бобов”). Русское выражение *разводить бобы* имеет значение “заниматься пустыми разговорами, задерживать внимание на пустяках” (первоначально – о гадалках, предсказывающих по бобам). Значение другого русского выражения *остаться на бобах* (*сидеть на бобах*) – “обманувшись в расчетах, остаться ни при чем”; *оставить на бобах* – “оставить без того, чего добивался кто-либо, на что рассчитывал, оставить ни с чем”.

Огородное растение *лук, луковица, луковка* – “головка лука” – “утолщенная, чаще шарообразная часть стебля некоторых растений (в первую очередь, луковица тюльпана, луковица лилии). В переносном смысле употребляется как анатомический термин – *луковица волоса, луковица аорты* “расширенная часть некоторых органов, частей организма”. Другое

переносное значение – “старинные карманные часы с выпуклым толстым стеклом и выпуклой противоположной стороной (форма луковицы). Еще одно значение – “церковный купол круглой формы, золотые луковицы соборов”. Во фразеологических оборотах в русском языке нам встретился такой: *горе луковое* – о незадачливом, нерасторопном человеке. В сербском и хорватском *лук ти у очи* (лук – “лук”), букв. “лук тебе в глаза” в значении “чтоб ты пропал, будь ты неладен”, *ударио тук на лук* (букв. “ударил лук об угол”), что эквивалентно русскому *нашла коса на камень*. Если хотят сказать о чем-то нестоящем, бесполезном, пустом, о чепухе, ерунде: *то је лук и вода* букв. “то лук и вода”, *ни лук јео, ни на лук мирисао* (букв. “ни лук не ел, ни пахнет луком) в значении “ни сном ни духом не виноват, ни в чем не замешан”. Такое разнообразие фразеологизмов с фитонимом *лук* можно объяснить широким распространением этой культуры.

В любом фразеологизме, в любой пословице заложено своеобразие восприятия мира через призму языка и национальной культуры. Национальное своеобразие может проявляться в типичных ассоциациях, связанных с тем или иным образом, то есть в национальной специфике образной основы. Это в первую очередь относится к фразеологическим единицам, образы которых взяты из растительного и животного мира. В разных странах могут быть известны одни и те же растения, породы деревьев, сельскохозяйственные культуры или животные. Но существуют фразеологизмы, содержащие компоненты, отличающиеся национальным своеобразием. В этом случае и можно говорить о национальной специфичности подобных фразеологизмов и паремий.

Е.А. Маклакова

Национальная специфика наименований лиц (русское *мать* и английское *mother*)

Наше исследование выполнено в рамках контрастивной лингвистики и ставит своей задачей выявить сходства и различия в семном составе переводных соответствий русского и английского языков.

Приведем результаты контрастивного описания русского слова *мать* в сопоставлении с ее английским переводным соответствием *mother*.

Основное значение слова *мать* в русском языке по данным словарей и результатам проведенного нами компонентного анализа семантики данного слова включает следующие ядерные семантические компоненты: «лицо», «женский пол», «достигшее половой зрелости», «имеющее или имевшее детей».

Далее по синонимическим словарям был определен состав синонимического ряда исследуемого слова в русском языке – *мама, мамаша, маменька, матушка, мамка, родительница, маманя*.

Следующим этапом работы с перечисленными выше примерами было определение их соответствий в английском языке с использованием двуязычных переводных словарей и одноязычных толковых словарей английского языка.

Состав единиц, выступающих межъязыковыми соответствиями слова русского слова *мать* и его синонимов в английском языке, имеет следующий вид: *mother, mater, mamma, momma, mummy, mother-in-law, parent, old lady*.

Далее были выявлены типы соответствий русских и английских лексем. Были рассмотрены как русско-английские, так и англо-русские соответствия. Они оказались преимущественно линейными (1:1) и векторными (1:N) соответствиями. Безэквивалентных единиц или семем (1:0; 0:1) не выявлено. Установлены следующие линейные соответствия: *мамаша – mother*; *маменька – mummy*; *матушка – mother*; *мамка – mother*; *mater – мать*.

Выделены русско-английские и англо-русские векторные соответствия:

мать – mother, mater, old lady; *мама – mamma, momma, mother-in-law*; *маманя – mother, mamma, mummy*; *родительница – parent, mother*; *mother – мать, мама, матушка, маменька, мамка, мамаша, маманя, родительница*;

mamma – мама, маманя; *momma – мама, маманя*; *mummy – маменька, маманя*; *mother-in-law – мама, свекровь, теща*; *parent – родительница, родитель, предок, мать, отец*; *old lady – мать, жена*.

При дифференциации межъязыковых лексических соответствий, как правило, выявляются «переводные эквиваленты – межъязыковые соответствия, максимально сходные по составу сем и обеспечивающие адекватный взаимный перевод в любых контекстах» (Стернин 2005:67). На основе имеющегося материала эквивалентными соответствиями, совпадающими по ядерным, ярким периферийными, оценочным и эмоциональным семам, а также по функционально-стилистическим, функционально-темпоральным, функционально-частотным, функцио-нально-социальным и функцио-нально-территориальным семам, являются: *мать – mother* (в основном значении – «лицо», «женский пол», «достигшее половой зрелости», «имеющее или имевшее детей»); *мама – mamma* (в семейном и детском общении).

Остальные соответствия будут приблизительными.

В качестве приблизительных соответствий, когда различия наблюдаются в функциональных структурно-языковых семах и взаимный перевод возможен только в некоторых контекстах, можно отметить следующие пары: *мама (разг.) – mother-in-law (межстил.)*, *мама (общераспр.) – momma (американское)*, *мамаша (разг., малоупотр.) – mother (межстил., употр.)*, *маменька (устар., малоупотр.) – mummy (совр., употр.)*, *матушка (одобр., ласк.-почтит., трад.-нар.) – mother (неоцен., неэмоц., межстил.)*, *родительница (разг., малоупотр.) – parent, mother (межстил., употр.)*, *мамка (просторечное) – mother (межстил.)*, *маманя (неоцен., полож.-*

эмоц., нар.-разг., устар., малоупотр.) – *mother* (неэмоц., межстил., совр., употр.), *маманя* (неоцен., полож.-эмоц., нар.-разг., устар., малоупотр.) – *титту* (одобр., ласкат., совр., употр.), *маманя* (неоцен., нар.-разг., устар., малоупотр.) – *татта* (одобр., разг., совр., употр.), *old lady* (сленг.) – *мать* (разг.).

Национальная специфика семантики слова проявляется в следующих основных формах – лакуарность лексем и семем, безэквивалентность лексем и семем, лакуарность и безэквивалентность сем, различие сем по семному конкретизатору или по статусу в семеме (Стернин 2004).

В исследованном материале наблюдаются многочисленные примеры проявления национальной специфики семантики на уровне несовпадения сем по семным конкретизаторам. Наиболее часто это проявляется в функциональном макрокомпоненте значения. Например, в контрастивной паре *мать* – *mater*: *мать* (межстил., общераспр.) – *mater* (шк. сленг, британское), функционально-стилистическая и функционально-территориальная семы являются национально-релевантными и различаются семными конкретизаторами, демонстрируют структурно-языковую специфику значения слова на уровне функционального макрокомпонента значения.

В контрастивных парах *мать* – *parent*, *родительница* – *parent* в английской лексеме отсутствует семный конкретизатор пола, что дает нам право говорить о денотативной национальной специфике значений.

В контрастивных парах *мамашиа* – *mother*, *матушка* – *mother* в русских лексемах семный конкретизатор возраста *пожилой*, а в английской лексеме – *старый*. Иногда возрастной конкретизатор присутствует в английской семе, но отсутствует в русской, например: *мать* (обращение к женщине) – *mother* (обращение к старой женщине).

В контрастивной паре *мать* – *old lady* в английском соответствии конкретизируется степень родственных отношений, а именно: *мать* (обращение к женщине, жене) – *old lady* (обращение к матери, жене).

Подобные примеры могут быть умножены.

Исследование показывает, что применение методики контрастивного метода к описанию языкового материала позволяет выявлять многочисленные случаи проявления национальной специфики даже таких слов, которые принадлежат к основному словарному фонду обоих сравниваемых языков и обозначают универсальные концепты, такие как *мать*. Сфера национально-специфического в семантике гораздо шире, чем это может показаться на первый взгляд.

Longman Dictionary of English Language and Culture. Person Education Limited, England, 2000.

Paperback Dictionary & Thesaurus. Harper Collins Publishers, Glasgow, 2001.

The Oxford Paperback Dictionary. Oxford University Press, Oxford, 1994.

The Oxford Dictionary of New Words. Oxford University Press, Oxford, 1998.

Большой англо-русский словарь: В 2-х т. / Под общ. рук. И.Р. Гальперина. М., 1979.

Большой русско-английский словарь / Под общ. рук. А.И. Смирницкого. М., 2004.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2003.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Воронеж, 2004.

Когнитивное сознание

М.Ю. Шевченко

Концепт *культурный* в лексикографическом отражении

Концепт, репрезентируемый в русском языке словом *культурный*, весьма важен для коммуникативного сознания русского человека, тяготеющего к общению, речевому взаимодействию, и потому интересен для лингвокогнитивного анализа, цель которого – выявив максимально полно состав языковых средств, репрезентирующих исследуемый концепт, моделировать его содержание как глобальной (ментальной) единицы (Попова, Стернин 2001:93).

Лексема *культурный* – ключевая лексема, представляющая изучаемый концепт в русском языке. Она относится к высокочастотной лексике русского языка – ее частотность по данным частотного словаря равна 91 (Засорина 1977).

Цель исследования – изучение семантемы ключевой лексемы концепта. Был использован анализ словарных дефиниций лексикографических источников, выявлены и описаны все семемы, составляющие семантему ключевой лексемы.

Слово *культурный* имеет короткую историю развития в русском языковом сознании. Оно является производным от слова *культура* (при участии суффикса -н-), которое, в свою очередь, пришло в русский язык в середине 30-х годов XIX века путем заимствования из немецкого или французского языков. Слово «культура» произошло от латинского *cultura* – «возделывание», «обработка», «земледелие», «сельское хозяйство», далее – «воспитание», «образование», «почитание» (от *colo* «возделываю», «обрабатываю землю»), с латинского языка переводится как *забота, направленная на облагораживание жизни*. Первоначальное значение в

русской семантике: 1) хлебопашество, земледелие; 2) образованность (Черных 1999:453).

Аналогичное толкование находим и в Толковом словаре В. Даля: *культура* франц. обработка и уход, возделывание, возделка; // образование, умственное и нравственное; говорят даже культивировать, вм. Обрабатывать, возделывать, образовывать и пр. (Даль 2002:220). Лексема *культурный* в словаре В. Даля отсутствует, его на период составления словаря, очевидно, не было.

Концепт *культурный* начал формироваться в русском языковом сознании как самостоятельная единица концептосферы с середины XIX века, т.е. с момента появления слова *культурный* в русском языке.

Предполагается, что русская национальная концептосфера до этого уже содержала на рефлексивном невербальном уровне *культуру* как мыслительную единицу. Фактически с момента появления в русском языковом сознании понятие окультуривания означало «возделывание», «взрачивание» как в области сельского хозяйства, так и в интеллектуальной сфере (т.е. подразумевается, что «образованность» и «воспитанность» формируются в результате «возделки»; это возделывание, обработка, уход с целью воспитания или исправления человеческой природы). Окультурить – значит возделывать, образовывать, воспитывать.

Необходимо отметить, что слово *культурный* с момента появления в русском языке использовалось носителями языка нечасто, несло отпечаток книжной формы; в XIX веке употреблялось активно лишь в профессиональной сфере теми носителями русского языка, кто так или иначе был связан с сельским хозяйством (обработка сада и уход за растениями и животными), образованием, учебно-воспитательной работой. В результате этого можно выделить следующие первоначальные когнитивные значения слова *культурный*: 1. «высоко результативный в сельском хозяйстве» (окультуренное растение); 2. «высокоразвитый умственно и нравственно» (быть культурным в широком смысле).

С начала XX века слово *культурный* стало активно входить в состав общеупотребительных слов и было отмечено в Толковом словаре под ред. Д.Н. Ушакова:

1. *только полн. формы.* Прил. к *культура*. *К. уровень. Культурные навыки.* // В области культуры, связанный с областью культуры. *Культурное сближение с Францией. Культурная революция. Рабочий... требует обеспечения всех своих материальных и культурных потребностей, и мы обязаны исполнить это его требование.* Стлн.

2. Стоящий на высоком уровне культуры, усвоивший культуру, образованный. *К. человек. Культурное общество.* // Соответствующий требованиям культурности, запросам культурного человека. *Культурная обстановка. Культурные запросы. Культурно* (нареч.) *вести себя.*

3. Занимающийся просветительной работой. *Культурная комиссия. К. сектор.*

4. Прил., по знач. связанное с культурой в 4 знач. (с.-х.). *К. яблоня* (в противоп. дикой). *К. площадь земли* (земельный участок, пригодный для обработки).

5. Подвергшийся обработке, возникший вследствие работы человека (спец.). *К. слой земли* (насыпанный человеком в процессе различных работ, в отличие от более глубоких, натуральных слоев) (Ушаков 2000:1546-1547).

В толковании исследуемой лексемы семема «объект возделывания, обработки в сельском хозяйстве» отходит на периферию. Семема «образованность» остается, являя собой один из ярких признаков культурности. Слово «культурный» выступает в роли определения, характеризующего тот или иной предмет, в том числе человека, его деятельность и поведение в обществе.

Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой лексему *культурный* определяет таким образом:

1. Прил. к культура (в 1, 2, 3 и 4 зн.). Культурный уровень населения. *Культурные связи между народами. Культурные ценности.* □ *Крупные победы одержаны советскими людьми в промышленности, в сельском хозяйстве, в культурном строительстве.* Катаев. Почти дневник.

2. Находящийся на высоком уровне культуры, соответствующий высокому уровню культуры. *Культурное общество. Культурная жизнь. Культурный отдых.* □ *В качестве друга я журил его, - зачем ничего не делает и не читает, зачем он так мало культурен и мало знает.* Чехов. Дуэль. // Обладающий определенными навыками поведения в обществе; воспитанный. *Культурный человек.*

3. Связанный с распространением культуры, просвещения. – *Сегодня на фабрику приезжают артисты. Будут вести культурную работу, ставить спектакли, помогать нашим кружкам самодеятельности.* Лидин, Корни.

4. Разводимый, выращиваемый (о растении); противоп. дикий, дикорастущий. *Культурные сорта фруктовых деревьев. Культурные ягоды.* // Обработываемый, возделываемый (о почве, земле). *Культурная земля.*

◇ *Культурный слой земли* (археол.) – слой земли, образующийся из органических и строительных остатков на местах человеческих поселений. (Евгеньева 1983:149).

Ядро семантемы сохраняется, но внутренняя иерархическая организация семем несколько видоизменена. Признаки совокупности достижений общества, уровня развития оказываются наиболее релевантными.

Толковый словарь под ред. Д.В. Дмитриева представляет интересное толкование изучаемой лексемы:

1. **Культурным** называют то, что имеет отношение к деятельности человека, которая направлена на духовное и материальное развитие общества. *Культурные ценности. Культурное развитие. Культурная история человечества.*

2. **Культурными различиями** называют разницу в традициях, обычаях, манере поведения и т.п. различных народов. *Многие недоразумения происходят из-за культурных различий.*

3. **Культурным слоем** называется слой земли, в котором остались свидетельства жизни прошлых поколений, цивилизаций в виде органических и строительных остатков. *Подземное хранилище находилось под несколькими метрами культурного слоя.*

4. Общество, жизнь и т.п. называют **культурными**, если они находятся на высоком уровне материального и духовного развития.

5. Человека называют **культурным**, если он умеет правильно вести себя с людьми, в обществе. *Человека культурного сразу видно. НАР. Он извинился за то, что его ребенок не умеет культурно вести себя в гостях.* ≈ воспитанный.

6. Деятельность, занятия, отдых и т.п. называют **культурными**, если они направлены на повышение образовательного, духовного уровня человека, связаны с искусством, творчеством и т.п. *Культурные мероприятия. НАР. Мы вполне культурно отдохнули: сходили на балет.*

7. Виды растений, овощей и т.п. называют **культурными**, если их специально выращивают. *Культурные сорта винограда.*

8. Почву, землю называют **культурными**, если их возделывают, обрабатывают. *Культурная земля.*

9. Культурность (Дмитриев 2003:521-522).

Нетрудно заметить качественное обновление семантемы. Появляются словосочетания «культурные различия», «культурный слой». Культурным общество и человек могут стать при условии вложения труда в свое духовное и материальное развитие. Отдельно представлен человек, соблюдающий правила поведения в обществе. В противном случае его можно назвать некультурным. Культурный человек умеет правильно работать и отдыхать, саморазвиваться путем приобщения к миру искусства, имеет творческие наклонности. Все семемы подчеркивают имеют смысловую связь друг с другом и с этимологическим значением слова «культура».

Словарь предлагает к семеме 5 синоним «воспитанный», однокоренную частеречную единицу **культурность**.

Слово *культурный* употребляется носителями русского языка сравнительно часто, о чем свидетельствует специальный графический знак частотности при лексеме. Следуя показателю частотности данного словаря. Отправными данными для определения частотности явились показатели поисковых машин русскоязычной части Интернета. Авторы словаря ориентировались на слова, которые в 2002 году встречались на более чем ста тысячах веб-страниц. Таким образом, можно отметить что слово «культурный» активно бытует в сфере массовой коммуникации.

Не менее интересно трактовка лексемы представлена в словаре Т.Ф. Ефремовой.

Культурный прил.

1. Соотносящийся по знач. С сущ.: культура (1*1,2,5), связанный с ним.
2. Свойственный культуре (1*1,2,5), характерный для нее.
3. Достигший высокого уровня культуры (1*1,2,5); просвещенный, образованный. // Отвечающий требованиям культуры. Соответствующий запросам просвещенного человека. // Обладающий определенными навыками поведения в обществе; воспитанный.
4. Занимающийся просветительской деятельностью.

Культурный *прил.*

1. Подвергшийся обработке; возделанный, вспаханный (о земле, почве).
2. Возникший в результате вмешательства человека, его деятельности; выращиваемый, разводимый (о растениях) (Ефремова 2000:754-755).

Налицо уже зафиксированная словарем омонимичность – лексемы, обозначающие разные денотаты действительности.

На нынешнем этапе развития русского языкового сознания наиболее точную трактовку предлагает новейший Большой толковый словарь под ред. С.А. Кузнецова (2000):

Культурный 1. *только полн. к культура 2-3,5 зн. К. уровень населения. К-ые ценности. К-ое строительство. К. слой земли.* 2. Находящийся на высоком уровне культуры, соответствующий высокому уровню культуры. *К-ое общество. К-ая жизнь. К.отдых.* 3. Владеющий определенными навыками поведения в обществе; воспитанный. *К. человек.* 4. *только полн. Связанный с распространением культуры, просвещения. К-ая работа среди населения. Развитие культурных связей между странами. К-ые мероприятия.* 5. *только полн. Разводимый, выращиваемый (о растении; противоп.: дикий, дикорастущий). Культурные сорта фруктовых деревьев. К-ые ягоды.* 6. *только полн. Обрабатываемый, возделываемый (о почве, земле). К-ая земля.* <**Культурно**, нареч. (2-3 зн.). *К. отдыхать.* **Культурность** (2-3 зн.).

Сравнение толкований лексемы *культурный* в разных словарях показывает, что первоначальные толкования лексемы «культурный» и современные мало чем отличаются, за исключением некоторых незначительных дополнений.

Вышеописанные исследования приводят к выводу, что лексема *культурный* означает высокую организацию в какой-либо области человеческой деятельности при условии следования культуре во всех ее проявлениях; воспитанность.

Смысловая структура слова *культурный* в современном русском языке в итоге может быть представлена следующим образом.

1. Характерный для высокого уровня материального и духовного развития.
2. Характеризующийся навыками поведения в обществе.
3. Образованный, просвещенный.
4. Характерный для лабораторного разведения растений, микроорганизмов.
5. Обработанный (о почве).

Все выделенные значения репрезентируют разные признаки концепта *культурный*, а в своей совокупности репрезентирует основное содержание данного концепта в современной русской концептосфере.

Не вызывает сомнения, что ядро концепта репрезентировано первым и вторым из выделенных выше значений, остальные репрезентируют периферийные участки содержания концепта.

Слово *культурный* в настоящее время является одним из наиболее часто употребляемых всеми слоями населения – и в разговорной речи, и в прозе, и в газетно-журнальных текстах, что свидетельствует об актуальности номинируемого им концепта для современной русской концептосферы.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 2. М., 2002.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. Т. 1.

Попова З.Д. Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981-1984. Т. 2. 1983.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М., 2000.

Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. М., 1977.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. М., 1999. Т. 1.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. М., 2003.

М.Ю. Шевченко

Концепт *культурный* по данным направленного ассоциативного эксперимента

Нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент, в котором участвовало 814 информантов (398 мужчин и 416 женщин). Возраст опрашиваемых – от 17 до 84 лет. Большая часть испытуемых среднего возраста (от 30 до 60 лет), что позволяет судить о современном состоянии русской национальной концептосферы в сознании активного, трудоспособного населения.

Опрашиваемым предлагалась следующая инструкция: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Напишите, пожалуйста, первое пришедшее Вам в голову определение к слову «культурный». Долго не раздумывайте. Укажите свой пол и возраст».

Эксперимент проводился как в массовой, так и в индивидуальной форме. Период проведения эксперимента – 2004-2005 гг.

Задание не вызвало значительных затруднений у опрашиваемых, чем объясняется малое число отказов – 19 (2,3%). Испытуемые строго придерживались инструкции, ответы писали быстро и сразу, долго не размышляя.

Всего были получены 795 реакций; разных реакций – 141, единичных – 46, отказов – 19.

Результаты эксперимента

Культурный – какой? – воспитанный 95, образованный 70, вежливый 53, соблюдающий правила и нормы поведения 41, грамотный 23, знающий правила этикета 22, обходительный 20, внимательный, добрый 18, учтивый 16, тактичный, умный 15, галантный 14, корректный, уважительный, хороший 13, всесторонне развитый 12, владеющий нормами литературного языка 11, доброжелательный, соблюдающий правила и нормы поведения, интеллигентный, любезный, общительный, деликатный, знающий правила поведения, отзывчивый 10, благонравный, остроумный, понятливый, цивилизованный 9, соблюдающий правила приличия, уважающий окружающих 8, благовоспитанный, благородный, заботливый, честный 7, веселый, без вредных привычек, знающий культуру своей страны, коммуникабельный, морально устойчивый, находчивый, негрубый, нравственный, уважаемый в обществе человек, приятный в общении, предупредительный, смекалистый, сообразительный 6, интеллектуальный, с которым приятно беседовать, общаться 5, великодушный, готовый помочь в любую минуту, духовно богатый, душевный, правильный, умеющий вести себя в обществе, в различных ситуациях 4, знающий историю своей страны, знающий нормы морали, интересующийся искусством, интересный в общении; умеющий сблизиться с людьми, найти общий язык; милый, одетый со вкусом, порядочный, уступающий место в транспорте, эстетически воспитанный 3, благодарный, верующий, замечательный, искренний, надежный, спокойный, не обижающий других, никогда не позволяющий себе сказать в адрес другого человека что-либо нехорошее, обидное; не использующий нецензурных выражений, опрятный, оставляющий о себе хорошее впечатление, относящийся к культуре данной страны, относящийся с уважением к предкам, положительный, приличный, просвещенный, религиозный, сердечный, соответствующий нормам морали, сдержанный, соблюдающий традиции своей страны, с богатым внутренним миром, смелый, уравновешенный, умеющий себя подать, у которого есть, чему поучиться; хороший друг, эрудированный 2, бесконфликтный, грамотный, гармоничный во всех отношениях, достойный звания «личность»; говорит не то, что думает; знающий правила общения, испытывающий уважение к женщине; который не стесняется извиниться, если сделал что-то плохое; когда ученик не выкрикивает с места, а поднимает руку, умеет спокойно слушать учителя; которому радуется душа, любящий свою Родину, ласковый, лояльный, любящий классическую музыку, нонсенс нашего времени, никогда не

ударит другого человека, не дерется, нежный, не бросает бумажки на газон, не сквернословит, никогда не выставяет напоказ слабые места других, образ жизни у человека очень хороший, обладающий внутренней культурой, ответственный за свои поступки, обладающий достаточными познаниями в области мировой культуры, относящийся к искусству, пунктуальный, посещающий театры, прекрасный, правдивый, рассудительный, скромный, соблюдает культурность в разговоре, сейчас такого нет, справедливый, умеет всегда помочь, умеющий держать себя в руках, умеющий признавать свои ошибки, уважающий мнение окружающих, умеющий общаться, умеющий ценить человеческие взаимоотношения, человек с большой буквы, человек с высшим педагогическим образованием, человечный 1.

Анализ результатов направленного ассоциативного эксперимента методом когнитивной интерпретации позволяет выявить содержание исследуемого концепта и описать его полевую организацию.

СТРУКТУРА КОНЦЕТА

Согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину, концепты внутренне организованы по полемому принципу и включают чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле. В соответствии с этим можно моделировать структуру исследуемого концепта.

I. Макрокомпоненты концепта

Образное содержание концепта

Зрительный образ – когда ученик не выкрикивает с места, а поднимает руку 1.

Тактильный образ – нежный 1.

Информационное содержание концепта

Информационное содержание концепта «культурный» сравнительно невелико по объему и включает следующие когнитивные классификаторы и признаки, характеризующие собственно культурность:

адекватное поведение в обществе 194 (воспитанный, соблюдающий правила и нормы поведения, интеллигентный, знающий правила поведения, цивилизованный, соблюдающий правила приличия, благовоспитанный, умеющий вести себя в обществе, когда ученик не выкрикивает с места, а поднимает руку, умеет спокойно слушать учителя);

деликатное отношение к окружающим 157 (вежливый, обходительный, учтивый, тактичный, галантный, корректный, любезный, деликатный, предупредительный, умеющий держать себя в руках);

образованность, широкий кругозор 106 (образованный, умный, всесторонне развитый, интеллектуальный, эрудированный, просвещенный).

хорошее владение речью 33 (грамотный, владеющий нормами литературного языка);

соблюдение правил этикета 25 (знающий правила этикета, уступающий место в транспорте).

Интерпретационное поле

В интерпретационное поле концепта входят следующие когнитивные признаки:

удовлетворение основным требованиям цивилизованного общества 52 (благородный, понятливый, умеющий себя подать, уважаемый в обществе человек, порядочный, правильный, замечательный, оставляющий о себе хорошее впечатление; приличный, добросовестный, скромный, справедливый; у которого есть, чему поучиться, идущий в ногу со временем);

коммуникабельность 39 (общительный, коммуникабельный, приятный в общении; с которым приятно беседовать, общаться; интересный в общении; умеющий сблизиться с людьми, найти общий язык; знающий правила общения, рассудительный, соблюдает культурность в разговоре, умеющий общаться, умеющий поддерживать разговор на любую тему);

мягкость и уравновешенность 25 (негрубый, милый, кто не обижает других; никогда не позволяет себе сказать в адрес другого человека что-либо нехорошее, обидное; уравновешенный, сдержанный, спокойный, бесконфликтный, говорит не то, что думает, чтобы не обидеть; лояльный, не дерется, никогда не выставляет напоказ слабые места других, никогда не ударит другого человека);

отсутствие негативных действий, поведения 18 (без вредных привычек, не обижающий других, никогда не позволяющий себе сказать в адрес другого человека что-либо нехорошее, обидное; не использующий нецензурных выражений, не бросает бумажки на газон, не дерется, не ругается, не сквернословит, никогда не выставляет напоказ слабые места других, никогда не ударит другого человека);

умение находить выход из ситуации 18 (находчивый, смекалистый, сообразительный);

общая положительная оценка 17 (хороший, положительный, образ жизни у человека очень хороший, прекрасный, человек без недостатков);

способность уважать других 11 (уважающий окружающих, благодарный, испытывающий уважение к женщине, умеющий ценить человеческие взаимоотношения);

находчивость 18 (находчивый, смекалистый, сообразительный 6);

интерес к своей стране 12 (знающий культуру своей страны 6, относящийся с уважением к предкам, соблюдающий традиции своей страны 2, знающий историю своей страны, любящий свою Родину 1);

интерес к культуре и искусству 9 (интересующийся искусством, эстетически воспитанный 3, любящий классическую музыку, обладающий достаточными познаниями в области мировой культуры, посещающий театры 1);

религиозность 4 (верующий, религиозный 2);

отсутствие в современном обществе 2 (нонсенс нашего времени, сейчас такого нет).

II. Полевая организация

Ядро – *воспитанный* 162; *деликатный* 156; *образованный* 139.

Ближняя периферия – *хорошо относится к людям* 92; *коммуникабельность* 39; *высокие моральные качества* 37; *хорошее владение речью* 33.

Дальняя периферия – *соблюдает правила этикета* 25; *мягкий и уравновешенный* 25; *отсутствуют негативные действия, поведение* 18; *умеет находить выход из ситуации* 18; *хороший* 17; *интерес к своей стране* 12; *способный уважать других* 11; *интерес к культуре и искусству* 9.

Крайняя периферия – *религиозность* 4; *нехарактерность для современного общества* 2.

Таким образом, образный компонент концепта незначителен, ядро концепта компактное, достаточно четко очерченное, яркое, без эмоционально окрашенных характеристик.

Ближняя периферия характеризует в основном моральный аспект культурности: обращает на себя внимание достаточная яркость коммуникативно-речевых характеристик – *коммуникабельность, хорошее владение речью*. Дальняя периферия достаточно разнородна в содержательном плане, в ней преобладает аспект соблюдения этикетных норм и интерес к культуре.

Таково основное содержание концепта *культурный* в русском когнитивном сознании. Результаты эксперимента должны быть дополнены описанием актуализации концепта в текстах.

А.В. Чедыгова

Концепт *провинция* в русском языке

Для исследования концепта «провинция» был использован анализ словарных дефиниций ключевой лексемы, анализ синонимов и фразеологических единиц.

Ключевой лексемой, репрезентирующей рассматриваемый концепт в русском языке, является лексема *провинция* (от лат. *provincia*). Концепт также представлен производными словообразовательными единицами: *провинциал, провинциалка, провинциальный, провинциализм* и рядом синонимов: *периферия, глубинка, глушь, захолустье, глухомань, дыра, трущоба, медвежий угол, тьма-тараканья, заболотье*.

Современный толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова (СПб., 2002) определяет слово *провинция* таким образом:

1. В России XVIII века и в некоторых современных государствах: административно-территориальная единица, часть губернии. Итальянская провинция.

2. Отдаленная от столицы, центра местность; периферия. Родиться в провинции. Приехать из провинции. Глухая провинция.

|| О проявлении провинциализма в ком-либо, чем-либо (разг.). В каждом его жесте сквозит провинция.

Здесь же даются определения производных слов:

Провинциал – 1. Житель провинции. Удивить провинциалов столичной роскошью. 2. О человеке с ограниченными интересами, узким кругозором и т. п. Жалкий провинциал.

Провинциализм – 1. Привычки и взгляды присущие жителям провинции. 2. пренебр. Ограниченность интересов, узость кругозора. Провинциализм мировоззрения.

Провинциальный – Свойственный провинции, провинциалам. Провинциальная жизнь. Провинциальные нравы. Провинциальная мода. // Обладающий манерами, взглядами провинциала. Провинциальная барышня.

В Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова (М., 2000) слово *провинция* толкуется как:

1. В Древнем Риме – завоеванная римлянами область (истор.).
2. Область, административная единица в некоторых государствах. Провинция Хунань в Китае.

|| Административная единица, подразделение губернии в России 18 века (истор.).

3. Местность, находящаяся вдалеке от столицы или крупных культурных центров, вообще – территория страны в отличие от столицы. Родители ее живут далеко в провинции. Родился и вырос в глухой провинции.

Словарь живого великорусского языка под ред. В.И. Даля (М., 2003) дает следующие определения слова *провинция* и его производных:

Провинция – губерния, область, округ, уезд. Жить в провинции, не в столице, в губернии, в уезде. При Петре у нас были провинции, уезды.

Провинциал – живущий не в столице, житель губернии, уезда, захолустья.

Провинциальный – к провинции относящийся. Провинциальный секретарь, чиновник 13 класса.

Проанализировав, приведенные выше словарные дефиниции, мы пришли к следующим выводам. В словарях русского языка слово *провинция* представлено в следующих значениях:

1. «историческое» – завоеванная территория какого-либо народа, находящаяся в зависимости от Римской Империи. Административная единица в России XVIII века;
2. «административное» – административная единица в некоторых государствах;
3. «территориальное» – местность, находящаяся в дали от столицы, культурного центра;
4. «символическое» – символ косности, отсталости.

Необходимо отметить, что в словарях синонимов русского языка концепт *провинция* представлен рядом синонимов только в «территориальном» значении.

В Словаре синонимов русского языка под ред. А.П. Евгеньевой (М., 2003) даются следующие толкования синонимов, представляющих концепт *провинция*:

Периферия – места, отдаленные от столицы, от центров страны. Я тогда в провинции, или, как теперь говорят, на периферии работал (Карелин. Семь дней в неделю).

Глубинка, глушь, захолустье – места, отдаленные от транспортных магистралей, районных или областных центров. Хотя, собственно, чем было похвастаться Городку! Глубинка! Семьдесят верст от железной дороги (Обухова. Глубынь-Городок). Глушь, скверный южный городишка, тоска, грязь ... (Куприн. С улицы). Каких только глухих захолустьев нет в нашей стране! Вот, например, уездный город Грай. Я уверен, что о нем ничего неизвестно в литературе (Скиталец. Этапы).

Глухомань – употребляется с усилительным значением. В этой глухомани нам, кроме карт и пьянства нечего делать (Шолохов. Тихий Дон).

Дыра, трущоба – эти слова носят пренебрежительно-уничтожительный характер. Возница выразил сомнение в здравом рассудке своих пассажиров и добавил, что Верона – глухая дыра, где порядочным людям нечего делать (Паустовский. Золотая роза). Да, да ... что мы живем здесь, в этой трущобе, – говорила Хиония Алексеевна, покачивая головой. – Так и умрешь, ничего не выдавши. Ах Париж, Париж ... Вот куда я желала бы попасть!... (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы).

Медвежий угол – употребляется, чтобы подчеркнуть отдаленность и малонаселенность места. Этот город, затерявшийся среди лесов и болот, носил с незапамятных времен название Царевококшайска. Это название служило в старой России синонимом непроходимой глухомани, заброшенного медвежьего угла (Правда, 16 июня 1953 год).

В Русском синонимическом словаре под ред. К.С. Горбачевич (СПб., 1996) лексема *провинция* представлена следующими синонимами:

Глушь, глубинка – места, далекие от культурных центров, глухая провинция. Городок не промышленный, вдалеке от железных дорог и вообще глушь, глубинка (Проскурин. На окраине).

Медвежий (дремучий) угол, глухомань, дыра, тьма-тараканья (разг.) – полное захолустье, пустынное место (обычно употребляется с неодобрительным оттенком). Походатайствуйте за командированного педагога из дремучего угла (Васильев. Не стреляйте в белых лебедей). Я шла по такой глухомани, где по двое суток можно было не встретить жилья (Керсиновская. Наскальная живопись). Глухая провинция. Дыра, каких мало (Кольцов. О маленьком городе). Философские же и исторические сочинения... доходили и в эту тьму-тараканью (Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Дичь, закоулок – устар. разг. О далеком пустынном месте. В дичи глухой, непроходимой, Его таился кров (Жуковский. Пустынник). [В Якутске] поступил он приказчиком в компанию, объездил все закоулки обширного края (Задорнов. Капитан Невельской).

В Русском семантическом словаре под. ред. Н.Ю. Шведовой (М., 2003) семантическая группа *провинция* представлена рядом синонимичных слов.

Провинция – местность, территория страны, удаленная от крупных центров. Российская провинция. Родом из провинции.

Глубинка – (разг.) район, местность, населенный пункт, далекий от центра. Поехать в глубинку. Работать в глубинке. Приезжий из глубинки.

Глухомань – захолустье, глухое место.

Глушь – местность далекая от городов, глухая провинция. Жить в глуши.

Дыра – (разг. неодобр.) Глухое место, захолустье. В этой дыре нет ни радио, ни электричества.

Захолустье – глухое, малонаселенное место, вообще жилье, удаленное от города, шумного места. Таежное захолустье. Жить в захолустье.

Периферия – местность, удаленная от центральных частей страны, ее больших городов. Работать на периферии. Приехать из периферии.

Трущоба – глушь, захолустье.

Медвежий угол – захолустье, глушь.

Тмутаракань – (разг.) Глухомань, медвежий угол (по названию древнерусского города существовавшего в 10-12 вв. на Таманском полуострове).

На местах – в провинции, на периферии. Власть на местах.

С мест – из провинции, с периферии. Делегаты с мест. Информация с мест.

Анализ синонимов и примеров их употребления позволяет сделать следующие выводы. Лексемы *глубинка, глушь, захолустье* употребляются для обозначения мест, отдаленных от культурных центров и путей сообщения. Для усиления признака *удаленность* используются лексемы – *глухомань, медвежий угол, Тмутаракань*; для выражения пренебрежения – *дыра, трущоба*.

В Толково-понятийном словаре под. ред. А.А. Шушкова (М., 2003) лексема *провинция* представлена в семантической группе *далеко* и определяется следующим образом: расположенное на большом расстоянии (далеко) от столицы и больших городов место, обычно, малонаселенное.

В Словаре молодежного сленга под. ред. Т.Г. Никитиной (СПб., 2000) лексемы *провинция* и *провинциал* представлены следующими словами:

Криворожье – ирон. пренебр. Глухая провинция, захолустье.

Пырловка – ирон. пренебр. Какой-либо небольшой населенный пункт, глухомань. А летом по пырловкам поедим, ну, гастролировать в провинции.

Пындровка – ирон. пренебр. Небольшой населенный пункт, захолустье. Приехал из пындровки.

Кантри – пренебр. ирон. Провинциал, деревенщина.

Кантрушник – пренебр. ирон. Провинциал. Да пол-Питера – скобари, кантрушники, у всех родственники в Пскове.

Плуг – шутил.-ирон. Молодой человек из сельской местности.

Кугут – пренебр. Провинциал.

Одним из основных способов языковой репрезентации исследуемого концепта является фразеологическая единица. Во фразеологических слова-рях русского языка представлены следующие фразеологические единицы, репрезентирующие концепт: *провинция (глухая): на краю света, у черта на куличках (на рогах), бог знает где, за тридевять земель, куда ворон костей не заносил, на кулички, куда Макар телят не гонял.*

Я воображал себя на краю света, в уголке, пренебреженном просвещенными жителями столицы (Грибоедов. Письмо к издателю «Сына отечества», 21 января 1819).

А где мне еще придется жить, сам покуда не знаю. В Москве ли, в Питере ли, или у черта на куличках где-нибудь (Катаев. Волны черного моря).

Она вдруг получила известие о смерти своего дальнего родственника, человека странного, жившего затворником где-то за тридевять земель, в захолустье (Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели).

Кажется, живешь себе в таком месте, что и ворон костей не заносит, а глядишь – не тут-то было (Мамин-Сибиряк. В худых душах).

Все вышеперечисленные фразеологические единицы имеют общий семантический признак – *далеко* и употребляются, когда речь идет о местах расположенных далеко от центра, больших городов и т.д. В этом же значении используются и пословицы: *из села Помелова, из деревни Вениковой; и костей его седая ворона сюда не занасивала.*

Вышеперечисленные единицы используются как для усиления значения слова *провинция*, так и для выражения пренебрежения.

Анализ языковых средств, репрезентирующих концепт *провинция* в русском языке, показал, что ключевым словом, репрезентирующим в русском языке концепт *провинция*, является слово *провинция*. Это слово употребляется в русском языке в четырех значениях, и только в «территориальном» это слово имеет обширный синонимический ряд. Это позволяет сделать вывод о том, что именно это значение лексемы *провинция* является ядерным в языковом сознании носителей русского языка, и именно его семантика в наибольшей степени репрезентирует содержание концепта *провинция* в русском когнитивном сознании.

Наличие большого количества иронично-пренебрежительных синонимов, репрезентирующих концепт *провинция* в молодежном сленге, свидетельствует об отрицательном отношении молодежи к данному явлению. В русском национальном сознании *провинция* в целом выступает символом отсталости, косности. Провинция – *это далеко, в провинции жить плохо и неудобно, непрестижно*. Жителей провинции считают отсталыми и старомодными. Таким образом, концепт *провинция* по лексикографическим данным предстает в русском сознании как концепт

преимущественно оценочный, и оценка является неодобрительной. Данный оценочный компонент доминирует в содержании и структуре концепта.

Ю.А. Литвинова

Лексическая объективация концепта *город* в русском языке

Основной категорией когнитивной лингвистики является понятие «концепт». Важное значение для когнитивной лингвистики имеет решение вопроса, каким образом формируются концепты в сознании человека, каков механизм их образования.

С момента своего рождения человек познает окружающий мир, учится узнавать предметы, соотносить их друг с другом, делать обобщения, учится обрабатывать и запоминать значительное количество информации, выражать результаты своей познавательной деятельности с помощью языка. В результате у человека формируются общие понятия, которые затем объединяются в систему знаний о мире. Эта система состоит из концептов разного уровня сложности и абстракции, сформированных различными способами (Рудакова 2004:35).

Концепт рождается как образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. Первоначальное содержание концепта усложняется за счет знаний, полученных в результате познавательной деятельности других видов, т.е. «обрастает» мыслительным содержанием, логическими признаками. С увеличением уровня абстрактности концепт постепенно превращается из чувственного образа в образ собственно мыслительный. Вместе с тем тот общеизвестный факт, что любой концепт надо объяснять на примере, свидетельствует об образной природе любого концепта.

Концепт как единица концептосферы может иметь словесное выражение, но может не иметь его. Возникает, таким образом, проблема вербализации концепта.

Когда концепт получает языковое выражение, то те языковые средства, которые для этого использованы, выступают как средства вербализации, объективации в языке, языковой репрезентации, языкового представления концепта как такового.

Языковой знак представляет концепт в языке, общении. Слово представляет концепт не полностью – оно своим значением передает несколько основных концептуальных признаков, релевантных для сообщения. Слово является средством доступа к концепту, и, получив через слово этот доступ, носитель языка может подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки.

Слово, таким образом, как и любая номинация – это ключ, «открывающий» для человека концепт как единицу ментального поля и делающий возможным использование его в мыслительной деятельности. Языковой знак можно также уподобить «включателю» – он включает концепт в нашем сознании, активизируя его в целом и «запуская» его в процесс мышления.

Задачей лингвокогнитивного исследования является изучение и описание значений всех слов и выражений, объективирующих тот или иной концепт в национальном языке, с тем, чтобы на их основе моделировать содержание и структуру концепта. Рассмотрим средства лексической объективации концепта *город* в современном русском языке на материале словарей.

Словари разных исторических периодов представляют систему значений слова *город* по-разному.

В современном толковом словаре русского языка С.И. Ожегова слово *город* имеет следующие значения: 1) крупный населенный пункт, административный, промышленный и культурный; 2) центральная главная часть этого населенного пункта в отличие от окраин и пригородов; 3) в старину на Руси: огражденное стеной, валом поселение; крепость; 4) городская местность в отличие от сельской, деревенской (Ожегов 2005:158).

В Словаре живого великорусского языка В.И. Даля лексема *город* представлена значениями: 1) городьба, ограда около жилья, населения; 2) крепость, укрепленное стенами место внутри селения, кремль; 3) селение, обнесенное городьбой, городок; 4) населенное место, признанное за город, которому правительство дало городское управление.

Мы видим, что в старину первым значением была *крепость*, что является третьим значением в современных толковых словарях.

Синонимический ряд концепта *город* представлен следующими словами:

1) *мегаполис* – город с многомиллионным населением (Ожегов, Евгеньева);

2) *полис* – в Др. Греции и Др. Риме: город-государство (Ожегов, Евгеньева);

3) *городок* – комплекс отдельно расположенных сооружений, зданий, учреждений (Ожегов, Евгеньева);

// городок (в старину) – острог, острожек, укрепленное тыном заселение (Даль);

// городок (вологод. знач.) – большое богатое село, с несколькими церквями (Даль);

4) *град* – устаревшее высокого стиля – то же, что и город в первом значении, т.е. крупный населенный пункт, административный, промышленный, культурный (Ожегов, Евгеньева);

// град – застроенное населенное место и жителей его (Даль);

5) *городище* – место, где в древности был город или укрепленное поселение (Ожегов, Евгеньева);

// *городище* – остатки и развалины селенья, города или укрепления земляных и каменных работ, жилья (Даль);

6) *городец* – городок, укрепленное тыном местечко, селение в Нижней губернии (Даль);

7) *градец* – городок, поселение (Даль);

8) *городбище* – остатки древнего поселения (Даль);

9) *посад* – вообще город, не село, не деревня (Даль).

В русском языке существуют пословицы и поговорки со словом *город*: «что ни город, то норы, что не изба, то обычай» (о пестроте, несходстве мнений, привычек); «в городе суеда, в деревне маета»; «ни к селу, ни к городу» (совершенно неуместно); «без денег в город – сам себе враг» (без денег в городе делать нечего); «Бог да город, черт да деревня» (город во всех отношениях лучше деревни); «свинья скажет борову, а боров всему городу» (о тех, кто распространяет сплетни, слухи); «смелость города берет»; «ни в городе Богдан, ни в селе Селифан» (поговорка о недалеком, посредственном человеке).

Пословицы и поговорки добавляют к характеристике концепта *город* некоторые дополнительные признаки: место жительства многих людей, противопоставленность селу как тип населенного пункта, там дорогостоящая жизнь, в городе лучше жить, чем в деревне, в городе люди общаются друг с другом, город окружают крепостью и т.д.

Исследование концепта предполагает дополнение лексикографического анализа анализом текстов, фразеологии, экспериментальные методы исследования.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1981.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005.

Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж, 2004. Словарь русского языка: В 4-х т. / А.П. Евгеньева и др. М., 1989.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1978.

Л.А. Литвинова

Проблема ключевого слова-репрезентанта концепта *деревня* в современном русском языке

Концепт как единица концептосферы может иметь словесное выражение, но может и не иметь его. Когда концепт получает языковое

выражение, то языковые средства выступают как средства объективации в языке, языковой репрезентации концепта.

Концепт объективируется в языке: 1) готовыми лексемами и фразеосочетаниями из состава лексико-фразеологической системы языка; 2) свободными словосочетаниями; 3) паремия и фразеологическими единицами; 4) текстами и совокупностями текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов).

Анализ значения лексем тех слов, которые объективируют концепт в речи, позволяет в первом приближении выявить те когнитивные признаки концепта, которые наиболее актуальны для концептосферы народа, наиболее востребованы в коммуникации представителей данной лингвокультурной общности.

Рассмотрим лексикографическую объективацию концепта *деревня* в русском языке и попытаемся выявить ключевое слово-репрезентант данного концепта в современном русском языке.

В русском языке существуют два слова, конкурирующих за статус ключевого слова-репрезентанта концепта деревня: *деревня* и *село*. Русский язык различает большое и маленькое крестьянское селение, где *село* – это большое крестьянское селение, административный и хозяйственный центр для близлежащих, окрестных деревень (Ожегов, Евгеньева). В дореволюционной России в селе обязательно предполагалась церковь. В.И. Даль описывает *село* как «обстроенное и заселенное крестьянское место, в коем есть церковь» (Даль), тогда как *деревня* – это крестьянское селение, но меньшее по размерам и без церкви. На деревенный характер построек в деревне указывает корень слова.

Какое же из этих слов следует признать ключевым словом-репрезентантом концепта *деревня*?

В современном русском языке существуют следующие пословицы и поговорки со словами *село*, *деревня*: «ни к селу, ни к городу» (совершенно неуместный); «в городе суeta, в деревне маята»; «ни в городе Богдан, ни в селе Селифан» (о недалеком, посредственном человеке); «где деревня, там и порядня»; «потемкинские деревни» (нечто созданное для ложного впечатления); «купил бы село, да денег голо»; «не искал бы в селе, а искал бы в себе»; «чего нет в себе, не найдешь и на селе»; «около села лошадка весела» (о погоде); «я за все село не ответчик»; а также из рассказа А.П. Чехова «Ванька» крылатая фраза «на деревню дедушке» (т.е. неизвестно кому и куда).

Пословицы и поговорки раскрывают такие признаки *села*, как: противоположность городу, в деревне скучно, мало денег, там живут посторонние тебе люди, многолюдное, удаленное от цивилизации и др.

Синонимический ряд слова *село* довольно пространный:

- 1) *селенье/селитьба/селитва* – «заселенное людьми место» (Даль);
- 2) *сельбище* – «селение», а также «двор, усадьба»;
- 3) *сельцо* – «небольшое село»;

4) *селище* – «весьма большое село, в котором более одной церкви» (Даль).

Здесь уместно упомянуть о следующих крылатых фразах: «горнее селение», «селение праведных». Они идентичны по значению выражению «райская обитель».

Синонимами к *селу*, *деревне* выступают также *заимка*, *выселки*, *поселок*. Все три слова означают отделившееся поселение, отделенное от бóльшего по размеру населенного пункта. В.И. Даль трактует *заимку* как «место, занятое под хозяйство, с избой др. ухажями», *выселки* (выселка, высель, выселок) как «поселки, новоселки, по(за)селенье из ближних выходцев, отделившихся и занявших пустошь», *поселок* (поселение, поселенье, посель) как «небольшая деревенька, выселок, новоселок, отделившиеся по тесноте от коренного селенья, крестьяне, поселившиеся на новом месте вблизи, на пустошах, общих земель».

Для объективации концепта *деревня* имеет значение «территория, где располагается населенный пункт». Если это юг России, то негородской населенный пункт будет называется *хутором* (обособленный земельный участок с усадьбой владельца).

Если же это территория Кубани и среднее и нижнее течения р. Дон, то это *станция* – «большое казачье селение» (Ожегов, Евгеньева). В словаре В.И. Даль *станция* – это прежде всего «стая перелетных птиц», тогда как современное значение лишь пятое по счету.

При объективации концепта *деревня* прослеживается исторический след, поскольку в языке сохранились такие слова, как вышеупомянутые *поселье*, *селитьба*, *селище*, *весь*. Подобные слова в современных толковых словарях сопровождаются следующими пометами: археологическое, историческое, устаревшее. К последним можно отнести и слово *весь* – сельцо, селение, деревня (уменьш. *весца*). В современном русском языке слово *весь* фигурирует лишь в книжном стиле – «по городам и весям».

Таким образом, концепт *деревня* объективируется целым рядом синонимических единиц: *деревня*, *село*, *селенье*, *селитьба*, *селитва*, *сельбище*, *сельцо*, *заимка*, *выселки*, *поселок*, *селище*, *хутор*, *станция*, *поселье*, *селитьба*, *селище*, *весь*. Наиболее употребительны в современном русском языке единицы *деревня* и *село*, обе они представлены в поговорках, фразеологии, имеют производные слова. Вместе с тем ключевым словом-репрезентантом концепта *деревня* следует признать лексему *деревня*, а не *село*, поскольку она имеет более обобщенное значение и выступает доминантой синонимического ряда.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005.

Словарь русского языка: В 4-х т. / А.П. Евгеньева и др. М., 1989.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1981.

Г.В. Киселева

Культурный концепт *Москва* по экспериментальным данным

Топонимы как культурные концепты обладают огромным информационным потенциалом, разнообразными историко-культурными коннотациями, являются хранителями значимой для определенного социума информации и оценок. Содержание и ценностная составляющая топонимов как концептов культуры с течением времени меняется, что приводит к появлению в их структуре «культурного осадка» прошлых эпох, на который наслаиваются новые, современные смыслы и оценки.

Топонимы как лингвистические единицы, относящиеся к классу имен собственных, также имеют яркую специфику, проявляющуюся на различных языковых уровнях: семантическом (отсутствие понятийного компонента в значении, слабая включенность в лексико-семантические парадигмы), лексикографическом (отсутствие топонимов в лингвистических словарях), грамматическом (наличие у имен собственных ряда специфических грамматических особенностей в сравнении с нарицательными именами).

Специфика топонимов как единиц языка, объективирующих важные культурные концепты, определяет и подходы к их исследованию. Возможности использования традиционных лингвистических методик (анализ ключевых слов-манифестантов концепта, их лексико-семантических парадигм и др., подробнее об этом: Стернин 2001) при изучении содержания и структуры топоконцептов ограничены. Наиболее продуктивными являются психолингвистические экспериментальные методики разных типов.

С целью выявления когнитивных признаков, составляющих содержание концепта *Москва*, нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, участниками которого явились носители русского языка разных социальных, профессиональных, гендерных групп, возрастной диапазон опрошенных – 11-70 лет. Эксперимент проводился в г. Борисоглебске Воронежской области в 2005 году. Опрошено 532 человека. При обработке результатов эксперимента учитывались и единичные реакции. Результаты проведенного эксперимента были обобщены в виде ассоциативного поля, в которой слова-реакции располагаются в порядке убывания их частоты. Приведём ассоциативное поле исследуемого концепта *Москва* в форме словарной статьи:

Москва 532: столица 172; Кремль 89; Красная площадь 62; мегаполис 9; площадь, столица России 6; суeta 5; Мавзолей, метро, Родина 4; Ленин, Лужники, река, третий Рим 3; Арбат, большой город, деньги, деревня, златоглавая, красный, Лужков, любимый город, любовь, мама, площадь

Красная, столица нашей Родины, чурки 2; автомобильные пробки, беспорядок, библиотека, бизнес, богатая жизнь, богатство, болото, большая, Борисоглебск, ВДНХ, великолепный город, герои-панфиловцы, город больших возможностей, город, где живёт любимый человек, город, где хочется жить, город юности, грязно, грязь, диссертационный зал, дорога, дыра, железнодорожный вокзал, жулики, задница, звезда, звонят колокола, институт, интересное, исторический центр внимания, Киев – Казань, колокола, кольцевая, Красный октябрь, кремлёвский полк, криминальный город, культура, купола, купчиха, лабиринт, любимый город – место жительства детей, любит деньги, люди, магазины – витрины, Макдоналдс, МГУ, много людей, мой брат – полковник, Москва – звонят колокола, москаль, Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось!, москвичи, муж Владимир, муж работает, муравейник, наша столица, не Россия, папа, паутина, подземка, показная роскошь, помойка, правительство, проживает президент, пусть процветает!, Путин, работа, Рим, ритм, Россия, рынки, рынок, самый ужасный город!, сброд, сердце, сердце Родины, сестра, сити, столица Родины, столица Российской Федерации, суетливый, тоска, традиция, транспорт, убийства, храм Христа Спасителя, царь Иван Грозный, центр, центр России, челноки, шум, юго-западный район 1.

Всего реакций – 159, единичных – 131. Отказов – 2.

По наблюдениям исследователей, любой концепт, независимо от его типа, имеет базовый чувственный образ, который кодирует концепт как мыслительную единицу УПК (Стернин 2001:58). Как показывают наши экспериментальные данные, концепт *Москва*, как и другие топонимы, не является исключением: существенная часть информации о Москве хранится в сознании носителей языка в образной форме, о чём свидетельствуют индивидуальные «чувственные» реакции, рисующие созданный при участии различных органов чувств образ Москвы как локально не маркированного пространства огромного города (*мегаполис* 9, *большой город* 2, *большая*), с витринами магазинов (*магазины-витрины*), большим количеством транспорта (*метро* 4, *кольцевая*, *подземка*, *транспорт*, *автомобильные пробки*). Городское пространство заполнено людьми (*люди*, *много людей*, *москвичи*, *москаль*, *челноки*), наполнено шумом (*шумный*, *звонят колокола*, *колокола*).

Самой яркой особенностью образного компонента Москвы является то, что образ представлен в сознании не как статичный, неподвижный, а как кинетический образ. Москва отмечена в сознании как город, в котором кипит жизнь (*суета* 5, *суетливый*, *ритм*, *муравейник*). Ср.: *муравейник* – о множестве хлопотливо снующих людей; *суета* – торопливое, беспорядочное движение, беготня, хлопоты (здесь и далее толкования приводятся по МАС).

Образ города, наполненного движением, представляется не случайным: сознание жителей небольшого провинциального города и тем более сельских жителей маркирует контрастные явления. Тишина, малолюдность,

отсутствие суэты как составляющие жизненного пространства провинции воспринимаются как обычные явления, на фоне которых оказываются отмеченными шум, суэты и особый жизненный ритм мегаполиса. Общее число реакций-образов – 36 (6,7%).

Кроме общей нелокализованной картины огромного города, в сознании представлены и индивидуальные зрительные образы – картинки, маркирующие вполне определённый конкретный локус, с которым у респондента ассоциируется Москва: реакции-наименования отдельных районов города (*центр, сити, юго-западный район*), конкретное ономастическое пространство (*ВДНХ, Лужники 3, Арбат 2, Красный октябрь*), архитектурный памятник или обычное учреждение, значимое для индивидуума (*храм Христа Спасителя, Макдоналдс* – новинка, отмеченная сознанием провинциального жителя). Таким образом, в массовом сознании представлена своеобразная «картинная галерея» индивидуальных зрительных образов-картинок. Безусловно, перцептивный индивидуальный опыт человека играет в формировании подобных образов важнейшую роль, закрепляя в сознании значимый для информанта индивидуальный зрительный образ, однако индивидуальные маркированные образы Москвы в эксперименте единичны (всего 12 реакций, или 2,2%). Экспериментальные данные позволяют говорить о сформированном в сознании носителей языка инвариантном зрительном образе Москвы, объективированном высокочастотными реакциями *Кремль* (89) и *Красная площадь* (62) и поддержанном низкочастотными и единичными ассоциатами (*площадь 6, площадь Красная 2, Мавзолей 4, красный 2, златоглавая 2, звезда, купола* – всего 169 реакций, почти 32% от общего числа).

Перечисленные ассоциаты свидетельствуют о наличии типизированного, стандартизованного образа – репрезентанта Москвы в сознании: Красной площади, на которой находится архитектурный ансамбль Московского Кремля и Мавзолей. Как известно, в условиях ассоциативного эксперимента только первая реакция не задана контекстом, а для каждой последующей реакции предыдущая выступает в роли стимула (Клименко, Супрун 1977:18). Отдельные испытуемые не могли выбрать одну реакцию и приводили две ассоциативно связанных реакции: *Кремль* и *Красная площадь*, *Красная площадь* и *Кремль*. Следует отметить, что высокочастотные реакции не регламентированы ни возрастом, ни профессиональной деятельностью испытуемых. Видимо, этот зрительный образ Москвы можно рассматривать как образ, «обработанный и признанный национальным сознанием» (Стернин 2005:9).

Вид Кремля и Красной площади является своего рода визитной карточкой современной Москвы. Знакомство со столицей для каждого российского жителя по сложившейся традиции начинается с исторического центра Москвы – с Красной площади и её архитектурного ансамбля (в не столь отдалённое время оно сопровождалось ритуальным посещением Мавзолея). Кроме личного опыта, на формирование стандартного зрительного образа столицы оказывает воздействие современная массовая

коммуникативная культура: вид Кремля мы постоянно видим на телезаставках новостных передач, в телесюжетах на политические темы, в видеоклипах. Определенную роль играют и историко-культурные традиции. Для старшего поколения россиян с изображения кремлёвской башни начинались кинохроники, с Красной площади транслировались парады и демонстрации в дни социалистических праздников. Кремль и Красная площадь – излюбленный фотографами и иллюстраторами массово тиражируемый вид Москвы.

Кроме базового чувственного образа, концепт *Москва* содержит несколько когнитивных слоёв, представляющих собой результаты различного индивидуального и группового осмысления концепта, итог познавательной, классификационной деятельности мышления человека. Москва осмыслена большинством респондентов, независимо от возраста, пола и профессии, как столица Российского государства, главный город страны, средоточие административно-политической жизни государства, исторический и культурный центр. Указанные когнитивные признаки выражены респондентами посредством высокочастотной реакции *столица* (172) и реакций, содержащих различные уточнители (*столица России* 6, *столица нашей Родины* 2, *столица родины*, *столица Российской Федерации*, *наша столица*, *центр России*). К этой же семантической зоне отнесены малочисленные единичные реакции – название государства (*Россия*), определение его статуса (*Родина* 4), реакции, конкретизирующие представление о Москве как резиденции органов власти, в том числе и персонифицированные (*правительство*, *проживает президент*, *Лужков* 2, *Путин*). Всего реакций этой когнитивной сферы – 194 (около 37%).

Следует отметить неоднозначность интерпретации отдельных реакций. Так, реакция *Кремль* может рассматриваться не только как образная, но и как наименование резиденции властных структур. Метонимическое употребление лексемы *Кремль* в значении «правительство» весьма продуктивно и частотно в современных СМИ. Можно полагать, что когнитивные слои концепта не имеют четких границ, расплывчаты и диффузны.

Два других когнитивных слоя, выделенные экспериментальным путём, отличаются значительно меньшей яркостью и относятся к периферийным слоям концепта *Москва*. Небольшое количество респондентов актуализирует Москву как место, связанное с областью профессиональной деятельности. Реакции *библиотека*, *диссертационный зал*, *институт*, *МГУ*, *работа* получены от преподавателей, ассоциаты *бизнес*, *Лужники* 3, *рынок*, *рынки*, *челноки* даны предпринимателями. Единичные реакции маркируют Москву как станцию назначения, транспортный узел (*дорога*, *железнодорожный вокзал*, *Борисоглебск*, *Киев – Казань*). Всего реакций этого когнитивного слоя 16 (3%).

Третий когнитивный слой представляет собой результат осмысления Москвы как места жительства или работы родных и близких респондентов. Представляется, что данный когнитивный слой занимает промежуточное

место между когнитивной информационной зоной и интерпретационным оценочным полем, поскольку Москва в подобных случаях осмысливается как своё, освоенное, а поэтому и личностное, положительно коннотированное пространство (*город, где живёт любимый человек, город юности, любимый город – место жительства детей, мой брат-полковник, муж Владимир, муж работает, мама 2, папа, сестра – 10 реакций*). Личностный характер приобретают отдельные реакции иной семантической сферы благодаря употреблению в сочетании с местоимением «наш» (*наша столица, столица нашей Родины*).

Крайнюю периферию информационно-понятийного поля концепта образует энциклопедическая информация географического характера (*река 3*) и историческое знание (*Ленин 3, третий Рим 3, Рим, герои-панфиловцы, купчиха, царь Иван Грозный – всего 10 реакций*). Не являются актуальными для современного носителя языка такие признаки Москвы, как её промышленный, экономический, научный потенциал.

Одной из важнейших структурных составляющих концепта является слабо структурированное интерпретационное поле, которое, в частности, содержит эмоционально-оценочные суждения о концепте, возникающие в процессе его осмысления. Концепт *Москва*, по данным эксперимента, имеет небольшое коннотационное поле с широким диапазоном оценки: от положительной до резко негативной. О положительных эмоциях и коннотациях свидетельствуют преимущественно единичные реакции – прямые номинации эмоций и положительных оценок (*любовь 2, любимый город 2, великолепный город*), реакции, отмечающие наличие таких духовных ценностей, как *культура, традиции*, а также материальных ценностей, весьма актуальных для человека в современном обществе (*деньги 2, любит деньги, богатство, богатая жизнь*).

Москва оценивается как город, в котором интересно жить, который постоянно, в силу особенностей истории, находится в центре внимания, в котором есть возможности для реализации личного потенциала (*город, где хочется жить, город больших возможностей, интересное, исторический центр внимания*). Реакция *матушка* демонстрирует почтительное, уважительное отношение к городу: матушка – достаточно широко известно в переносном употреблении как приложение к словам «земля», «Русь», «Волга». Отдельные реакции – суждения и цитаты – также могут интерпретироваться как несущие положительную коннотацию: *пусть процветает; Москва не Россия* (то есть живёт лучше, богаче?), *Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось!* Положительные оценочные реакции составляют около 4% от общего количества реакций. Близки к положительной оценочной зоне единичные номинации – метафоры *сердце, сердце Родины*, которые отражают результат когнитивных возможностей мышления человека обнаруживать связи между явлениями действительности и познавать новое через известное. Перифраза *сердце Родины* является устойчивой номинацией Москвы,

широко используемой в СМИ и позволяющей «в компактной форме выразить оценку» (Новиков 2004:220).

Среди отрицательных оценочных реакций, как и в группе положительных, отсутствуют частотные, однако единичные реакции, взятые в совокупности, позволяют говорить о наличии отрицательного оценочного поля. Отрицательное отношение к Москве эксплицировано посредством прямых номинаций отрицательных эмоций (*тоска*) и небольшого репертуара негативно-оценочных реакций, включающих и грубые (*самый ужасный город! болото, дыра, задница*). Отрицательные реакции характеризуют некоторые негативные общественные явления, типичные для крупного современного города (*беспорядок, криминальный город, убийства*), внешний облик города (*грязь, грязно, помойка*), резко отрицательные, грубые номинации людей (*жулики, москаль, сброд, чурки* 2). *Чурка*. 1. пренебрежит. Глупый, недалекий или умственно отсталый человек; 2. пренебрежит. Азиат, кавказец (Никитина 2003:810).

Отрицательную оценку получают отдельные явления, в которых трудно разобраться, а также несоответствие формы содержанию, отсутствие культуры (*деревня 2, лабиринт, показная роскошь*). Заметим, что некоторые негативно окрашенные реакции, демонстрирующие отрицательное отношение к столице, представляются не вполне справедливыми применительно к Москве, напротив, они обычно характеризуют провинцию в сравнении со столицей как центром духовной и культурной жизни и могут рассматриваться как проявление отрицательных эмоций. (Ср. системное значение слова *дыра* – глухой, удалённый от центров культуры город, село и т.п.; захолустье; *болото* – всё, что характеризуется косностью, застоем, отсутствием живой деятельности и инициативы). Любопытно, что респонденты – мужчины проявляют большую нетерпимость в оценке: 90% негативных оценочных ассоциаций дано мужчинами, и, напротив, положительную оценку Москве дают почти исключительно женщины, которые связывают со столицей перспективы в устройстве своей личной жизни, карьеры. В целом доля оценочных реакций, согласно данным эксперимента, составляет около 10%.

Вместе с тем Москва, являясь прецедентным именем, имеет длительную историю и традиции концептуального осмысления, как индивидуально авторского (*грибоедовская Москва, пушкинская Москва, Москва Гиляровского*), так и общенационального феномена русской культуры. Результаты концептуализации закреплены в обширном репертуаре паремий, анализ которых позволит, во-первых, проследить изменение информационного содержания и коннотаций, транслируемых русской культурой, во-вторых, дополнить содержание современного концепта *Москва*. К этому аспекту анализа лингвисты уже обращались (Захарченко 1998). Представляется перспективным изучение различных перифрастических наименований Москвы, активно используемых современными СМИ для формирования современного образа столицы, истоки которого лежат в истории русской культуры (Давыдова 1999).

Когнитивная интерпретация результатов свободного ассоциативного эксперимента даёт возможность смоделировать содержание и структуру концепта *Москва*: его ядро составляет стереотипный (реже индивидуальный) чувственный образ историко-культурного центра мегаполиса. Информационно-понятийное содержание концепта образуют три когнитивных слоя разной степени яркости. Неотъемлемой частью содержания концепта *Москва* является небольшое двуоценочное интерпретационное поле. Если топонимы как лингвистический феномен обладают яркой спецификой, то кодирование и хранение информации о топообъектах в сознании носителей языка осуществляется в виде тех же когнитивных структур, что и информация о денотатах, вербализованных нарицательными именами.

Давыдова О.А. Москва и другие её именованья на страницах современной периодики // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Международной конференции. Т.1. М., 1999.

Захарченко Е.Г. Астенимы в составе русских паремий // Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции. Т.1. М., 1998.

Клименко А.П., Супрун А.Е. Ассоциативный эксперимент в ряду других методов семантических исследований // Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 1977.

Никитина Т.Г. Молодёжный сленг: Толковый словарь. М., 2003.

Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка. М., 2004.

Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические приёмы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.

Стернин И.А. Концепт и значение: какому виду сознания они принадлежат? // Язык и национальное сознание. Вып. 7. Воронеж, 2005.

Э.Р. Мамлеева

К изучению лексико-фразеологического поля, объективирующего концепт *волшебство*

Основная категория когнитивной лингвистики – концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это даёт большой простор для ее толкования (Попова, Стернин 2001). Один из приёмов изучения языковой номинации концепта – построение лексико-фразеологического поля, объективирующего концепт в языке, включающего в свой состав лексические и фразеологические единицы (Стернин 2004).

Данное исследование отражает начальный этап исследования концепта *волшебство* в русской концептосфере.

Изучение ЛФП проводилось с использованием метода сплошной выборки из «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (СПб., 2004), а также «Толкового словаря современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» под ред. Г.Н. Складневской (М., 2001).

В исследуемом словаре *волшебство* толкуется следующим образом: 1. В сказках: действие (действия) волшебника; колдовство. Всё исчезло, как по волшебству. 2. Обычно мн.: волшебства. Волшебные превращения; чудеса. 3. Чарующие действие кого-, чего-либо; очарование. Волшебство искусства.

В словаре представлены также многочисленные другие лексические и фразеологические единицы, вербализующие разные стороны концепта *волшебство*, которые нами были систематизированы в следующие группы (внутри групп имеются дополнительные подгруппы): наименования лиц, занимающихся волшебством; наименования признаков предметов или лиц, связанных с волшебством; общие наименования, отражающие совокупность действий волшебства; наименование действий, совершаемых в ходе волшебства. При этом многие единицы могут входить одновременно в разные подгруппы.

1. Наименование лиц, занимающихся волшебством.

Человек, связанный с волшебством и умеющий творить волшебство: *ворожее, ведьма, ведьмочка, ведун, ведунья, волшебник, волшебница, гадалка, колдун, колдунья, маг, чародейка, чародей, чудодей, шаман, шаманка, мистик, мистификатор, чернокнижник, эзотерик, медиум, экстрасенс, спирит, спиритка, фея.*

Представляется возможным в рамках вышеуказанной группы выделить следующие подгруппы:

а) человек, связанный с волшебством в традиционно-народном понимании: *ворожее, ведьма, чародей, чернокнижник, гадалка, шаман, шаманка;*

б) человек, творящий волшебство с квазинаучной точки зрения: *эзотерик, экстрасенс, медиум, спирит, спиритка, ясновидец, ясновидящий, ясновидица, ясновидящая;*

Номинации (в том числе и составные) лиц, творящих волшебство, можно разделить по признаку «добродетельные поступки, совершаемые людьми, связанными с волшебством» и «негативные поступки, совершаемые людьми, связанными с волшебством»:

(+) *добрая волшебница/волшебник, фея, ворожее, белый маг;*

(-) *злая волшебница/волшебник, колдун, ведьма, чернокнижник.*

Лица только женского или только мужского пола, связанные с волшебством и умеющие творить волшебство (разделение по гендерному признаку):

(ж) *ворожее, ведьма, ведьмочка, гадалка, фея;*

(м) *маг, мистик, мистификатор, эзотерик, медиум, экстрасенс, чернокнижник.*

Следует отметить, что в некоторых из вышеуказанных лексем развиваются иные коннотативные семемы по признакам «человек по внешнему виду и поступкам», которые не связаны с волшебством: *ведьма* (безобразная, злая женщина), *чудодей* (чудаковатый человек).

2. Наименование признаков предметов или лиц, связанных с волшебством.

Признак, отражающий отношение к лицу: *шаманская* (походка), *шаманья* (шуба), *ведьмаческие* (глаза), *ведьминский* (наряд), *медиумический* (язык), *таинственный* (голос).

Признак, отражающий волшебное действие: *волшебный* (напиток), *колдовское* (зелье), *шаманские* (заклинания), *эзотерическая* (астрология), *магические* (действия), *фантастические* (видения), *фантастичные* (образы), *чудодейственный* (средство), *тайный* (обряд), *таинственные* (письмена), *медиумические* (способности), *спиритический* (ритуал), *сказочные* (превращения), *чернокнижный* (язык).

3. Общие наименования, отражающие совокупность действий волшебства.

Религиозно-священное действие: *таинство* (обряд внутри религии), *шаманизм* (форма религии), *шаманство* (форма религии), *магия* (совокупность приёмов).

Волшебное действие в традиционно-народном понимании: *ворожба*, *волшебство*, *колдовство*, *чародейство*, *чудодейство*, *ведьмачество*.

Квазинаучные действия: *медиумизм*, *спиритизм*, *ясновидение*, *экстрасенсорика*, *эзотерика*.

Номинации действий, в том числе и составные, позволяют различить позитивную и негативную направленность волшебства:

(+) (*белая*) *магия*, *ворожба*, *волшебство*, *чародейство*, *чудодейство*;

(-) (*чёрная*) *магия*, *колдовство*, *чернокнижие*, *ведьмачество*.

4. Наименование действий, совершаемых в ходе волшебства.

В эту группу входят: *ведьмачить*, *чародействовать*, *чудодействовать*, *шаманить*, *колдовать*, *ворожить*, *совершать волшебство*, *показывать волшебство*, *заниматься эзотерикой*, *совершать магические (обряды)*, *заниматься спиритизмом*.

Некоторые лексемы развивают коннотативные семемы, не связанные с волшебством:

волшебник — о человеке, очаровывающем кого-либо своим умом или знаниями;

колдовать — делать какое-либо дело сосредоточенно и со значительным видом (колдовать у плиты);

маг — о человеке, являющемся большим мастером своего дела (он маг изобретательства);

магический — необыкновенный по силе воздействия на кого-либо, чудодейственный (речь оказала магическое действие на слушателей);

магия — необыкновенная сила воздействия на кого-либо (магия таланта писателя);

чародей – чарующий, пленяющий чем-либо человек (истинный чародей слова);

чародейство – чарующая сила чего-либо (чародейство музыки);

чародействовать – оказывать чарующее, пленяющее воздействие на кого-либо (пение чародействовало в зале).

Представленность собственно фразеологизмов в исследуемом поле невелика. Можем отметить следующие ФЕ:

маг и волшебник – *тот, кто делает всё необыкновенно легко и быстро*;

кому-то бабушка ворожит – *о том, кому очень везёт*;

волшебная палочка – *кто-то или что-то является помощью для других*;

охота за ведьмами (на ведьм) – *организованное преследование кого-либо или какой-то группы людей*.

Первоначальный анализ лексико-фразеологического поля, представляющего концепт волшебство в языке, показал, что волшебными могут быть люди, связанные и умеющие творить волшебство, и наименования, отражающие совокупность действий. Здесь необходимо отметить, что существуют две точки зрения: традиционно-народная и квазинаучная; по признакам, отражающим как отношение к лицу, так и к самому действию, можно судить об особой походке, наряде, языке и о других атрибутах, присущих таким людям; более того, волшебство, как и люди, творящие его, может быть добрым и злым. Некоторые лексемы развивают коннотативные семемы, что позволяет выделить в концепте дополнительные признаки.

В русском национальном понимании волшебство тесно связано с религиозными действиями и явлениями, нашедшими отражение в фольклоре, тогда как признаки волшебства из квазинаук входят в этот концепт в настоящее время благодаря средствам массовой информации.

Таковы основные компоненты концепта волшебство в русской концептосфере по данным его лексико-фразеологической объективации.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2004.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2002.

Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 65-69. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н. Складневской. М., 2001.

Фразеологическая объективация концепта *семья* в русском языке

Семантическое пространство, обслуживаемое лексикой и фразеологией, неразрывно. Изучение фразеологических единиц позволяет расширить представления о концептосфере народа. В данной работе анализ фразеологизмов (134 единицы) позволил выделить большое количество когнитивных признаков концепта *семья*.

Для анализа были выбраны те фразеологические единицы, которые характеризуют членов семьи. Проведена когнитивная интерпретация семантики выделенных фразеологических единиц в соответствии с методикой когнитивной интерпретации З.Д. Поповой и И.А. Стернина (Попова, Стернин 2003).

Отец, мать

1. Самые близкие человеку люди (1,5%)

Продаст и отца и мать кто (прост., презр.) – о хищном, алчном, коварном человеке.

Родного отца (мать, брата) не пожалеет (не пощадит) – о жестоком, безжалостном человеке.

2. Мать балует детей (3,7%)

Маменькин сынок (разг., пренебр.) – изнеженный, избалованный мальчик

Маменькина дочка (разг., пренебр.) – изнеженная, избалованная девушка.

Мамин хвостик (разг., шутол.) – боязливый ребенок, ни на шаг не отходящий от матери.

Мамкин сын (прост., ирон.) – избалованный, изнеженный мальчик или молодой человек.

Матушкин сынок (прост., ирон.) – избалованный, изнеженный мальчик или молодой человек.

3. Мать начинает оказывать влияние на ребенка в раннем детстве (0,7%)

Впитывать/впитать (всасывать) с молоком матери что (экспрес.) – усваивать, воспринимать какие-л. мысли, сведения, правила, нормы поведения и т.д.

4. Батюшка – форма обращения к постороннему человеку (1,5%)

Мой батюшка (устар.) – в речевом этикете: форма фамильярно-ласкового обращения к мужчине.

Сударь-батюшка (устар.) – почтительное обращение к мужчине.

5. Отец больше знает, лучше умеет все делать (0,7%)

Лезть поперед батьки (прост., экспрес.) – стараться, стремиться сделать что-либо первым, раньше того, кто больше заслуживает, имеет больше оснований.

6. Отец главный в семье (0,7%)

Отец семейства – мужчина, имеющий семью, детей; глава семьи.

Сын, дочь

1. Сын – наследник (1,5%)

Сын (помок) Адама (устар.) – о человеке.

Сын земли (книжн., высок.) – о человеке.

2. На ребенка оказывает влияние атмосфера, в которой он рос (0,7%)

Сын своего времени (века) (книжн.) – человек, на котором отразились отличительные черты его современности.

Дети

1. Дети отличаются спокойствием, безмятежностью (2,2%)

Спать как младенец – спокойно и безмятежно спать.

Спать как новорожденный – спокойно и безмятежно спать.

Спать как ребенок – спокойно и безмятежно спать.

2. Дети нуждаются в помощи (0,7%)

Хуже малого ребенка – о совершенно беспомощном человеке.

3. Дети несмышленные, не имеют необходимого жизненного опыта (4,5%)

Как дитя малое (неодобр.) – о наивном, бестолковом, глупом человеке.

Материно (материнское) молоко на губах не обсохло у кого (прост.) – кто-либо совсем молод и неопытен.

Молоко материнское на губах у кого (прост., пренебр.) – об очень молодом, неопытном человеке.

Молоко на губах не обсохло (прост., пренебр.) – об очень молодом, неопытном человеке.

Совсем еще дети кто (разг., экспрес.) – крайне наивны, легкомысленны (обычно о молодых людях).

Хуже малого дитяти (неодобр.) – о наивном, бестолковом, глупом человеке.

4. Дети моложе своих родителей (1,5%)

В дочери годится кому – о девушке или женщине, которая гораздо моложе кого-л.

В сыновья годится кому – о мужчине, который гораздо моложе кого-л.

5. Дети не имеют провинностей (0,7%)

Невинный как дитя (книжн.) – о невинном человеке.

6. Дети нуждаются в материальном обеспечении со стороны взрослых (1,5%)

Детишкам на молочишко (шутл.) – о небольшом количестве денег.

Ребятишкам на молочишко (шутл.) – очень немного (получать, зарабатывать и т.п.) – о ничтожно малых деньгах, доходах.

7. Забота о детях сближает (0,7%)

Не детей крестить с кем – о чужом человеке, с которым нет и не предвидится близких отношений.

8. Ребенок зависит от матери (0,7%)

Держаться за мамкину юбку (прост., ирон. и шутл.)

9. Дети нуждаются в защите (0,7%)

Избиение младенцев (ирон.) – жестокая, массовая расправа над беззащитными, неопытными и т.п. людьми; применение строгих мер по отношению ко многим.

10. Ребенок – высшая ценность (0,7%)

Выплескивать/выплеснуть вместе с водой (из ванны) и ребенка (книжн.) – исправляя какую-л. ошибку, искореняя какое-л. зло, уничтожать и что-л. полезное.

11. Дети могут уйти из семьи (2,2%)

Отрезанный ломоть (разг., неодобр.) – о том, кто отошел от семьи, от дома (о дочери, сыне).

На крыло (экспрес.) – став взрослым и самостоятельным, уехать из родного дома.

Блудный сын (разг., неодобр.).

12. В семье дети могут быть разного возраста и количества (3 %)

Мал-мала меньше – о большом количестве детей разного возраста.

Не семеро по лавкам у кого (прост., экспрес.) – не очень много маленьких детей у кого-либо.

Один меньше другого – о нескольких маленьких детях.

Титечный ребенок (прост.) – маленький ребенок.

Брат, сестра

Братья и сестры находятся в единомыслии друг с другом, имеют одинаковый образ жизни (14,2%)

Брат во Христе – 1. (устар.) единоведец-христианин; 2. (ирон., шутл.) единомышленник.

Брат-кондрат (прост., шутл.) – человек равный по положению, одного и того же мировоззрения.

Братья меньшие (устар.) – бедняки, неимущие.

Братья по оружию – бойцы по отношению друг к другу.

Братья по перу (книжн.) – писатели по отношению друг к другу.

Ваш брат (разг.) – вы и вам подобные.

Ваша братия (разг.) – вы и вам подобные.

Крестовый брат (устар.) – человек, с которым заключен союз на вечную дружбу, закрепленную обменом нательными крестами.

Меньшая братия (устар., прост.) – о людях сравнительного невысокого общественного положения.

На брата (прост.) – каждому, на каждого.

Названный брат (устар.) – человек, с которым заключен союз на вечную дружбу, закрепленную обменом нательными крестами.

Наш брат – мы и нам подобные.

Не свой брат что (разг.) – о чем-л. враждебном, тяжелом, жестоком.

Нищая братия (устар., прост.) – 1.(доревол., пренебр.) неимущие, бедные слои населения; 2. нищие.

Свой брат – человек, равный по положению, одного и того же мировоззрения и т.п.; единомышленник, близкий друг.

Святая братия (устар.) – монахи, инок.

Сам черт не брат кому – о том, кто держит себя крайне независимо, кто никого не боится.

Ваша сестра – вы и вам подобные женщины; все вы, женщины.

Наша сестра – мы и нам подобные женщины; все мы, женщины.

Бабушка

1. Бабушки распространяют недостоверную информацию (2,2%)

Бабушка (еще) надвое гадала – неизвестно еще, будет так или нет, удастся ли, осуществится ли.

Бабушкины сказки (разг., пренебр.) – вымысел, выдумки, небылицы.

Бабы сказки (шутл.-ирон. или пренебр.) – то, что совершенно неправдоподобно, не соответствует действительности.

2. Бабушки доверчивы (0,7%)

Рассказывай это (своей) бабушке (кому другому) – это невероятно, этого не может быть.

3. Бабушка воспринимается как старый человек, который должен скоро умереть (0,7%)

Старуха (бабушка, курносая) с косой (устар.) – персонифицированный образ смерти.

4. Бабушки гадают (0,7%)

Бабушка ворожит кому – все удастся, дается легко.

Дедушка

Дедушка ни от кого не зависит, уверен в себе (0,7%)

Сам себе дедушка (мол., одобр.) – о человеке, который уверен в себе и не нуждается ни в чьих рекомендациях.

Родственники

Родственники являются единомышленниками (2,2%)

Ни кум, ни сват кто (прост.) – совершенно чужой; кто-л., с кем нет ничего общего.

Ни сват, ни брат кто (прост.) – совершенно чужой; кто-л., с кем нет ничего общего.

Родственная душа (разг., экспрес.) – человек, близкий по духу, по убеждениям кому-л.

2. Родственники могут быть близкими и дальними (8,2%)

Ваш поп нашему попу двоюродный священник (нар. шутл. или ирон.) – о дальних родственниках.

Двоюродный кисель на троюродной воде (нар. шутл. или ирон.) – очень дальний родственник.

До седьмого (десятого) колена (устар., прост.) – об отдаленной степени родства, о самых отдаленных предках или потомках.

На восьмой воде кто (прост., экспрес.) – дальний родственник.

На одном солнышке онучи (портянки) сушили (нар. шутл. или ирон.) – о дальних родственниках.

Нашему забору троюродный плетень (нар. шутл. или ирон.) – очень дальний родственник.

Нашему слесарю двоюродный кузен (нар. шутл. или ирон.) – очень дальний родственник.

Одной крови с кем – о ближней родне.

Родная (своя) кровь – о ближней родне.

С боку кому (устар., прост.) – в отдаленном родстве.

Седьмая (десятая) вода на киселе (шутл. или ирон. разг., пренебр.) – очень дальний родственник.

Дядя

Дядя – далекий, посторонний человек (0,7%)

На чужого дядю (прост., неодобр.) – ради выгоды другого.

Семья

В семье есть главный кормилец (1,5%)

Опора семьи – тот, кто кормит, дает пропитание семье; глава семьи.

Жена

1. Жена – помощница мужу, всегда рядом с ним (2,2%)

Подруга жизни – жена, супруга.

Спутница жизни (высок.) – жена.

Старая боевая лошадь (жрр., ирон.) – жена.

2. Жена может быть строгой (0,7%)

Ежовая маруха (неодобр.) – строгая жена.

3. Совместная жизнь мужа и жены основана на брачных отношениях (0,7%)

Законная половина (разг., шутл.) – жена.

Муж

1. Муж – помощник жене, всегда рядом с ней (0,7%)

Спутник жизни (книжн., высок.) – супруг, муж.

2. Муж может жестоко относиться к жене (0,7%)

Карась бушкатый (угол.) – человек, осужденный за постоянные истязания жены.

3. Муж – глава семьи (0,7%)

Супруг и повелитель (разг., шутл.) – муж.

4. Муж подчиняется жене (6%)

Быть (находиться) под башмаком чьим у кого (ирон.) – находиться в полной зависимости, абсолютном подчинении своей супруги.

Быть (находиться) под каблуком чьим у кого (ирон.) – находиться в полной зависимости, абсолютном подчинении своей супруги.

Быть (находиться) под колпаком чьим у кого (устар., прост., ирон.) – находиться в полной зависимости, абсолютном подчинении своей супруги.

Держать под каблуком (каблучком) чьим, у кого – в полной зависимости, беспрекословном подчинении (быть, находиться и т.п.), обычно о зависимости мужа от жены.

Под башмаком кого, чьим, у кого – в полной зависимости, беспрекословном подчинении (быть, находиться и т.п.) обычно о зависимости мужа от жены.

Попадать/попасть под башмак чей, кого (ирон.) – попадать в полную зависимость, абсолютное подчинение своей супруги.

Попадать/попасть под каблук чей, кого (ирон.) – попадать в полную зависимость, абсолютное подчинение своей супруги.

Попадать/попасть под колпак чей, кого (устар., прост., ирон.) – попадать в полную зависимость, абсолютное подчинение своей супруги.

Подводя итог, отметим, что концепт *семья* является по своему когнитивному характеру композитивным, то есть представляет собой «определенную композицию (упорядоченную совокупность) ряда других однотипных концептов» – термин О.С. Фисенко (Фисенко 2005:6), и как таковой, имеет в русском языке богатую фразеологическую объективацию своих композитивных составляющих – концептов, его образующих. Когнитивная интерпретация значений фразеологизмов позволяет выявить большое количество когнитивных признаков концепта *семья*, получивших в русском языке фразеологическую объективацию. Данные признаки войдут в описание концепта *семья* при его моделировании после получения данных о содержании концепта из других источников – анализа семантики номинативных единиц, анализа паремий, художественных текстов, экспериментальных процедур.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2003.

Фисенко О.С. Концепт *гроза* в русском языковом сознании. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Воронеж, 2005.

Бирих А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Ростов-на-Дону, 1996.

Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М., 1987.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1983.

Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв. М., 1995.

Фразеологический словарь русского языка. М., 1978.

С.С. Катуков

Номинативное поле концепта *брань* и моделирование содержания концепта

Концепт *брань* в русском языке объективируется посредством лексических, фразеологических, паремиологических единиц, а также в художественном тексте в составе предложения или нескольких предложений. Лексико-фразеологические средства объективации концепта представлены 84 единицами, фразеологические – 24, паремиологические – 85, примеров объективации концепта в художественном тексте – 104.

Лексико-фразеологическое номинативное поле концепта включает:

ядро – *ругаться, ругать, брань, лаять*;

ближняя периферия – *кричать, орать, послать, брехать, крыть, хлестать, обложить, честить, обрывать, разносить, гавкать, ругательство, браниться, мат, бранить, поносить, всыпать, материться, распатронивать*;

дальняя периферия – *разделявать, хаять, царапаться, изрыгать, сквернословить, песочить, материцина, ругань, хулить, лаяться, наброситься нырять*;

крайняя периферия – *сквернословие, материть, базариться, нецензурщина, грызться, раздраконивать, пушить, распекать, распыживать, сволочить, сволочиться, свариться, собачиться, базарная брань, крыть матом, поливать руганью, площадная брань, послать куда следует, послать к чертовой бабушке, послать к чертям собачьим, ругательски ругать, цапаться, крепкое словцо (слово), мылить голову, начистить пряжку, накрутить хвост (хвоста), намылить холку, нецензурная брань, обливать грязью, послать, распустить глотку (губы), расстегнуть рот, продрать с песком, устраивать баню, утюжить, ароваться, вздряниться, ягать, щекотать, чихвостить, чередить, хинить, хазить, хайлить, тазать, счувать, сугонять, скилиться, ротить, репенить, отглаживать, опевать, кропотать, опсовать, окусываться, кухнать, забранка, кастить, котоситься, добранка, лезжать, окаркивать, расплевывать, охальство, руготня, ругня, чертыхаться, чертоположить, грызть голову, отрыгнуть слово, метать икру, мылить шею, черное слово.*

Зафиксировано 104 примера объективации концепта *брань* в художественной литературе, данные примеры позволили выявить 70 когнитивных признаков. Наиболее часто актуализируется когнитивный признак «нецензурная» (13,1% от общего числа употреблений), наименее употребительны

в художественной концептосфере признаки: «служит для выражения взаимного недовольства», «используется в споре», «используется как вид общения с определенным лицом (кругом лиц)», «является средством эмоциональной разрядки», «выражает разногласия» и др.

Наиболее ярко представлена крайняя периферия (72 примера – 50,8% от общего количества употреблений), ядро имеет только 13,1% (17 примеров). Наибольшую частотность актуализации обнаруживают лексические единицы, которые обозначают грубую эмоциональную негативную характеристику собеседника, третьего лица, предмета или ситуации – 51 пример, которые характеризуют *брань* как совокупность грубых неодобрительных эмоциональных слов и выражений – 38 примеров объективации, наименования взаимного эмоционального обмена грубыми интенсивными негативными характеристиками – 24.

В паремиологической зоне концепта *брань* выделяется 63 когнитивных признака (85 примеров паремий). Паремиологическая зона является самой крупной зоной средств объективации концепта. Наиболее частую актуализацию имеет когнитивный признак «не причиняет вреда» (6% от общего числа употреблений), наименьшую – «неизбежна», «замедляет дело», «с родственниками легче мириться, чем с чужими людьми», «все равно завершается миром», «допускает примирение», «может быть опасна между некровными родственниками» и др.

В целом номинативное поле концепта *брань* включает 297 объективирующих единиц (лексические, фразеологические, паремиологические единицы, примеры из художественных текстов), которые объективируют 131 когнитивный признак. При этом на лексико-фразеологическую объективацию приходится 27,8% от общего числа объективирующих единиц, художественный текст составляет 36,7%, паремиологическая зона – 32,5% единиц.

Применительно к содержанию концепта ядерные когнитивные признаки объективированы 5,2% общего числа употреблений, ближнепериферийные – 10,6%, входящие в дальнюю периферию – 31,2%, входящие в крайнюю периферию – 42,9%.

В ядре концепта наиболее яркими являются признаки «выражение негативных эмоций», «выражение негативной оценки объекта брани», «интенсивная», «нецензурная», «использование грубых слов».

В.М. Каменская

Концепт *труд* в русской зооморфной пословице

Возникновение когнитивной лингвистики привело к широкому использованию в лингвистических исследованиях термина «концепт». Исследования, развернувшиеся в области когнитивной лингвистики, демонстрируют большой разницей в понимании самого термина

«концепт». Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным мы исходим из признания того факта, что человек мыслит концептами, комбинируя их и осуществляя в рамках концептов и их сочетаний глубинные предикации, формируя новые концепты в ходе мышления. Мышление есть оперирование концептами как глобальными единицами структурированного знания.

Согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину, «концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека из его непосредственного чувственного опыта, из его предметной деятельности из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами, из языкового общения человека, из самостоятельного познания значений языковых единиц, усваиваемых человеком» (Попова, Стернин 1999:3). Язык является лишь одним из способов формирования концептов в сознании человека. Слово своим значением всегда представляет, репрезентирует в языке лишь часть концепта. Тем не менее получить доступ к концепту лучше всего через средства языка.

Важной теоретической проблемой является проблема национальной специфики концептов. Именно поэтому мы обратились к пословицам, которые наиболее ярко отражают национальную сущность народа. Вслед за Далем под пословицей понимается «коротенькая притча, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности» (Даль 1984:13).

Изучая пословицы русского народа, мы обратили внимание на широкое использование в них зооморфизмов. Заметим, что в лингвистической литературе принято различать зоонимы и зооморфизмы. Под первыми понимаются лексические единицы, являющиеся прямыми наименованиями животных, под вторыми – переносное употребление наименований животных с целью создания образной характеристики человека (см. подробнее: Тон Куанг Кыонг 1996). Исследователи метафоры, в частности Г.Н. Складерская, говорят о том, что для описания человека наиболее типичными являются метафоры, в основе которых лежат образы реальных флоры и фауны (Складерская 1993:69).

Как правило, наблюдается два вида сравнения человека с животным – так называемое «явное» сравнение – с использованием союза *как* или прямого указания на человека, и «скрытое».

Использование зооморфизмов обычно связано с выделением наиболее характерного для того или иного животного свойства и его последующим переносом на человека. В данной статье мы остановимся на отражении концепта *труд* в русских зооморфных пословицах.

В русском языке существует большое количество слов с корневыми морфемами *труд-*, что несомненно свидетельствует о ценности данного концепта в лингвистике. Согласно Т.В. Гонновой, интерпретация словарных статей, эксплицирующих отношение носителей русского языкового коллектива к концепту *труд*, позволяет прийти к выводу, что труд в российском социуме ассоциируется со способом заработка на жизнь, с жизненными хлопотами, заботами и трудностями. Следует

отметить тот факт, что в энциклопедических источниках, по сравнению с толковыми, определениям слова *труд* даны более объемные характеристики: четко указаны составляющие понятия «труд» – человек как субъект труда, предметы и орудия труда, мотивация и цели выполняющего определенные функции человека; труд выражен как концепт, включающий исключительно понятийную часть; в толковых словарях содержатся образный, понятийный, ценностный компоненты концепта *труд* (Гоннова 2005).

Лексемы, выражающие в русском языке признак отношения к труду, могут положительно или отрицательно характеризовать лицо, совершающее трудовые действия, а также сам труд. В пословицах и поговорках, содержащих признак отношения к труду, отражена система ценностей, существующая в обществе. К ним относится положительное оценивание труда с соответствующей мотивировкой. Преимущественно положительное отношение к труду, к готовности человека много, продуктивно и качественно работать в пословицах и поговорках закономерно в силу созидательности труда. Вместе с тем в некоторых поговорках работа квалифицируется отрицательно, особенно ее большой объем, трудность выполнения.

Интерпретация концепта *труд* связана со многими понятиями, такими как бедность, здоровье, общественная польза, причинение вреда, воспитание, наказание, мораль и др. В русских пословицах с использованием зооморфизмов для выражения концепта *труд* используются имена различных животных (диких и домашних), а также птиц и насекомых. Положительное отношение к труду передают такие насекомые, как *пчела*, *муравей*. Мы полагаем, это объясняется характером их жизнедеятельности. Следует отметить множественные факты использования уменьшительно-ласкательных суффиксов, что усиливает положительную коннотацию: *пчелка моя, работать как пчелка, трудиться как муравейчик, муравей не велик, а горы копает*. Однако при сравнении вышеуказанных зооморфизмов между собой наблюдается усиление положительной коннотации в зооморфизме *пчела*: *муравей не по себе ношу тащит, да никто спасибо ему не молвит; а пчела по искорке носит, да богу и людям угождает*. Положительная коннотация зооморфизма *пчела* сформировалась много десятилетий тому назад, о чем свидетельствует употребление этого зооморфизма в пословицах и поговорках с устаревшими лексемами: *пчела трудится – для боженьки свеча пригодится, не на себя пчелонька работает*.

Следует отметить тот факт, что зооморфизмы в русской пословице передают не только положительное отношение к труду, но и высмеивают такие понятия, как лень, праздность, безделье, ничегонеделание, для чего наблюдается использование наименований насекомых, а также домашних животных: *От нечего делать и таракан на полати лезет. И козлу недосуг: надо лошадей на водопой провожать. Он служит за козла на конюшне. Кляча воду возит, а козел бородкой потряхивает*. Также

прослеживается нехотение совершения какого-либо действия совмещенное с желанием получения чего-либо. *Лакома кошка до рыбки, да воду лезть не хочется. Пошел бы журавль в мерзички, так не берут, а в молотильники не хочется.* В русской пословице с помощью зооморфизмов высмеиваются такие качества, как нежелание рано вставать (т.е. лень), спесивость, нежелание трудиться: *Ранняя птичка носок прочищает, а поздняя глаза продирает. Ретивому коню тот же корм, а работы вдвое. На ретивую лошадку не кнут, а вожжи. Ретивая лошадка недолго живет.* Однако нами была встречена положительная характеристика лени в противопоставлении ее чрезмерной спесивости. *Лошадка с ленцой хозяина бережет.*

Обращает на себя факт использования сказочных персонажей с положительной коннотацией отношения к труду: *Люблю сивка за обычай: кряхтит да везет. Умыкали бурку крутые горки. Укачали сивку-бурку крутые горки.* В русской пословице подчеркивается тот факт, что каждому необходимо выполнять свою работу. *У кобылки семеро жеребят, а хомута не миновала. Сколько кобылка жеребят ни рожала, а хомута не миновала.*

Русская зооморфная пословица выступает как яркое средство языковой объективации концепта *труд*.

Гоннова Т.В. Труд // Антология концептов: Сб. в 2-х т. Волгоград, 2005.

Даль В.И. Пословицы русского народа: Сб. в 2-х т. М., 1984.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999.

Скляревская Г.Н., Шмелев Д.Н. Метафора в системе языка. М., 1993.

Тон Куанг Кыонг. Системно-структурная организация зооморфизмов русского языка: Автореф. канд. дисс... филол наук. Воронеж, 1996.

М.В. Шаманова

Гендерная специфика категории *общение* (по данным свободного ассоциативного эксперимента)

Одна из задач в исследовании ментальной категории – выявление содержания данной категории в сознании носителей языка разных возрастных, гендерных, социальных, территориальных групп. С целью определения содержания категории *общение* в гендерных концептосферах мы использовали методику свободного ассоциативного эксперимента.

Испытуемым предлагалась инструкция:

«Просим Вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Мы изучаем, какие ассоциации вызывают те или иные слова. Пожалуйста, прочитайте предлагаемый список слов и около каждого напишите первое слово, которое придет Вам в голову. Работайте быстро, не раздумывайте

долго. Если ни одно слово не приходит, ставьте прочерк. Просим Вас не вносить никаких изменений в свои ответы.

Просим указать свои данные: пол, возраст, кем работаете, место жительства».

Список слов: *поражение, поведение, удивление, кактус, грубость, образование, общение, анекдот, высота, рассвет, вежливость, помощник, внешность, атлет, занятие.*

В эксперименте приняло участие 597 человек, из них 290 мужчин, 307 женщин.

При обработке экспериментальных данных методом их когнитивной интерпретации семантически сходные ассоциаты рассматривались как ассоциативная репрезентация одного и того же когнитивного признака (например, ассоциаты *люди 33, человек 11, с людьми 6, людей 3, с человеком 3, между людьми 1* обобщаются как репрезентация когнитивного признака *люди с суммарной частотой 57*).

Результаты эксперимента

Общение – *разговор 209, друзья 64, люди 57, дружба 25, контакт 21, радость, речь 19, встреча, удовольствие 8, приятное 7, коллектив 6, деловое, знакомство, информация 5, веселое, интерес, культура, с детьми 4, болтовня, группа людей, коммуникабельность, компания, необходимость, собеседник, школа 3, взаимопонимание, два человека, девушка, дружеское, животные, круг, любовь, общество, работа, семья, телефон, усталость 2, бабки, близость, в рамках дозволенного, вместе, гости, дебаты, доброта, досуг, желание, жена, замкнутость, искусство, клуб, клятва, легкое, личное, мама, мнение, народ, пение, поведение, повод для выпивки, посиделки, привет, прикосновение, проведение времени, прощение, прямое, равноправное, разное, разум, рассказ, рассуждение, роскошь, ругань, руки, рынок, сближает, собрание, тема, темное, тепло, тоска, учитель, чтение, широкое, эмоции 1.*

Далее мы выделили смысловые зоны ассоциативного поля, которые интерпретируются как когнитивные классификаторы категории *общение*:

Виды 209: *разговор 209.*

Участники 140: *друзья 64, люди 57, с детьми 4, собеседник 3, девушка, животные, общество 2, бабки, гости, жена, мама, народ, учитель 1.*

Эмоция 36: *радость 19, удовольствие 8, веселое 4, усталость 2, тепло, тоска, эмоции 1.*

Выражаемые взаимоотношения 32: *дружба 25, взаимопонимание, любовь 2, близость, равноправное, тесное 1.*

Назначение 28: *контакт 21, знакомство 5, времяпрепровождение, повод для выпивки 1.*

Используемые средства 22: *речь 19, телефон 2, прикосновение 1.*

Место протекания 22: *коллектив 6, компания, школа 3, работа, семья 2, досуг, клуб, пение, посиделки, рынок, собрание 1.*

Познавательная ценность 9: *информация 5, интерес 4.*

Оценка 8: *приятное 7, роскошь 1.*

Форма 8: *встреча 8.*

Состав участников 8: *группа людей 3, два человека, круг 2, широкое 1.*

Типы 7: *деловое 5, дружеское 2.*

Требуемые качества личности 5: *коммуникабельность 3, доброта, замкнутость 1.*

Культурный уровень 5: *культура 4, искусство 1.*

Потребность 4: *необходимость 3, желание 1.*

Содержание 4: *клятва, мнение, привет, прощение 1.*

Характер протекания 4: *дебаты, легкое, разное, ругань 1.*

Степень открытости 3: *в рамках дозволенного, личное, прямое 1.*

Ценность информации 3: *болтовня 3.*

Жанровое оформление 2: *рассказ, рассуждение 1.*

В рамках когнитивных классификаторов были выделены когнитивные признаки, составляющие категорию *общение*, которые мы распределили по зонам ядра и периферии с учетом критерия яркости признака.

Ядро концепта: представляет собой разговор 209, наличие партнеров – людей 138.

Ближняя периферия: доставляет удовольствие 31, установление дружеских взаимоотношений 25, установление контакта 21, используются вербальные средства передачи информации 19.

Дальняя периферия: протекает в коллективе 9, предполагает встречу собеседников 8, может быть приятным 7, протекает на работе и в школе 6, дает человеку информацию, предполагает знакомство, может быть деловым, протекает в группе 5.

Крайняя периферия: в свободное время, вызывает интерес, имеет высокий культурный уровень 4, проявление коммуникабельности, может быть несодержательным, является необходимостью 3, взаимодействие с животными, вызывает усталость, используются технические средства связи, может быть дружеским, протекает в семье, проявление любви, сближение людей, установление взаимопонимания 2.

Гендерные особенности категории *общение* на уровне классификаторов покажем в таблице.

Классификатор	Мужчины	Женщины
Виды	114	95
Участники	70	70
Эмоция	8	28
Выражаемые взаимоотношения	17	25
Назначение	14	14
Используемые средства	12	10
Место протекания	9	13
Познавательная ценность	5	4
Оценка	3	5

Форма	6	2
Состав участников	4	4
Типы	3	4
Требуемые качества личности	3	2
Культурный уровень	2	3
Потребность	0	4
Содержание	2	2
Характер протекания	2	2
Степень открытости	1	2
Ценность информации	1	2
Жанровое оформление	2	0

Рассмотрим соотношение данных классификаторов и составляющих их когнитивных признаков в мужской и женской концептосферах.

Наиболее релевантные для русского сознания классификаторы представлены одинаково ярко и в группе мужчин, и в группе женщин: «Виды общения», «Участники общения». Степень яркости классификатора «Виды общения» в 1,2 раза выше в мужской концептосфере, чем в женской. Партнерами по общению и мужчины, и женщины видят других людей (яркость этого признака приблизительно одинакова у мужчин и женщин). Достаточно ярким является признак *друзья* и в мужской, и в женской концептосфере. Периферийный признак *общение с детьми* (4 реакции) выделяется только женским коммуникативным сознанием, а признак *животные* (2 реакции) актуален исключительно для мужского коммуникативного сознания.

Классификатор «Эмоция» по яркости стоит на третьем месте в группе женщин, а в мужском сознании данный классификатор является периферийным. Когнитивный признак *доставляет удовольствие*, выделенный в рамках классификатора «Эмоция», в 4 раза чаще отмечается женщинами, чем мужчинами, а признак *вызывает усталость* отсутствует в мужском коммуникативном сознании. Отметим, что и мужчины, и женщины с общением связывают преимущественно положительные эмоции: *радость* 19, *удовольствие* 8, *смех* 2, *веселое* 2, *тепло* 1. Негативный признак – *вызывает усталость* 2 – актуален только для женщин.

Когнитивные признаки, наполняющие классификатор «Выражаемые взаимоотношения», также по-разному проявляются в мужском и женском коммуникативном сознании. И мужчины, и женщины связывают общение с установлением дружеских взаимоотношений. Однако у мужчин индекс яркости признака *установление дружеских взаимоотношений* в 1,5 раза выше, чем у женщин. Другой когнитивный признак – *выражение взаимопонимания* 2 – актуален только для женщин.

Различий в определении назначения общения у мужчин и женщин нет. Общение необходимо для установления и поддержания контакта, для знакомства. Гендерная специфика проявляется также и в единичных

реакциях, которые также являются показательными, поскольку поддерживаются другими экспериментальными данными (методом субъективных дефиниций, направленным ассоциативным экспериментом). Для женщин общение – это времяпрепровождение, а мужчины определяют общение как повод для выпивки. Последний признак отмечается и в русских пословицах, но несколько иначе: выпивание является поводом для душевного общения. Ср.: *Не пьет, а с добрыми людьми знает; Не то чтобы пить, а с добрыми людьми посидеть (побеседовать) любит.*

Яркое различие в мужской и женской концептосферах проявляется в определении места протекания общения. Для обеих групп испытуемых это прежде всего коллектив. Однако яркость этого признака у мужчин в 2 раза выше, чем у женщин. Исключительно женщины связывают общение со школой (3), работой (2), а также с проведением свободного времени (*досуг, клуб, посиделки 1*). Мужчины более обобщенно характеризуют место протекания общения (за исключением единичных реакций *семья, рынок*), а женщины – более конкретно.

Классификатор «Познавательная ценность общения» выделяется и в группе мужчин, и в группе женщин. Однако мужчины видят ценность общения в обмене информацией (мужчины – 4 реакции, женщины – 1 реакция), а женщины в возникновении интереса (мужчины – 1 реакция, женщины – 3 реакции).

Нет расхождения между мужчинами и женщинами в положительной оценке общения: *приятное 4, хорошее 3*. Частотность «мужских» и «женских» реакций примерно одинакова.

В рамках классификатора «Типы общения» выделены два когнитивных признака: *деловое, дружеское*. И мужчины, и женщины определяют общение как деловое (соответственно 3 и 2 реакции), но исключительно женщины определяют общение как дружеское (2 реакции).

Качества человека по отношению к общению также различны по мнению мужчин и женщин. Для мужчин важно такое качество, как коммуникабельность, а для женщин – доброта, замкнутость.

Исключительно «женским» является классификатор «Потребность в общении», т.к. наполняющие его признаки актуальны только для женского коммуникативного сознания, исключительно «мужским» – «Жанровое оформление высказывания».

Другие классификаторы и признаки относительно равномерно представлены в двух группах испытуемых.

В целом следует отметить, что ядро концепта *общение* устойчиво и едино для мужской и женской концептосфер. В ближней периферии как мужской, так и женской концептосферы выявлены одинаковые признаки (*установление дружеских взаимоотношений и установление контакта*). Признак *доставляет удовольствие* в женской концептосфере находится в зоне ближней периферии, а в мужской концептосфере – в сфере дальней периферии. Признак *вербальные средства передачи информации*, относя-

щийся к ближней периферии в мужской концептосфере, в женской концептосфере переместился в зону дальней периферии.

Дальняя периферия более обширна и разнообразна в мужской концептосфере и включает три признака: *протекает в коллективе, предполагает встречу собеседников, дает человеку информацию*. Данные признаки низкочастотны в женской концептосфере и отнесены нами к крайней периферии. Дальняя периферия в женской концептосфере представлена всего двумя признаками: *приятное, протекает на работе и в школе*.

Таким образом, ядерные признаки совпадают в мужской и женской концептосфере и имеют приблизительно одинаковую яркость, а состав периферийных классификаторов и признаков и их распределение по зонам ближней, дальней и крайней периферии имеет существенные групповые отличия.

Н.В. Деева, О.А. Куданкина

Когнитивные стереотипы восприятия феномена *жизнь* русским сознанием

Национальные стереотипы способствуют формированию ключевых понятий соответствующей культуры. Для того чтобы назвать определенное явление стереотипом, нужно, чтобы это слово (словосочетание), репрезентирующее его, было общеупотребительным, достаточно частотным среди носителей того или иного языка. Знание стереотипов помогает в общении с представителями других культур.

Феномен «стереотип» рассматривается не только в работах лингвистов, но и социологов, психологов, философов, этнографов, историков (Ю.Д. Апресян, Г.С. Батыгин, Ж. Коллен, И.С. Кон, В.В. Красных, У. Липпман, А.В. Михеев, Ю.Е. Прохоров, В.А. Рыжков, С.В. Силинский, Ю.А. Сорокин, С.М. Толстая, П.Н. Шихарев и др.). Исследователи выделяют среди стереотипов социальные стереотипы, стереотипы общения, ментальные стереотипы, культурные стереотипы и др. Социальные стереотипы проявляют себя как стереотипы мышления и поведения личности. Этнокультурные стереотипы – это обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ.

Стереотипы имеют много общего с традициями, обычаями, но от последних отличаются тем, что традиции и обычаи характеризуют открытость для других, а стереотипы остаются на уровне скрытых умонастроений, которые существуют в среде «своих». Стереотип «характерен для сознания и языка представителя культуры, ее яркий представитель, а потому является опорой личности в диалоге культур. Механизмом формирования стереотипов являются многие когнитивные процессы, потому что стереотипы выполняют ряд когнитивных функций –

функцию схематизации и упрощения, функцию формирования и хранения групповой идеологии и т.д.» (Маслова 2001:108-111).

Стереотипы сознания, по словам И.М. Кобозевой, закодированные в структуре языка и проявляющиеся при его обыденном употреблении, «самими носителями русского языка могут не осознаваться и даже вступать в противоречие с их осознанными умственными установками, формируемыми под воздействием воспитания и образования» (Кобозева 1995:102).

Всякий стереотип есть «искаженный и трансформированный образ; в случае его внедрения в когнитивную структуру потребителя информации возникает как бы «вторичное» искажение: восприняв определенный образ, человек сам дополняет его за счет собственного негативного опыта взаимодействия с подобным явлением. Возникает механизм укрепления стереотипа, т.е. определенной фиксации представления о каком-либо социальном явлении. Стереотип в таком понимании трактуется не как объективное психическое образование, а как искусственно созданный повторяемый образ, используемый для обработки массового сознания» (Шакирова 2002:145).

О.Н. Иванищева выделяет стереотипы воспроизводимые и переживаемые. «Воспроизводимые стереотипы, т.е. сводимые к атрибутам, признакам реалии, могут включать и оценку. Переживаемые стереотипы – это, прежде всего, отношение к той реалии, которая стоит за словом. Они представляют собой эмоции, которые испытывают носители русского языка в связи с данной реалией, ассоциации, которые она вызывает. Переживаемые стереотипы, которые следует включать в объем фоновых знаний, – это не то, что думают, а то, что чувствуют по поводу той или иной реалии» (Иванищева 2003:19).

Средствами языковой репрезентации стереотипов могут выступать лексемы, словосочетания, различные фразеологические образования, предложения.

Рассмотрим стереотипные представления феномена «жизнь» носителями русской культуры.

Понятие «жизнь» включает в себя не только представление о жизни как форме биологического существования (хотя именно оно является исходным, первичным), но включает и такие компоненты, как «духовность» (внутренняя, духовная жизнь человека), образ жизни того или иного субъекта, способы проявления жизни и т.д. В сознании русского человека жизнь предстает как некоторый путь, который человек проходит за период своего земного существования: *И когда с улыбкой мимоходом / Распрямлю я грудь, / Языком залижет непогода / Прожитой мой путь* (С. Есенин); *...и для ново-араратских монахов не было выше чести, чем завершить свой земной путь в тамошних пещерах, на костях прежних праведников* (Б. Акунин).

При этом путь этот всегда индивидуален, отличен от пути других (ср. идти / пойти по жизни своим путем / своей дорогой): *У каждого из нас своя дорога в жизни...* (С. Есенин).

Предикаты движения по дороге жизни (пробежать, пройти, протащить-ся, оступиться, упасть и под.) указывают на оценку прожитой жизни: *Колокольчик ли? Дальнее эхо ли? / Все спокойно вливает грудь. / Стой душа мы с тобой проехали / Через бурный положенный путь* (С. Есенин); *Не храни, запоздалая тройка! / Наша жизнь пронеслась без следа. / Может, завтра больничная койка / Успокоит меня навсегда* (С. Есенин).

Движение по пути жизни складывается из нескольких этапов: *Понесли нас, буйно хорошея, / В новый край, чтоб новой жизнью жить...* (С. Есенин); *И, отряхнувши посох, безнадежней / Вздохнет о жизни будущей и прежней* (М. Лермонтов).

Новый путь – это всегда новая жизнь: *Земле я отдал дань земную / Любви, надежд, добра и зла; / Начать готов я жизнь другую, / Молчу и жду: пора пришла* (М. Лермонтов); *Не тобой я поцелован, / Не с тобой мой связан рок. / Новый путь мне уготован / От захода на восток* (С. Есенин).

Прошлое представляется в этом случае как уже пройденный человеком путь: *Я давно ищу в судьбе покоя, / И хоть прошлой жизни не клян, / Расскажи мне что-нибудь такое / Про твою веселую страну* (С. Есенин); *Ветры, ветры, о снежные ветры, / Заметите мою прошлую жизнь. / Я хочу быть отроком светлым / Иль цветком с луговой межи* (С. Есенин).

Стереотипное представление жизни в виде пути основано на сходстве двух процессов: реального физического перемещения (идти по дороге) и процесса существования человека (движение во временном пространстве (рост, развитие) → идти по жизни) и их контаминации. При этом человек на жизненном пути представляется в образе странника: *В этом мире я только прохожий, / Ты махни мне веселой рукой, / У осеннего месяца тоже / Свет ласкающий, тихий такой* (С. Есенин).

Путь человека по жизни сложен и озаменован проблемой поиска смысла (смысла своего собственного существования, существования вообще как такового), и в зависимости от того, как определяется этот смысл, оценивается и жизнь.

Человек, не находящий смысла своего бытия, пессимистически относится ко всему происходящему, и в этом ключе жизнь в целом расценивается негативно, представляясь в виде напрасного дара, глупой шутки, игрушки, вымысла и т.п.: *Дар напрасный, дар случайный, / Жизнь, зачем ты мне дана?* (А. Пушкин); *А жизнь, как посмотришь с холодным вниманием вокруг, / Такая пустая и глупая шутка* (М. Лермонтов); *Я всегда, когда глаза закрою, / Говорю: «Лишь сердце потревожь, / Жизнь – обман, но и она порою / Украшает радостями ложь* (С. Есенин); *«Что такое жизнь? – не раз задавал он себе вопрос. – Для чего мы живем? Жизнь есть миф, мечта...»* (А. Чехов).

В свете подобных оценок жизнь всегда пустота, она ничтожна и бессмысленна. Источником же такой оценки жизни может стать как личный негативный опыт (в жизни ничего не удается, все вокруг неустроено, безобразно), так и осознание призрачности, иллюзорности самой жизни – ведь рано или поздно она закончится / оборвется, а далее смерть, неизвестность: *Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье...* (А. Чехов); *В последние годы Анна Алексеевна стала чаще уезжать то к матери, то к сестре; у нее уже бывало дурное настроение, являлось сознание неудовлетворенной, испорченной жизни, когда не хотелось видеть ни мужа, ни детей* (А. Чехов); *Пусть вы горды, мудры и прекрасны, но смерть сотрет вас с лица земли наравне с подпольными мышами, а потомство ваше, история, бессмертие ваших гениев замерзнут или сгорят вместе с земным шаром* (А. Чехов); *Все мы, все мы в этом мире тленны...* (С. Есенин); *Их давно уж нет на свете. / Месяц на простом погосте / На крестах лучами метит, / Что и мы придем к ним в гости, / Что и мы отжив тревоги, / Перейдем под эти кущи. / Все волнистые дороги / Только радость льют живущим* (С. Есенин).

Человек, нашедший свое место в земном бытии, определивший цель своего существования (сколь бы узкой она ни была), живет этой целью, и смысл всей жизни видит в ее достижении; достигнув этой цели, он обретает душевное спокойствие, и его оценка собственного существования уже не может быть негативной: *Если каждый из нас хоть одного кого-то счастливым сделает, так уже его жизнь не впустую прошла* (Б. Акунин); *Я видел счастливого человека, заветная мечта которого осуществилась так очевидно, который достиг цели в жизни, получил то, что хотел, который был доволен своей судьбой, самим собой* (А. Чехов); *Поэтому просто по правилам русского языка чья-то жизнь оказывается осмысленной только тогда, когда человек посвящает себя служению, когда его жизнь реализует какие-то Безусловные Ценности. Ценности, которые он ставит над собой, над своей жизнью. Приняв и реализуя Ценность, я теперь знаю куда (т.е. ЗАЧЕМ) жить, и имею для этого силы и энергетику* (Н. Козлов).

Стереотипным является и представление русского человека о жизни как хрупкой материи, хрупкой не только потому, что в любой момент она может оборваться, но и потому, что ее легко разрушить. Предикаты в предложениях, описывающих данную ситуацию (сломать, разрушить, разбить, погубить и под.), позволяют говорить о том, что по своим характеристикам жизнь уподобляется

- хрупкому строению: *Он совратил эту барышню, разрушил ее жизнь и надругался над ее пусть грешным, но искренним чувством* (Б. Акунин);

- посуде из бьющихся материалов: *Разве жизнь их не разбита?* (А. Чехов);

- живому началу / живому существу: *Дайте мне совет, уважаемый коллежский советник, что делают с погубленной жизнью* (Б. Акунин); *Все его земное существование было отравлено этой мыслью* (А. Чехов).

При этом объектом, воздействующим негативно на жизнь (свою собственную или жизнь другого человека) может быть как нечто внешнее по отношению к конкретному субъекту (человек, устои, традиции и т.п.), так и он сам (его действия / поступки, мысли, образ жизни), ср.: *Вы разбили мне жизнь... отняли у меня женщину, которую я любил больше жизни* (А. Чехов); *Ей казалось, что все уже пропало, что неправда, которую она сказала для того, чтобы оскорбить мужа, разбила вдребезги всю ее жизнь* (А. Чехов).

Восприятие жизни как хрупкой материи сопряжено и с представлением о призрачности, иллюзорности последней, в этом случае жизнь – это сон: *Я теперь скупее стал в желаньях, / Жизнь моя! Иль ты приснилась мне? / Словно я весенней гулкой ранью / Проскакал на розовом коне* (С. Есенин).

Тяжелая жизнь уподобляется тяжелому сну: *Душит жизни сон тяжелый* (А. Блок).

Однако гораздо чаще со сном связывают смерть: сон – состояние физического спокойствия, продолжение активной жизни, с одной стороны (и в этом плане перенос «жизнь ↔ сон» вполне обоснован), а с другой, сон – метафора смерти, ср.: *уснуть навеки, уснуть последним / могильным сном = «умереть»*: *Но там, увь, где неба своды / Сияют в блеске голубом, / Где тень олив легла на воды, / Заснула ты последним сном* (А. Пушкин).

Вышеописанные стереотипы представления жизни русским сознанием являются далеко не исчерпывающим. По-видимому, насколько уникален и многообразен сам феномен жизни, настолько многообразны и формы его представления. Очевидным является одно – как бы ни представлялась, ни оценивалась человеком жизнь в целом, а для русской культуры здесь преобладающей оказывается все-таки негативная оценка (подробнее см.: Деева 2004), она – самое ценное, что у него есть, и это ценность чрезвычайно высокого порядка: *Меня могила не страшит: / Там, говорят, страданье спит / В холодной вечной тишине; / Но с жизнью жаль расстаться мне* (М. Лермонтов); *Есть у нас роковая зацепка за жизнь, / Что прочнее канатов и проволок...* (С. Есенин); *И смертная казнь, и пожизненное заключение одинаково безнравственны, но если бы мне предложили выбирать между казнью и пожизненным заключением, то, конечно, я выбрал бы второе. Жить как-нибудь лучше, чем никак* (А. Чехов).

Жизнь часто является тем, чем человек готов заплатить за осуществление своей самой заветной мечты, и это самая высокая плата, которую он может предложить: *Я дорого дал бы за то, чтобы сделать это не мысленно! – говорит Обтесов. – Честное слово! Я отдал бы жизнь!* (А. Чехов).

И такое отношение человека к жизни вполне естественно: жизнь – это человек, а человек – жизнь.

Изучение свойственных той или иной лингвокультурной общности когнитивных стереотипов – типовых моделей осмысления явлений действительности – позволяет заглянуть в национальную ментальность, понять душу народа.

Деева Н.В. Характеризующие признаки концепта «жизнь» // *Ethnohermeneutik und Anthropologie* / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2004. S. 129-135.

Иванищева О.Н. Текст. Культура. Понимание: Функционирование слова с культурным компонентом значения в тексте / Науч. ред. В.П. Берков. СПб., 2003.

Кобозева И.М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // *Вестник МГУ. Филология*. 1995. №3. С. 102-126.

Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособ. М., 2001.

Шакирова Н.Ю. К вопросу о психологических особенностях воздействия средств массовой информации // *Аксиологическая лингвистика: проблемы теории дискурса, стилистики, семантики и грамматики*. Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Красавского. Волгоград, 2002. С. 141-150.

А.В. Маняхин

Концепт *разум* в сознании школьников и студентов-филологов

Концепт – это оперативная содержательная единица мышления, квант структурированного знания, единица, которая может отражать любые признаки объекта (Болдырев 2002).

Слово представляет в языке концепт, в котором заложены признаки, представленные в языке семами, отражающими бесконечное, по сути, множество свойств предмета или явления реального мира. Значение слова-репрезентанта, таким образом, служит единственным способом выражения концепта (Фесенко 1999).

В предлагаемом исследовании рассматривается концепт «разум».

Значение лексического репрезентанта концепта «разум» в словаре С.И. Ожегова представлено двумя определениями: 1) способность человека логически и творчески мыслить, обобщать результаты познания, ум (т.е. способность человека мыслить), интеллект в противоположность чувству; 2) ум (т.е. способность, развитая в высокой степени, высокое развитие интеллекта), умственное развитие. Мы можем принять за основу то, что первое значение – ядерное, второе – приядерное. Принимая данный тезис за основу, рассмотрим содержание концепта «разум» у разных групп респондентов.

Исследование основано на результатах анкетирования двух категорий респондентов: учащихся 11-х классов и студентов-филологов.

Первая группа респондентов состоит из учащихся 11-х классов Уметской средней общеобразовательной школы имени П.С. Плешакова Тамбовской области.

На вопрос «Что такое разум?» ответило 26 учеников. Обозначим данную группу «Школьники-2000», т.к. опрос проводился в 2000 г.

Ответы можно разбить на следующие группы (здесь и далее стиль респондентов сохранен – А.М.):

1. Способность (16)

В понятие «разум» респонденты включают различные возможности человеческого интеллекта.

Способность твердо и правильно оценивать окружающую жизнь, сложившуюся ситуацию и принимать правильное решение; правильно и безошибочно делать что-либо.

Способность человека осознанно совершать поступки, анализировать что-то, выходить из неразрешимых ситуаций. Разумный человек – здраво и трезво мыслящий, отвечающий за свои поступки и действия. Это контроль поступков.

То, что двигает действием человека и сами обдуманые действия человека, которые он совершает.

То, что доказывает человеку, что он человек, т.е. способность рассуждать, мыслить, совершать обдуманые поступки.

«Разум» зависит от уровня развития человека и уровня трезвого мышления в данной ситуации.

2. Нечто, связанное с мыслью (4)

Разум рождает мысли, способен из имеющихся данных, знаний получить новые знания, новые идеи.

Возможность мыслить, мыслить свободно.

Свобода нравственного выбора.

Часто противопоставляют сердцу.

Это и оптимистические мысли человека, которые всегда направлены на что-то благое.

3. Умственная сущность (3)

Это ум человека, а также уровень умственных возможностей и способностей человеческого организма.

Умственное развитие человека.

4. Отличительное свойство человека (2)

То, что отличает нас от других живых существ на Земле.

Он дается откуда-то свыше, и можно считать это божьим даром.

С помощью разума мы анализируем свои поступки, сдерживаем свои желания, эмоции.

5. Нечто Божественное (1)

Божий дар человеку, с помощью которого мы можем продумывать свои шаги в жизни, анализировать уже совершенные поступки.

Примеры, приведенные группой, представляют собой:

а) устойчивые выражения: *Ум за разум зашел (заходит) – 8 (об очень умных людях – пояснил один из респондентов). Человек – разумное существо;*

б) обозначение качества: *Разумный человек – 4, лишенный разума, лишиться разума, разумные мысли, поступки; внеземной разум, высший разум. Поступил разумно (обозначение качества поступка – А.М.). Разум – мудрость;*

в) субъект деятельности: *Победил разум – 2. Разум одержал верх над чувствами. Чем жить – разумом или сердцем;*

г) примеры из популярных песен: *Все, во что ты навеки влюблен, уничтожит разом тысячеглавый убийца-дракон. Должен быть повержен он. Сильнее всяких войн – воля и разум. Воля и разум (Рок-группа «Ария» – А.М.).*

Итак, концепт «разум» в представлениях группы «Школьники-2000» выглядит так:

1. **Ядро концепта** – значение «способность человека».
2. **Приядерная зона** – значение «нечто, связанное с мыслью».
3. **Ближайшая периферия** – значение «умственная сущность».
4. **Дальнейшая периферия** – значения «отличительное свойство человека» и «нечто Божественное».

Небольшое общее число примеров (25) говорит о том, что объем данного концепта в «светлом» спектре сознания невелик.

Вторая группа респондентов состоит из учащихся 11-х классов той же школы, опрошенных в 2005 году. Обозначим данную группу «Школьники-2005». На предложенный вопрос ответили 15 респондентов.

Ответы подразделяются на следующие группы:

1. Понятие с некими свойствами (5)

Абстрактное понятие, связано с человеком, наделяет его следующими свойствами: размышлять, думать и совершать поступки согласно разуму и правильности нормального человека без всяких наклонностей; понимать, какие нужно совершать поступки, а какие невозможно.

Понятие того, что тебя окружает, мысли, думы.

Это понятие, разум имеет умный человек, умеющий мыслить, думать и все правильно делать в любых ситуациях.

2. Ум человека (3)

Это ум, умственное развитие человека. Разум присущ всему человечеству. Человеку важно быть разумным.

Однако разум не всегда приводит к последствиям, которые мы ожидаем. Человек всегда мыслит, его голова всегда работает, думает, размышляет. Человек должен быть разумным.

3. Субъект мыслительной деятельности (3)

Одно из главных отличий человека от животного, наряду с душой.

Это собрание мыслей.

Разум всегда размышляет, рождает мысли, проводит с ними различные операции: умозаключение, выводы.

Противопоставлен душе по признаку «Божественное».

Стихия разума – логика; он помогает выбрать правильные ответы на поставленные вопросы.

4. Свойство человека (2)

Это умение человека «не терять головы» в критических ситуациях. Разум, это не всегда холодный расчет, зачастую это поступки достойные уважения. Но разумные люди не очень эмоциональны, поэтому им часто приходится быть актерами, чтобы изображать чувства, когда они отсутствуют.

Это также возможности человека проявить себя в различных ситуациях.

Два респондента затруднились определить данное понятие.

Примеры с лексическим репрезентантом концепта представляют собой адъективную форму лексемы «разум»: *разумный человек 2, разумное существо, человек разумный; разум сердца 3, разумное общество (общество, которое делает все на благо людей – пояснил один из респондентов). «Разум» может быть горячий или входить в устойчивое выражение Ум за разум заходит.*

Минимальное количество примеров (10) и уменьшение этого количества, по сравнению с 2000 годом, указывает на еще большее снижение значимости концепта в сознании школьников.

Концепт «разум» у группы «Школьники-2005» выглядит так:

1. **Ядро концепта** – значение «понятие с некими свойствами».
2. **Приядерная зона** – значение «ум человека».
3. **Ближайшая периферия** – значение «субъект мыслительной деятельности».
4. **Дальнейшая периферия** – значение «свойство человека».

Итак, группа «Школьники-2000» ядром концепта «разум» имеет «способность человека», в то время как группа «Школьники-2005» в центр концепта ставят «понятие с некими свойствами», т.е. обобщение некоторого класса по признаку «интеллектуальное».

Приядерная зона у «Школьников-2000» связана с мыслью, у «Школьников-2005» – это ум человека. Ближайшая периферия у «Школьников-2000» – «умственная сущность» – внутреннее содержание предмета в единстве его свойств и отношений, у «Школьников-2005» – «субъект человеческой деятельности». На дальнейшей периферии у группы «Школьники-2000» находятся значения «отличительное свойство человека» и «нечто Божественное», а для группы «Школьники-2005» – значение «свойство человека».

Таким образом, при некотором сходстве ядра, приядерной зоны и дальнейшей периферии, у школьников разных лет принципиально различаются значения ближайшей периферии.

Группа филологов состояла из студентов 3-го курса филологического факультета института филологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. Назовем ее «Студенты-2000».

На предложение анкеты дать определение понятию «разум» ответили 40 респондентов. Результаты таковы.

1. Способность к интеллектуальной деятельности (14)

«Разум» – способность человека мыслить, размышлять, рассуждать, делать выводы.

То, чем человек мыслит, думает, чем руководствуется в своих поступках.

Он включает в себя как сознание вообще, так и способность здраво мыслить в частности.

Способность анализировать свои действия, способность думать.

Внутренняя сущность.

Объединяет множество мыслей».

Разум – разумный ум, способный принимать правильные решения.

2. Нечто, отличающее человека от животного (8)

«Разум» – черта, отличающая человека от животного, которая более развита у него; то, что дано человеку от рождения.

Разум – это и знания, и способность развиваться, и состояние человека, находящегося в психически здоровом уме.

Разум определяет сознание. Он есть осознание того, что совершается, что происходит.

«Разум дается человеку от бога».

3. Ум мозг (7)

Разум – это «ум с приставкой раз-, даже что-то большее, чем просто ум».

Это «объём ума человека, соотносящийся с его действиями.

Общий багаж знаний.

Это понятие означает «развитый мозг человека».

Способность принимать решения, «выполнять арифметические и другие задачи и т.д.».

4. Оценка деятельности (3)

«Разум» – здравая, объективная, адекватная оценка действий, чувств, возможностей и нахождение оптимального выхода из затруднительных ситуаций.

Принятие нужного решения.

5. Хранилище мыслей (2)

«Разум» – нечто, заключающее в себе все мысли и идеи человека.

6. Логика (2)

«Разум» есть логика, состояние «когда мысли человека выстраиваются в определённую цепочку по логическому принципу».

Слово «разум» сочетается с девятью глагольными лексемами, которые составляют оппозиции:

1) иметь разум – лишиться, потерять разум (2);

2) разум говорит, подсказывает – разум молчит (2 – примерами респонденты не проиллюстрировали);

3) разум помутился, затуманился, затмился – просветлился (2 – нет примеров);

4) довериться разуму – не доверять разуму (1 – нет примеров).

Качества разума представлены прилагательными, составляющими следующие оппозиции по признаку оценочности:

1) человеческий (4) разум – нечеловеческий, т.е. высший (6), искусственный (2), вселенский (1), другой разум;

2) эта оппозиция представлена только положительно заряженными оппозициями: здоровый, здравый, светлый (2), трезвый, верный разум;

3) оппозиция «большой – маленький разум» представлена только оппозицией «большой» (+).

Отдельную группу составляют сочетания «чистый разум», «истинный разум», «холодный разум».

Лексема «разумный» входит в сочетания «человек разумный» (5) и «разумный поступок» (3).

Выражение «вразумительно объяснить» означает «объяснить понятно», сочетаясь с существительными, «разум» входит в сочетания «братья по разуму» и «разум сердца» (этот пример указывает на то, что сердце может мыслить), а также в оппозицию «сила – слабость разума» (представлена положительным оппозицией).

Итак, разум для группы «Студенты-2000» есть способность человека мыслить; разум – это мозг человека, его ум, рациональные способности человека заключены в разуме.

Концепт «разум» у группы «Студенты-2000» выглядит так:

1. **Ядро концепта** – «способность к интеллектуальной деятельности».
2. **Приядерная зона** – «отличающее человека от животного».
3. **Ближайшая периферия** – «ум, мозг».
4. **Дальнейшая периферия** – «оценка деятельности», «хранилище мыслей», «логика».

Группа «Студенты-2005» состоит из студентов заочного отделения филологического факультета института филологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. На вопрос анкеты «Что такое «разум»?» ответили 28 респондентов:

1. Ум (7)

Ум, интеллект, развитие, т.е. знания человека в целом, человеческий опыт, познание; показатель того, как человек соображает (быстро или медленно).

Это свободный ум, что означает гармонию мыслей и чувств, способность к благодетельству, добру.

В этом качестве «разум» противопоставлен «рассудку». Сюда же включается ясность как качество, присущее уму.

2. Способности (6)

Разум – это способность человека: размышлять; разумно мыслить; анализировать свои поступки; применять свой ум в нужный момент; совершать правильные поступки.

3. Отличает человека от животного (5)

Свойство человека, отличающее его от животного, позволяющее размышлять, рассуждать и т.д.

Это способность адекватно реагировать на различные ситуации, местонахождение которой – голова.

Это тип мышления, присущий человеку, т.е. способность здраво мыслить и рассуждать.

Носитель «разума» – разумный человек, который размышляет, думает, все сопоставляет.

4. Качество (4)

Качество человека, заключающее в себе здравомыслие, обладание развитым мышлением, нахождение в состоянии правильного действия.

5. Проявление (3)

Чтобы «разум» был нормальным, человек должен уметь мыслить и думать.

«Разум» проявляется в поведении, в правильных преднамеренных действиях, обдуманых поступках, интеллекте.

6. Нечто неопределенное (3)

К этому разряду отнесены единичные дефиниции: «Что-то высшее», «Больше простых знаний (о жизни)» и «Чувство, заставляющее человека подумать, прежде чем сделать глупость».

Примеры с лексическим репрезентантом концепта «разум», приведенные студентами, скудны – их всего пять: *ум за разум зашел; разумно поступить; человек разумный; разумное существо; вовремя принять разумное решение.* Подобная немногочисленность примеров, на наш взгляд, объясняется отсутствием концепта «разум» в «светлом» спектре сознания современных молодых людей, в активном употреблении.

Концепт «разум» у группы «Студенты-2005» выглядит так:

1. **Ядро концепта** – «ум».

2. **Приядерная зона** – «способности».

3. **Ближайшая периферия** – «отличает человека от животного» и «качество».

4. **Дальнейшая периферия** – «проявление» и «нечто неопределенное».

Итак, у студентов разных лет различаются лишь значения дальнейшей периферии, а приядерная зона и ближайшая периферия в принципе схожи. Идентичны и ядра концептов в сознании носителей языка разного возраста: «способность к интеллектуальной деятельности» = «ум».

Можно предположить, что мышление студентов более унифицировано, чем мышление школьников. При этом небольшое количество примеров с лексическим репрезентантом концепта «разум» показывает отсутствие его в «светлом» спектре сознания современной молодежи.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2002.

Фесенко Т.А. Реальный мир и ментальная реальность: парадигмы взаимоотношений. Тамбов, 1999.

И.С. Глушкова

Экспериментальное описание концепта *форма*

В современных исследованиях по когнитивной лингвистике все больше внимания уделяется проблеме восприятия окружающего нас пространства и формирования зрительных образов.

И.Ш. Шевелев отмечает, что «образы формируются не в рецептивных полях, а в ассоциативных зонах коры» (Шевелев 1986:67). Современная наука подтверждает, что схематизация является важным когнитивным механизмом сознания (Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, З.Д. Попова, G. Lakoff). В своих работах по психологии зрительного восприятия Б.В. Раушенбах приходит к выводу о существовании двух пространств: «субъективного и перцептивного, имеющих геометрический облик». Изображение предметов через глаз попадает в мозг, преобразуясь там в зрительный образ, называемый Б.В. Раушенбахом «мозговой картинкой» (Раушенбах 2002). Проведенные им эксперименты показывают, как из многочисленных впечатлений рождаются схемы и стереотипы. В этой связи следует отметить, что одним из положений когнитивной лингвистики является постулат о геометрической концептуализации языка, пространственной ориентации как необходимом условии репрезентативности объектов на концептуальном и на семантическом уровне.

В центре нашего внимания находится проблема вербальной репрезентации концепта формы и его экспериментального описания. Мы исходим из понимания концепта как некой единицы мышления, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира (Кубрякова 2000; Попова, Стернин 2001).

При выявлении базовых признаков концепта формы был использован методика свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в школе (5 и 10 классы), в Воронежском государственном университете на факультетах: РГФ, математический факультет, химический факультет; в Елецком государственном университете на факультете начального образования, а также в Германии в детском саду (город Трир) и в Трирском университете на факультете германистики и истории искусства.

Испытуемым предлагалось нарисовать геометрический объект – линию в качестве слова-стимула и записать все ассоциации с этим объектом. «Линия» была выбрана нами исходя из того, что данное понятие является

строевым элементом формы и «первоэлементом» в геометрии Эвклида и играет важную роль при схематизации формы предметов (Топорова 1999).

При обработке результатов эксперимента учитывались все результаты, в том числе и единичные. В эксперименте участвовали русские респонденты – 250 студентов 1-3 курсов обучения, 60 учеников 10-го класса, 60 учеников 5-го класса; немецкие испытуемые – 7 детей детского сада (5-6 лет), 10 студентов 2-3 курсов университета. Получено 356 русских ассоциаций и 100 немецких.

При обработке результатов полученные данные были распределены по семантическим группам:

ассоциаты, связанные с эмоциями и оценкой – *спокойствие, уравновешенность, огорчение, радость, страх, равнодушие, непонятная; wie ein Baumstamm, so schoen, schlecht, langweilig, gut, hart, apatisch;*

ассоциаты осязательные – *тепло, холодно, мягкий, leicht, weich;*

ассоциаты, связанные с природными явлениями – *море, волна, горы, солнце, туча, гроза, молния, вал, Meer, Wolken, Wasser, Wald, Feuer;*

ассоциаты, связанные с геометрическими фигурами или ассоциаты по форме – *кубик, пирамида, плоскость, многогранник, осколок льда, алмаз, бриллиант, синусоида, волнистая, прямая, парабола, угол, кардиограмма, забор, spiralig, labyrinthisch, wellig, die Kreisform, Delirium, vollendete Form, meine Linien sind rund;*

ассоциаты, связанные с расположением в пространстве – *горизонтальная, вертикальная, косая, zu leicht oben, zu leicht unten, die Linien treffen sich, horizontale Linie, zu schwer oben, meine Striche sind einbisschen gerade;*

«культурные» ассоциаты – *кайма платья, дорога в России, дорога в провинции, елочка, русский шов, русская печь, maerkischer Sand (Osten der BRD), das ist ein Autobahn, Legosteine, Autorennen – Schumi (Michael Schumacher);*

индивидуальные ассоциаты – *древние письма, аморфные линии, похожа на жизненную дорогу, дорого, слава, мания величия, бриллиант, я – многогранный человек, как бьется сердце, wild, Verjungung, Netzwerk, Freiheit, seheh wie Holz aus, sie sehen wie ein Schrank aus.*

Интересно отметить, что наиболее частотными русскими ассоциатами, полученных от студентов и школьников, являются *волна, забор, дорога*. Наиболее частотными ассоциациями в немецком языке являются *Autobahn, Strasse*.

Характерно, что ассоциаты, связанные с эмоциональной оценкой – самая многочисленная семантическая группа. Кроме того, к ней примыкают другие выше названные группы. Исходя из этого, мы можем утверждать, что эти ассоциаты составляют базовый слой психологического образа «линия». На данный слой «нарастает» слой ассоциатов по форме и по расположению в пространстве. Следующие слои представлены индивидуальными концептуальными признаками.

При рассмотрении полученных ассоциатов у маленьких детей 5-6 лет (Германия) мы можем отметить такие лексемы, как *meine Linien sind rund,*

meine Linien sehen wie eine Strasse aus, что свидетельствует об эгоцентрической речи (Выготский 1982; Запорожец 1986). Маленький ребенок видит мир иначе, чем взрослый человек. В речи детей можно также выявить отсутствие абстрактных понятий, обобщений, так как сложность организации перцептивного поля ребенка намного меньше, чем у взрослого.

Очевидно, в ходе данного эксперимента выявляется прямая зависимость характера восприятия от вида деятельности, отмечаемая А.Н. Лурией и А.Н. Леонтьевым (Лурия 1975; Леонтьев 1996). Сферы деятельности человека, обучение оказывают существенное влияние на характер человеческого восприятия: дети рисуют радугу в детском саду, и это находит выражение в лексеме *die Linien sehen wie ein Regenbogen aus*; учащиеся 5-го класса, изучающие в данный момент историю Древней Греции, ассоциируют линию с древними письменами, учащиеся 10-го класса – с «дорогой в России» и «дорогой в провинции», что связано с прохождением материала по истории Отечества; студенты химического факультета сравнивают линию с «аморфной», студенты математического факультета ассоциируют линию с геометрическими фигурами («синусоида, косинусоида, парабола, угол, плоскость»). В результате сопоставительных наблюдений русских и немецких ассоциатов мы можем отметить одну из значимых особенностей восприятия пространства – динамичность, выраженную рядом лексем.

Таким образом, данные, полученные в ходе проведенного ассоциативного эксперимента, подтверждают «послойное» строение концепта, выявлено влияние практической деятельности на зрительное восприятие пространства, а также наблюдается зависимость восприятия от возрастных особенностей личности.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1982. Т. 2.

Запорожец А.В. Развитие ощущений и восприятий в раннем и дошкольном детстве // Избранные психологические труды. М., 1986. Т. 2. С. 85-90.

Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 84-92.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М., 1996.

Лурия А.Р. Ощущения и восприятие. М., 1975.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Раушенбах Б.В. Геометрия картины и зрительное восприятие. СПб., 2002.

Топорова В.М. Концепт *форма* в семантическом пространстве языка. Воронеж, 1999.

Шевелев И.Ш. Принцип пропорции. М., 1986.

Концептуально-системный анализ в описании лексики

Проблема взаимовлияния «языка – мышления – культуры» получает широкое освещение в рамках современных лингвистических направлений – лингвокультурологии и лингвокогнитологии. Объектом исследования данных дисциплин является феномен концепта как глобальной мыслительной единицы, представляющей собой квант структурированного знания. Средства языка обеспечивают наиболее доступный путь к раскрытию концепта. Структура значения лексемы-репрезентанта представляет собой определенную конфигурацию сем, отражающих категориальные признаки исследуемого концепта. Для выявления многослойной структуры концепта в данной статье привлекается концептуально-системный анализ его слов-репрезентантов как разновидность лингвокультурологического анализа.

Данный анализ включает компонентный анализ словарных дефиниций, который позволяет выявлять эксплицитные категориальные признаки изучаемого концепта. Помимо этого, изучение сочетаемостного и деривационного потенциалов данных лексем вкупе с методом экстралингвистической интерпретации фактов и анализом текстовых употреблений единиц, репрезентирующих данный концепт, позволяет обнаруживать скрытые, имплицитные компоненты содержания.

Рассмотрим специфику концептуально-системного анализа на материале единиц, обозначающих объекты человеческого жилья в русской и американской концептосферах.

Исчисление концептуального содержания лексемы опирается на теорию значения в традиционной лингвистической семантике. Однако информационный потенциал концепта не может моделироваться посредством изучения только лишь семантических множителей соответствующей единицы. Помимо данных о лингвистической составляющей концепта, когнитивная модель *жилища* включает в себя дополнительные экстралингвистические сведения, не отраженные в словаре и поэтому являющие собой как бы «невыраженное», ощущаемое, представляемое содержание концепта.

В структуре всех или большинства лексем-репрезентантов имплицитируется логосистемическая часть содержания изучаемых концептов, выражаемая словами с общим значением: *здание, дом, house, home*. В пределах данного изофункционального признака находится свернутое общечеловеческое знание о типичном доме как пятикомпонентной сущности: Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров выделяют такие признаки, как **крыша, стена, окно, дверь, порог** и считают, что они априорно присутствуют в значении каждой языковой единицы, вербализующей концепт *жилище* (Верещагин, Костомаров 2000:19). Совокупность пяти

логоэпистемичес-ких признаков определяется в нашей статье как **базовая концептуальная модель** сферы *жилище*.

Признаки, вычленяемые посредством концептуально-системного анализа структуры слова-репрезентанта, являются уточняющими, модифицирующими базовую модель. Таким образом, когнитивная модель концепта *жилище* представляет собой осложнение базовой модели другими категориальными признаками, отраженными в дефиниции слов-репрезентантов и представляющих собой определенную конфигурацию (подробнее о концептуальных моделях см.: Тазетдинова 2004). Например, лексема *усадыба* определяется в словарях так: 1. Отдельный дом с примыкающими к нему строениями, угодьями. Крестьянская у. Помещичья у.; господский дом на селе, со всеми ухажями, садом, огородом и пр. 2. Усадебка, хутор, заимка или фольварок; отдельное, одиночное поселение, однодворок.

В зависимости от количества осложняющих базовую модель концептуальных признаков, выделяются модификации первой, второй и т.д. степени. Так, лексема *усадыба* представляет собой модификацию базовой модели 5-й степени:

Базовая когнитивная модель	<i>крыша, стена, окно, дверь, порог</i>
Модификаторы:	
степень изолированности	отдельное, одиночное поселение, однодворок
ансамбль строений	дом + строения, угодья, сад, огород и пр.
социально-классовый	крестьянская у., помещичья у.
коннотативные асоциации	усади́стый, калужск. толстый, плотный
месторасположение	на селе

Базовая модель образует инвариантную часть концептосферы *жилище* в изучаемых ЛКС, поскольку отражает примерно одинаковый уровень цивилизации, универсальный способ мышления, оценки объектов окружающей действительности. Национально-культурное кроется в номенклатуре лексических единиц концептосферы в разных языках, а также в различном удельном весе признаков внутри моделей, специфике их совместной встречаемости.

Рассмотрим коммуникативную модель лексемы *trailer* в английском языке, которая представляет собой следующий вид жилища: a vehicle which can be pulled by a car, which contains cooking and sleeping equipment, and in which people live (often on trailer park) or travel, usu. for holidays (LDELС). Концептуальная структура лексемы *trailer* представляет собой модель 6-й степени модификации:

Базовая когнитивная модель	<i>The roof, the walls, the window, the door, the threshold</i>
Модификаторы:	
особенность конструкции	a vehicle that a car can pull; often on a caravan site
количество комнат	a contained room
степень удобства	contains cooking and sleeping equipment
дополнительная функция	to live+travel
длительность проживания	either on holiday or as a permanent place to live.
месторасположение	on a trailer park

Представление о типичном доме как об объекте материального мира, состоящем из пяти составляющих, отражает результат когнитивного процесса, который протекает по принципу концептуальной метафоры CONTAINER (ВМЕСТИЛИЩЕ). Главную роль в мыслительных процессах, как утверждают авторы теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон, играет аналогия как перенос знаний из одной содержательной области в другую (Lakoff, Johnson 1980:6). В данном случае, метафора CONTAINER обеспечивает осмысление объектов, событий, деятельности, эмоций в терминах физической сущности человека как некоего вместилища с ограниченным объемом. Человек проецирует это свойство на окружающие его физические объекты, например, помещения и дома. Отметим, что роль концептуальной метафоры в жизни человека сводится к тому, что она является универсальным способом структурирования восприятия, мышления и деятельности. Это, в свою очередь, определяет специфику лексической кодировки концептов сферы *жилище* в различных языках: базовая логозпистемическая модель + модифицирующие концептуальные признаки.

Многие уточняющие концептуальные признаки могут встречаться в толковании всех или большинства единиц анализируемой области в явном виде, а также имплицироваться другими категориями. По нашим наблюдениям, наиболее часто актуализируются в значении слов (как эксплицитно, так имплицитно) признаки **социально-классовый фактор** и **престижность**, связанные с параметрами **форма собственности на жилье и стоимость**.

Параметр **форма собственности**, дифференцированно выраженный признаком **частное домовладение** в толковании слова *домовладение* – дом с прилегающим участком как чья-либо собственность, указывает на статус его владельца, например, богатого коммерсанта. Тот же параметр реализуется в видовом **частная собственность** с помощью слов *частный пансионат* в значении лексемы *пансион*.

Высокая степень имплицированности признака **фактор престижности** в других признаках, например, **форма собственности, степень удобства,**

внешний вид, степень безопасности, степень изолированности свидетельствует о его пресуппонированности в языковой картине мира англичан, поскольку данный параметр является очень существенным при выборе жилища (ср. *very desirable* to live in в толковании слова *penthouse* ассоциируется с высокой степенью престижности данного вида жилья).

Некоторые категории не проявляют прямой зависимости от социально-классовой принадлежности человека и степени престижности его жилища, но являются производными от них – например, категории **внешний вид здания, размер, месторасположение, степень удобства** (параметры **large and impressive-looking** в толковании слова *mansion* соотносятся с социальным статусом владельца (*impressive* – causing admiration by giving a feeling of size, importance or great skill)). Признак **качество здания** в слове *завалюха*, обозначающее ветхий, разваливающийся дом, указывает на низкий социальный статус жильца. Признак **внешний вид**, соотносимый со словами *пышное, великолепное помещение* в значении слова *чертог*, ассоциируется уже с высоким социальным положением его владельца.

В других случаях социально-классовый признак эксплицирован не в родовых, а видовых наименованиях жилища. Ср. *номер – одноместный, двухместный, полулюкс, люкс*, в этих определениях отражается категория номеров – от дешевых до дорогих и комфортабельных.

Методика концептуально-системного анализа предполагает составление максимально полного перечня концептуальных признаков, описание их таксономической структуры, их глубины, степени градации с последующим выявлением наиболее значимых, менее существенных и несущественных признаков, что позволяет определить как инвариантно-понятийные, так и национально-специфичные характеристики изучаемой области в конкретном языке.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Мирознание вне и посредством языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: гипотеза (лого)эпистемы. М., 2002.

Тазетдинова Р.Р. Информационный потенциал единиц концептосферы *жилище* (на материале английского и русского языков): Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago-London, 1980.

Р.Р. Тазетдинова

Типизированные концептуальные модели жилища в американской и русской концептосферах

В данной статье объектом анализа стали языковые единицы, воплощающие концептосферу *жилище* в русском и английском языках. Корпус

исследуемых единиц в русском языке составляет 120 лексем, в американском варианте английского языка – 87 единиц.

Концептуально-системный анализ направлен на составление максимально полного перечня признаков, изучение особенностей их группировки и комбинаторики в концептуальных моделях, лежащих в основании семантики слов-репрезентантов, что позволяет выявлять как инвариантно-понятийные, так и национально-специфичные характеристики исследуемой концептосферы.

В результате анализа словарей был составлен список из 26 концептуальных признаков, характеризующих объекты анализируемой концептуальной области, фиксирующие разноаспектные знания о бытовой, общественной, социально-классовой, культурно-исторической, этнонациональной, демографической сфере бытования жилища у россиян и американцев: *ансамбль зданий, размер, материал, особенности конструкции (дизайна), этажность, возраст строения, качество здания, внешний вид, архитектурный стиль, количество комнат, внутренняя планировка здания, степень удобства (комфорта), предназначение, демографический фактор, дополнительная функция жилища, фактор месторасположения, географическое местоположение, длительность проживания, форма собственности, стоимость, социально-классовый фактор, престижность, степень безопасности, степень изолированности, культурно-исторический фактор, этнокультурный фактор*. Кроме этого, в американской концептосфере выделен дополнительно 27-й признак жилища – *приверженность старине*.

Выделение шести наиболее часто встречающихся модифицирующих признаков позволяет построить следующую типизированную концептуальную **модель (ТКМ) постоянного жилища** в русской концептосфере:

Базовая когнитивная модель		<i>крыша, стена, окно, дверь, порог</i>			
Модификаторы:					
особенность конструкции	размер	предназначение	форма собственности	соц.-классовый фактор	степень удобства

Соотношение наиболее типичных компонентов в американской концептосфере выглядит несколько иначе, чем в русской:

Базовая когнитивная модель	The roof, the wall, the window, the door, the threshold		
Модификаторы:			
размер / особенность конструкции	степень удобства	материал	месторасположение (геогр.)

Характер и своеобразие комбинаторики модифицирующих признаков внутри модели представляет, на наш взгляд, национальную особенность восприятия объектов окружающей действительности.

Во-первых, конкретизирующие признаки в модели отражают, в основном, внешнепараметрические черты жилища. Это указание на особенность конструкции данного жилища (сакля – маленькая каменная, глинобитная или саманная избушка с плоской крышей), его размер (большое, маленькое), предназначение (воспитательный дом – благотворительное учреждение для внебрачных детей и подкидышей; детей, оставшихся без родителей), форму собственности на данное жилье и социальный статус его владельца (имение – крупное земельное владение с усадьбой, помещичье и., государственное и.), степень удобства (халупа – маленькое, неблагоустроенное жилье).

Нужно отметить, что данные типизированные признаки в целом совпадают с ядерными признаками концептосферы *жилище*, выделенные нами в (Тазетдинова 2004).

Во-вторых, совокупность признаков в ТКМ образует упорядоченную информацию, отражающую определенный способ измерения и оценки какого-либо жилища, принятый в русском национальном сообществе. Таким образом, количественное и качественное своеобразие, а также специфичная совокупность признаков в ТКМ отражает некий *стандартизированный способ формирования и описания концептов* сферы *жилище* в русской и американской концептосферах.

Рассмотрим типизированную концептуальную **модель временного жилища** в русской концептосфере:

Базовая когнитивная модель Модификаторы:			<i>крыша, стена, окно, дверь, порог</i>		
Предназначение	Длительность проживания	Особенность конструкции	Месторасположение	Качество строения	Соц.-классовый фактор

Американская типизированная концептуальная модель выглядит следующим образом:

Базовая когнитивная модель		The roof, the wall, the window, the door, the threshold			
Модификаторы:					
Длительно сть прожи- вания	Форма собствен ности	Предназна чение	Размер / осо- бенность конструкции	Степень удобства	Место- располо жение

Компоненты в концептуальной модели временного жилища представляют также не случайную последовательность, а цепочку взаимосвязанных данных, позволяющих наиболее компактно и оптимально позиционировать

концепт в сознании. Если это временное жилище, то важно, для кого оно предназначено и какова возможная длительность проживания в нем (интернат – общежитие для учащихся при учебном заведении). Категория *временное жилище* также связана с параметрами *особенность конструкции, месторасположения и качества строения*. Если это не постоянное жилье, то как оно выглядит, где расположено и какова степень его комфортности (шалаш – лёгкая постройка в лесу или в поле, наскоро сделанный приют из подручных припасов; дубяной, рогожный, берестовый шалаш из жердей, покрытых ветками, соломой, травой), а также *формой собственности* на данное жилье (пансион – небольшой пансионат, обычно частный).

Таким образом, национальный язык дает ключ к пониманию ментальности, своеобразного мировидения, миропонимания и национального мироощущения.

Тазетдинова Р.Р. Информационный потенциал единиц концептосферы *жилище* (на материале английского и русского языков): Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004.

Н.В. Прощенкова

Лакунарность и когнитивная картина мира в близкородственных языках

В современный отечественный и научный словарь достаточно прочно вошел и активно используется в самых различных областях гуманитарных наук термин «картина мира».

Первым понятие «картина мира» ввел Л. Витгенштейн в своём «Логико-философском трактате», написанном в аспекте логики и философии (1914). Примерно в это же время этот термин применительно к физической картине мира стал употреблять ученый-физик Г. Герц. Позднее над ним размышлял М. Хайдеггер в статье «Время картины мира» (1927), составляющей его первое крупное произведение «Бытие и время» – значительное философское произведение XX столетия.

Таким образом, первоначально «картина мира» трактовалась в аспекте логики, философии и физики. На самом деле это не случайно, так как конец XIX – начало XX века (рубеж веков) знаменуется бурным развитием мысли в области философии и точных наук – физики и математики.

В аспекте логики и философии «картина мира» – это упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном сознании (групповом и индивидуальном).

К. Ясперс утверждал, что картина мира – совокупность мировоззренческих знаний о мире, совокупность предметного содержания, которым обладает человек (Фефилов 2002:201).

По Витгенштейну, совокупность истинных предложений даёт «картину мира». Картины мира могут быть разными, поскольку видение мира задаётся языком, для описания одной и той же действительности можно использовать разные языки. Границы моего (Витгенштейна) мира – границы моего сознания (Витгенштейн 1994:22).

Мартин Хайдеггер в своих размышлениях о картине мира применительно к метафизике, по сути, удивительно близко подошел к когнитивной и языковой картине: «При слове «картина мира» мы думаем прежде всего об *изображении чего-либо* (концепт – зрительный, мыслительный образ)... Картина мира, однако, говорит о большем. Мы подразумеваем тут сам мир... Картина мира означает здесь не срисованное, а то, что *слышится в обороте речи* (опосредована языком): мы составили себе картину чего-либо» (Философский энциклопедический словарь 1977:49 – курсив и скобки наши – Н.П.)

В.П. Руднев определяет картину мира как систему интуитивных представлений о реальности. Кстати сказать, автор указывает: «Картина мира опосредована тем культурным языком, на котором говорит данная группа» (Постовалова 1988:127).

В современной лингвистике и культурологии широко используется термин «языковая картина мира». В рамках названных дисциплин оно представляет некое целостное направление, находящееся на пересечении лингвокультурологической и когнитивной проблематики.

Весьма интересны размышления о человеческом факторе в языке и картине мира В.И. Постоваловой. Автор утверждает, что картина мира – это не зеркальное отражение мира, здесь всегда присутствует интерпретация (Постовалова 1988).

Вполне естественно, что картина мира учёного, художника и композитора будут разительно отличаться друг от друга по типу проработки и представления исходного образа мира. Строго говоря, существует столько картин мира, сколько существует наблюдателей, контактирующих с миром. Человек смотрит на мир не только сквозь призму индивидуального опыта, но и через призму общественного опыта. Значит, можно разграничивать картину мира взрослого и ребенка, картину мира психически нормального человека и психопатологическую, цивилизованную и архаическую.

В картинах мира речь может идти о мире в целом – целостной картине мира или о фрагменте – локальной, об определённом срезе или аспекте. Примерами целостных картин мира являются мифологические, религиозные, философские. Поскольку понятие «картина мира» длительное время было связано с научным познанием, то, как правило, речь шла о так называемой «научной картине мира», которая трактовалась как результат научного познания и может быть отнесена к локальным картинам мира,

дающим модель фрагмента, составляющего предметную область соответствующей науки (Попова, Стернин 2002:33).

По технике представления образа реальности, картины мира распадаются на две большие группы: картины, где представлен рационально обработанный образ мира; картины, где представлен картинно-образный облик мира.

Из числа научных, рациональных выделяются: физическая, химическая, биологическая, техническая, социологическая и другие научные картины мира. Список научных картин мира продолжает расти в динамичном современном обществе.

Подходя к определению «картина мира», З.Д. Попова, И.А. Стернин разграничили принципиально различающиеся виды картин: *непосредственную и опосредованную*. Согласно их определению, *непосредственная картина мира* – картина мира, получаемая в результате прямого познания сознанием окружающей действительности без «посредников», только при помощи абстрактного мышления либо при помощи органов чувств (зрение, слух, обоняние). Непосредственная картина мира – это результат непосредственного восприятия мира и его осмысления. Она зависит от способа, метода, каким была получена и в этом смысле может быть: рациональной и чувственной; материалистической и идеалистической; теоретической и эмпирической; научной и наивной; естественной и религиозной; физической и химической и т.п.

Непосредственная, прямая, картина мира – это результат отражения действительности органами чувств и мышления человека, результат познания и изучения мира общественным и индивидуальным сознанием. Непосредственная картина мира тесно связана с мировоззрением. Оно определяет метод познания, а картина мира – это результат познания (когниции), именно в связи с этим она может быть названа *когнитивной*. Она существует в сознании в виде концептов и выступает как совокупность упорядоченных знаний – концептосфера. Итак, *когнитивная картина мира* – это совокупность концептов и стереотипов сознания (Махонина, Стернина 2006:5).

Опосредованная картина мира – это картина мира, получаемая в результате непрямого познания сознанием окружающей действительности – с помощью «посредника». Этим «посредником», к примеру, может выступать язык. По определению З.Д. Поповой, И.А. Стернина, опосредованная картина мира – это результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют существующую в сознании непосредственную, когнитивную картину мира. К опосредованной картине мира следует отнести языковую и художественную картины мира.

Языковая картина мира – это совокупность представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, зафиксированных в единицах языка.

Можно привести еще определение *языковой картины мира* – это специфический для данного языка способ отражения и представления действительности в языковых формах и структурах, в её отношении с человеком – центральной фигурой языка (Быкова 2003:28).

Ю.Д. Апресяном, Н.Д. Арутюновой под *наивной картиной мира* понимается феномен отображения концептуальной картины мира с помощью языка (Арутюнова 2000:39). То есть речь идет о языковой картине мира.

Следует принципиально разграничивать когнитивную – первичную картину мира и языковую – вторичную картину мира. Определенно можно утверждать, что языковая картина мира не равна когнитивной картине мира, последняя неизмеримо шире, так как названо в языке далеко не все содержание концептосферы, далеко не все концепты имеют языковое выражение и становятся предметом коммуникации.

Описание языковой картины мира дает существенные сведения о когнитивной (первичной) картине мира, которые извлекаются из языка специальными приемами. Именно эти приемы позволяют, к примеру, выявить лакуны и эндемичные единицы.

Важнейшая особенность языковой картины мира состоит в том, что она, в отличие от когнитивной, не влияет на человека непосредственно в акте поведенческо-мыслительной деятельности. Именно когнитивная картина мира «членит мир», и это членение отражается в языковой картине мира. Язык вовсе не членит действительность – он отражает, фиксирует когнитивное членение, осуществляемое концептосферой, он лишь сигнализирует о таком членении. Языковые знаки, слова, согласно А.А. Залевской, выступают средством доступа к единой информационной базе человека – его концептосфере. Языковая картина мира лишь частично отражает концептосферу и лишь фрагментарно позволяет судить о концептосфере, хотя более удобного доступа к концептосфере, чем через язык, по видимости, нет.

Таким образом, принципиально важно не путать непосредственную – когнитивную, первичную картину мира и опосредованную – языковую, вторичную картину мира. Они связаны между собой как первичное и вторичное, как ментальное явление и вербальное, как содержание сознания и средство доступа исследователя к нему.

Что касается *художественной картины мира*, то она возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения либо в сознании слушателя, зрителя при восприятии других произведений искусства. Картина мира в художественном тексте создается также с помощью «посредника» – языковых и образных средств. Отсюда вывод: художественная картина мира – это вторичная картина мира.

Разумеется, она отражает индивидуальную картину мира в сознании писателя и воплощается в отборе элементов содержания художественного произведения, в отборе используемых языковых средств – индивидуально-авторские языковые средства и др., в индивидуальном отборе образных

средств – системы тропов, метафорики, специфическими средствами текстопостроения и т.п. Вполне естественно, что в художественной картине мира могут обнаруживаться концепты, присущие только данному авторскому восприятию мира – индивидуальные концепты писателя, поэта, художника (Н.В. Гоголя, С.А. Есенина, В.В. Маяковского, В. Ван Гога и др.). В художественной картине мира могут отразиться особенности национальной картины мира – национальные символы, национально-специфические концепты (Н.В. Гоголь, М.А. Шолохов).

Таким образом, язык выступает средством создания вторичной картины мира – художественной, отражающей картину мира создателя художественного произведения, при этом следует иметь в виду, что художественная картина мира – дважды опосредованная картина мира, прежде всего, языком, помимо того, индивидуально-авторской концептуальной картиной мира.

Язык является посредником между человеком и миром, хотя, как отмечалось выше, он не отражает всех свойств существующего мира. Они находят свое отражение в концептосфере – чисто мыслительной сфере, состоящей из концептов – мыслительных образов, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов.

Значительная часть концептосферы народа представлена, отражена в семантическом пространстве языка данного народа – совокупности значений языковых единиц.

Семантическое пространство разных народов, как показывают контрастивные исследования (Л.С. Бархударов, Г.В. Быкова, А. Вежбицкая, В.Г. Гак, А. Гудавичюс, И.П. Зленко, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Б. Харитонов, В.Н. Ярцева и др.), могут заметно различаться и по составу значений, и по принципам их структурирования. У разных народов семантическое пространство языка обладает национальной спецификой. Именно национальная специфика семантического пространства формирует *национальную картину мира*.

Сопоставление семантических пространств разных языков позволяет увидеть как универсальные реалии, так и национально-специфическое многообразие языковой картины мира. Разумеется, при этом следует помнить, что концептосфера всегда шире семантического пространства. Многообразие когнитивных классификаторов зависит от уклада жизни людей, их обычаев, практических потребностей, системы жизненных ценностей. При их сопоставлении будут выявляться лакуны (пустоты), свидетельствующие о своеобразии, непохожести, неповторимости «чужой» картины мира, с одной стороны, и безэквивалентные единицы, с другой. Наличие или отсутствие концепта наиболее ярко свидетельствует о национальной специфике концептосфер народов.

И.А. Стернин отмечает: «Безэквивалентные единицы – единицы, имеющиеся в одном языке и отсутствующие в другом. Синонимичный термин – эндемичные единицы (лат. *endemic* – произрастающий, имеющий распространение только в данной местности).

Лакуна – это отсутствие единицы в одном языке при ее наличии в другом.

Безэквивалентные единицы и лакуны всегда выявляются «в парах»: если в одном языке есть лакуна, то в сопоставляемом языке – безэквивалентная единица и наоборот» (Махонина, Стернина 2005:21).

Лакуны во множестве выявляются в неблизкородственных языках – ср. появляющиеся сейчас словари лакун – работы Г.В. Быковой, словарь русско-английских лакун А.А. Махониной и М.А. Стерниной (Махонина, Стернина 2005).

Несколько сложнее обнаружить лакуны в близкородственных языках, каковыми являются, к примеру, русский и украинский языки. Но и в близкородственных языках обнаруживаются лакуны. Например, руско-украинские лакуны: *басоля* – украинский народный струнный инструмент, похожий на виолончель; *бенеря* – бранное слово, употребляющееся в значении «нечистая сила», «бес»; *бриль* – головной убор с широкими полями; *бурнус* – просторное женское пальто с широкими рукавами (устар.); *вильоти* – откидные рукава старинной одежды и др.

Во всех указанных примерах, а их, несомненно, гораздо больше, говорящие имеют дело, сами того не замечая, с универсальным явлением лакунарности – отсутствием единиц в системе языка. По сути, лакуны наряду с безэквивалентными единицами, а также единицами с национальной спецификой семантики, больше, чем какое-либо другое явление, характеризуют особенности данного языка в сравнении с другими, отражают национальную семантическую пространственность языка, а следовательно и концептосферы соответствующего народа. Более того, они являются одной из составляющих национальной картины мира.

Выявление лакун в близкородственных языках – важный аспект изучения языковой и когнитивной картины мира говорящих на данных языках народов.

Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине мира // Язык о языке. М., 2000.

Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск, 2003.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. 4.01, 4.032, 4.06, 4.121 // Философские работы. Ч. 2. М., 1994.

Махонина А.А., Стернина М.А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Воронеж, 2006.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2003.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии. Воронеж, 2002.

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.

Фефилов А.И. Язык–сознание–действительность: лингвофилософская интерпретация. Ульяновск, 2002.

Философский энциклопедический словарь. М., 1977.

Л.В. Куликова

Коммуникативная и социокультурная экспликация отношения к пространству в русской и немецкой лингвокультурах

В статье анализируется национально-культурная специфичность пространственной составляющей в общении между представителями двух культур.

Очевидно, что межкультурные недоразумения, обусловленные разницей в восприятии пространства, не следует сводить только к проксемическим недоразумениям, связанным с нарушением дистанции. Очевидна собираемость этой категории, включающей понимание пространства не только в прямом смысле как физической территории, но и его метафорическое проявление. В этом контексте в рамках статьи рассматриваются социальное пространство, территориальный фактор в национальном самосознании, область коммуникативных (вербальных и невербальных) средств, отражающих особенности отношения к пространству в разных языках.

Было бы преувеличением утверждать, что ощущение пространства в немецкой и русской лингвокультурах расходится кардинально. Тем не менее чувство простора или тесноты, посягательство на пространство и уважение чужой территории отличаются в двух культурах. Кроме того, пространственные отношения как компонент культурной целостности взаимосвязаны с другими аспектами культуры. Доминанта индивидуалистских тенденций обуславливает стремление к изолированности и наличию индивидуального пространства. Ориентация на коллективистские ценности предполагает интеграцию и коллективное пространство (см. Лебедева 1999:164).

В русской культуре величина межличностной дистанции и зона персонального пространства значительно меньше, чем в немецкой культуре. Это утверждается многими авторами (Стернин 2001:237), в том числе немецкими (Löwe 1999:166; Baumgart 2000:152). Физический контакт, прикосновения воспринимаются как допустимая норма общения.

Для немцев в большей степени характерно ограждение «своего» пространства. Как правило, комфортной зоной при разговоре считается расстояние между собеседниками в один метр. Нарушение этой дистанции воспринимается как вторжение в личное пространство, вызывающее негативные эмоции.

В Германии менее, чем в России, распространено тактильное взаимодействие при общении. Немцы стараются избегать телесного контакта,

сдержаннее ведут себя при встрече и прощании. Потребность в личной автономии наглядно проявляется в немецкой повседневной жизни. Немцы не так плотно, как русские, стоят в очередях, располагаются в транспорте.

При обращении в справочное бюро, разного рода кассы «интимность» обсуждаемой информации и гарантию персонального пространства людей обеспечивают указатели типа: «*Bitte Diskretionsabstand halten*» («Пожалуйста, проявляйте тактичность и соблюдайте дистанцию»). Минимальное расстояние между клиентами часто определяют ограничительные линии в сопровождении надписей: «*Bitte hier warten*» («Пожалуйста, ожидайте здесь»). Необходимость соблюдения границ общественной и приватной территории регулируется также либо вербальными знаками, например: «*Achtung! Privatgrundstück! Betreten verboten!*» («Внимание! Частная территория! Вход воспрещён!»), либо своеобразными изгородями из зелёных насаждений.

Связывая «отгороженность» немецкого образа жизни и особенности немецкой коммуникации, известный немецкий этнолог Г. Баузингер пишет: «Строго изолированные дома и образцового вида садики, которые, впрочем, часто недоступны взгляду постороннего, так как скрываются за растительными заборами или даже стенами, чаще всего не располагают к лёгкому и непосредственному общению» (ср. Баузингер 2002:47).

Способы разграничения собственного и чужого пространства в немецкой культуре проявляются не только в общественном, но и в речевом поведении людей, а также в семантике языковых единиц разных уровней. В исследовании И.Б. Бойковой (Бойкова 2002) приводятся примеры, иллюстрирующие межкультурные различия в рамках вербальной коммуникации русских и немцев, касающиеся их ментального ощущения пространства. Прежде всего, отмечается, что личностное пространство в русском сознании имеет зыбкие границы, склонно сливаться с другими Я-пространствами и проницаемо для них. Немецкое Я-пространство, напротив, имеет жёсткие границы, дистанцируется от других Я-пространств, чаще обнаруживает себя в единственном числе. На уровне текста это можно наблюдать в формах обращения, присущих бытовому диалогу и письменной речи. Например, склонность немецкого Я обособлять себя в форме единственного числа проявляется в способе оформления начала и конца письма, которое предназначено для нескольких адресатов или подписано несколькими отправителями. Принято к каждому адресату обращаться отдельно, помещая каждое обращение в отдельную строку (Duden 1997:52-59; цит. по Бойковой 2002). Отправители, подписывающие немецкое письмо, обычно не объединяются друг с другом общим притяжательным местоимением (например, *deine Oma und Opa*), как это распространено в русской традиции. Нормативной считается формула: *deine Oma und dein Opa*.

На уровне высказывания (иллокутивный аспект) можно выделить некоторые тенденции в употреблении личных местоимений, что также

отражает особенности Я-пространств, присущие двум культурам. Например, в научном стиле речи немецкое местоимение 1-го л. ед. ч. *ich* вытесняет местоимение 1-го л. мн. ч. *wir* (ср. *Bei unserer Untersuchung sind wir davon ausgegangen, dass...; Bei meiner Untersuchung bin ich davon ausgegangen, dass...*: Бойкова 2002). В русском научном стиле авторское «мы» имеет более прочные позиции.

В немецком языке говорящий имеет возможность обозначать границу между собой и окружающим пространством, что чуждо русскому языку. На уровне семантики слова это проявляется, например, через русское наречие места «здесь», которому в немецком языке соответствуют два наречия: *hier* и *da*. Произнося *hier*, говорящий считает себя частью ближайшего пространства, произнося *da*, исключает себя из этого пространства.

Интерпретация этих языковых явлений с позиций теории межкультурного общения требует, безусловно, более глубоких репрезентативных исследований. Тем не менее подобные наблюдения свидетельствуют о явном пересечении лингво- и культурно-специфических факторов, или, другими словами о «системе фраз», отражающих «систему взглядов» (Михальская 1996:40).

Анализируя роль «пространства» как духовной ценностной категории, следует отметить, что и в Германии, и в России, территориальность является одной из наиболее важных составляющих национального самосознания (см. Бусыгина 1999; Шмелёв 2002; Кочетков 2002). О значении «русских пространств» в формировании «русского видения мира» отмечали многие авторы. У Н.А. Бердяева есть эссе, которое озаглавлено так – «О власти пространств над русской душой». В содержании его работы можно найти многие сегодняшние стереотипы и автостереотипы, касающиеся русских. «В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчётливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков...» (цит. по: Шмелёв 2002:69).

О влиянии широты и безграничности на характер русского человека пишет и В.В. Кочетков: «...отсюда его хаотическая необузданность, безмолвное и терпеливое преклонение перед силами природы, нуждой, эпидемиями, гнётом со стороны властей. Вот почему судьба отдельного гражданина всегда имела у русских второстепенное значение» (Кочетков 2002:97).

Германия – небольшая страна по сравнению с Россией в пространственном отношении. Размышляя о явно выраженной черте немцев к физическому и моральному обособлению, Г. Баузингер выделяет слово «теснота» (*Enge*) как ключевое в объяснении данной немецкой тенденции. Отсутствие широкого жизненного пространства неизбежно пробуждает, по его мнению, «синдром тесноты и узости». Этот синдром, бросающийся в глаза многим иностранцам, определяет с точки зрения внешней

перспективы особую организацию территории и образ жизни: недостаток великодушия и коммуникативную «робость». Внутренний взгляд не воспринимает, однако, подобное отношение к жизни как негативное явление. Немцы говорят: «*Eng und wohl ist besser als weit und wehe*» («Лучше тесно и благополучно, чем просторно, но страдая») (там же). Кроме того, внешне отрицательные черты могут рассматриваться изнутри как положительные, пишет Г. Баузингер: отсутствие щедрости как невзыскательность, а необщительность как сдержанность (Баузингер 2002:49).

Огромное значение в формировании немецкого отношения к пространству имеет исторический фактор. История немецкого государства – это скорее история разъединения, нежели объединения, скорее история отдельных земель и территорий, нежели история одного пространства. Народы Германии, на протяжении многих веков отделённые друг от друга географическими и политическими границами, зажатые в рамки крошечных княжеств, как никто другой, прочувствовали идею «пространственного смысла» («*Raumsinn*» – термин Ф. Рацеля; по: Межкультурная коммуникация 2001:190). Этим понятием обозначалось некое особое качество, присущее всему немецкому миру, определившее дальнейшее объединение разрозненных немецких государств. Таким образом, на территории немецкого пространства с переменным успехом всегда противоборствовали две тенденции – к объединению и распаду. В связи с этим, важнейшими принципами организации немецкой территории, как отмечает И.М. Бусыгина, были и остаются, немецкие регионализм и федерализм, находящиеся в непротиворечивом, но сложном взаимодействии позитивного характера (Бусыгина 1999:40).

Применительно к Германии немецкими геополитиками традиционно развивалась также идея «срединности». Суть её в том, что в контексте Европы Германия является тем пространством, которое обладает осевым динамизмом и которое призвано структурировать вокруг себя остальные европейские державы. Идею «срединности» сформулировал ещё в 1818 году Эрнст Мориц Арнд: «Бог поместил нас в центре Европы; мы – сердце нашей части света» (цит. по: Межкультурная коммуникация 2001:193). Со «срединным» географическим положением немецкого государства исторически связана такая особенность, как стремление к оптимальному использованию собственного пространства. Эти аспекты геополитического самопозиционирования Германии в существенной степени сформировали немецкий национальный мир и концептосферу Германии.

Сегодня территориальность как составляющая немецкого национального самосознания рассматривается в контексте четырёх направлений (см. Бусыгина 1999:51-57). Прежде всего, следует упомянуть исторически сложившееся и потерявшее свою актуальность в наши дни разделение Восток – Запад, в основе которого лежала ориентированность западного рейнско-вестфальско-саарского ареала на развитие тяжёлой промышлен-

ности и восточной (к востоку от Эльбы) части на аграрный сектор. Новое разграничение по линии Восток – Запад связано с политическими событиями последних лет: между «старыми» и «новыми» землями. Объединение, состоявшееся *de jure, de facto* пока не устранило имеющиеся различия по многим параметрам жизни.

Линией главного деления страны, маркированного лингвистически (диалекты) и экономически считается направление Север – Юг. При этом речь идёт не столько о сфере хозяйственных структур, сколько о сфере различий между людьми, между «южанами» и «северянами».

Последняя, четвёртая «линия» территориальности национального самосознания – это немецкий регионализм, обращение своего патриотизма к своему региону, «малой Родине». После Второй Мировой войны обозначения «немцы, немецкий» достаточно не популярны среди немецкого населения, поскольку имеют для многих в Европе негативные коннотации. Поэтому сегодня не только старшее и среднее, но и молодое поколение немцев идентифицирует себя всё больше не с крупной (Германия), но с малой общностью, с регионом (например, «Я из Баварии»).

Попытавшись представить пространственную категорию с разных точек зрения в междисциплинарном аспекте, хотелось бы подчеркнуть в заключение, что коммуникативная компетентность участников межкультурного общения зависит, в том числе, и от компетентности в отношении темпорального фактора, правильной интерпретации пространственного поведения партнёров по взаимодействию.

Бойкова И.Б. Я-пространство как компонент коммуникативного поведения и национальной семантики (русско-немецкие параллели) // Русское и немецкое коммуникативное поведение. Выпуск 1. Воронеж, 2002. С. 100-110.

Бусыгина И.М. Регионы Германии. М., 1999.

Кочетков В.В. Психология межкультурных различий. М., 2002.

Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.

Межкультурная коммуникация: Учеб. пособ. Нижний Новгород, 2001.

Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: Учеб. пособ. для студ. гуманитар. фак-тов. М., 1996.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002.

Baumgart A. /Jänecke, B.: Russlandknigge. München: Oldenbourg, 2000.

Bausinger H. Typisch deutsch: wie deutsch sind die Deutschen? Verlag C.H. Beck oHG, München, 2002.

Löwe Barbara& Kulturschock Rußland. Reise Know-How Verlag Peter Rump GmbH, 1999.

Объективация концепта *мысль* в языковой картине мира

В современной лингвистике широкое распространение получил концептуальный подход к изучению фрагментов внутреннего мира, отраженных в языке абстрактными единицами. Концептуальный анализ абстрактных концептов представляет особую сложность для исследователей.

Одним из важных фрагментов концептуальной сферы является концепт «мысль». Это один из ментальных компонентов внутреннего мира человека. Сфера внутреннего мира хорошо изучена Кемеровской лингвистической школой и многими другими исследователями (М.В. Пименова, Н.Д. Арутюнова, М.К. Голованивская, А.А. Красавский, Ю.С. Степанов, А.Д. Шмелев, И.М. Кобозева, Е.П. Бондарева, С.Г. Воркачев, Е.С. Кубрякова, Е.А. Пименов и др.).

Целью данного исследования является описание структуры концепта «мысль» в его языковом выражении через выделение и дифференциацию когнитивных признаков исследуемого концепта. Объектом исследования является концепт «мысль» в языковом сознании носителей языка.

Материалом для исследования послужили данные различных словарей (толковых, синонимических, ассоциативного и др.), содержащие репрезентанты концепта «мысль» и единицы, окружающие их.

Для решения поставленной задачи использовались различные методы исследования (описательный метод, метод лингвокогнитивного анализа, метод компонентного анализа). Однако главное внимание было сосредоточено на использовании метода лингвокогнитивной интерпретации словарных дефиниций номинанта концепта «мысль» и анализе когнитивных признаков, представленных в ассоциативной статье слова-стимула «мысль».

Исследование содержания концепта включало в себя три этапа.

I. На первом этапе были проанализированы словарные статьи толковых словарей (МАС, БТС, Ожегов). Анализ словарных статей показал, что составители словарей по-разному представляют лексическое значение многозначного слова «мысль»: в трех словарях в качестве «первого», прямого денотативного значения приводятся разные семемы, которые представляют различные когнитивные признаки исследуемого концепта. Это свидетельствует о сложности и неоднозначности лексического содержания данной лексемы, а также текучести содержания объективируемого этой лексемой концепта.

В таблице представлены словарные дефиниции (СД) слова «мысль» из словарей и когнитивные признаки (КП), которые они репрезентируют.

№	МАС	БТС	Ожегов
1.	СД: мыслительный процесс; мышление КП: процесс мышления	СД: результат процесса мышления (в форме суждения или понятия) КП: результат процесса мышления; имеет материальную форму выражения; выражается в форме суждения или понятия	СД: то же, что мышление во 2 зн. – Способность человека рассуждать, представляющая собою процесс отражения объективной действительности в представлениях, суждениях, понятиях КП: способность человека отражать объективную действительность; имеет форму выражения; выражается в форме представления, суждения, понятия
2.	СД: результат процесса мышления (в форме суждения или понятия) КП: результат процесса мышления; имеет материальную форму выражения; выражается в форме суждения или понятия	СД: о мыслительном процессе, мышлении КП: процесс мышления	СД: то, что явилось в результате размышления, идея КП: результат процесса мышления; имеет форму (мысленного образа)
3.	СД: знание, познание в какой-либо области КП: результат процесса мышления; имеет форму суждения, понятия; имеет системный характер; относится к определенной сфере действительности	СД: знание, познание в какой-либо области КП: результат процесса мышления; имеет форму суждения, понятия; имеет системный характер; относится к определенной сфере действительности	СД: то, что заполняет сознание, дума КП: некая субстанция; способность заполнять что-либо; отнесенность к сфере сознания
4.	СД: то, что заполняет сознание; дума КП: некая субстанция; способность заполнять что-либо; отнесенность к сфере сознания	СД: то, что заполняет сознание; дума КП: некая субстанция; способность заполнять что-либо; отнесенность к сфере сознания	СД: убеждения, взгляды КП: реализуется в форме суждения, выражает отношение человека к объективной действительности
5.	СД: убеждения, взгляды, воззрения КП: реализуется в форме суждения, выражает отношение человека к объективной действительности	СД: убеждения, взгляды, воззрения КП: реализуется в форме суждения, выражает отношение человека к объективной действительности	

Компонентный анализ лексического значения слова «мысль» и его синонимов и последующая когнитивная интерпретация полученных данных позволяет выделить ряд когнитивных признаков (динамических и статических) исследуемого концепта:

1) *процесс мышления; отражает действительность (реальную и/или ирреальную); имеет форму выражения (субстанцию); приводит к умозаключению; преимущественно способность, свойственная человеку;*

2) *некая субстанция; имеет способность заполнять какое-либо пространство; относится к сфере сознания; выражает отношение человека к действительности (объективной или субъективной); последовательно отстаивается человеком; является результатом процесса мышления; имеет материальную форму выражения; выражается в форме суждения, понятия, умозаключения, предположения; имеет определенную структуру (упорядоченную или неупорядоченную); относится к определенной сфере действительности.*

II. Данный этап исследования связан с выявлением когнитивных признаков концепта «мысль», представленного ассоциативным полем одноименного слова-стимула.

Ассоциативная статья слова «мысль»: умная 6; идея, ум 5; быстрая 3; вслух, глубокая, глупая, думать, издательство, о вечном, о прошлом, прекрасная, промелькнула, хорошая, ясная 2; афоризмы, башка, внезапная, военная, гиганта, далекая, деятельность, дума, дурная, дурость, дурь, душка, завертелась, залетная, как молния, контуры, лезвие, летучая, мгновенная, мелькать, мелькнувшая, много, мозг, молния, моя, народная, научная, наша одна, незакончена, ненужная, общественная мысль, о былом, об этом, о женщине, о птице, оригинальная, осенило, осмысливаю, острая, о тебе, поворот; порыв, радость; поэта, пришла, пришла в голову, пронзить, пропала, пустота, развить, размышление, светлая, сознание, созрела, стрела, стул, течет, ударило, удачное решение 1; 102+73+3+58 (Русский ассоциативный словарь 2002).

Когнитивная интерпретация ассоциативного поля лексемы «мысль» позволяет выделить следующие когнитивные признаки исследуемого концепта:

1) *результат процесса мышления 11 – идея 5; дума, не закончена, пришла, пустота, созрела, удачное решение 1;*

качество содержания результата мыслительного процесса 23 – умная 6; ум 5; глубокая, глупая, ясная 2; афоризмы, гиганта, лезвие, оригинальная, светлая, удачное решение 1;

место (локация) расположения результата процесса мышления 4 – башка, мозг, пришла в голову, пустота 1;

принадлежность субъекту мышления 4 – моя, народная, наша одна, общественная мысль 1;

способность занимать определенное пространство 2 – башка, мозг 1;

способность вытеснять все другое 1 – наша одна 1;

возможность изменения содержания результата мышления, его улучшения 1 – *развить* 1;

форма существования результата процесса мышления (вербальная / невербальная) 2 – *вслух* 2;

отнесенность к определенной сфере действительности 3 – *военная, научная, общественная мысль* 1;

форма выражения результата 6 – *идея* 5; *афоризмы* 1;

внешние параметры 4 – *контуры, как молния, молния, стрела* 1;

расчлененность мыслительного результата 1 – *много* 1;

количественная характеристика 1 – *много* 1;

четкость структуры, содержания мысли 4 – *ясная* 2; *незакончена, светлая* 1;

оценка 31 – *умная* 6; *ум* 5; *прекрасная, хорошая, глубокая, глупая, ясная* 2; *дурная, дурость, дурь, душка, ненужная, оригинальная, острая, радость, светлая, удачное решение* 1;

2) процесс мышления 10 – *думать* 2; *деятельность, дума, незакончена, осмысливаю, развить, размышление, сознание, течет* 1;

характер, особенности процесса мышления (стандартность / нестандартность) 2 – *оригинальная, поворот* 1;

субъект мыслительного процесса 2 – *гиганта, поэта* 1;

характеристика субъекта процесса мышления 1 – *гиганта* 1;

способность человека к мышлению 11 – *умная* 6; *ум* 5;

объект мышления 10 – *о вечном, о прошлом* 2; *далекая, о былом, об этом, о женщине, о птице, о тебе* 1;

место протекания процесса мышления 3 – *башка, мозг, пришла в голову* 1;

длительность процесса мышления 3 – *осенило, как молния, молния* 1;

наличие начала и конца процесса мышления 3 – *пропала, осенило, созрела* 1;

скорость протекания процесса мышления 14 – *быстрая* 3; *промелькнула* 2; *завертелась, как молния, летучая, мгновенная, мелькать, молния, стрела, течет, ударило* 1;

порождаемые процессом мышления эмоции 1 – *радость* 1;

3) культурно-обусловленные компоненты 2 – *издательство* 2.

Анализ ассоциативной статьи слова «мысль» позволил дополнить список когнитивных признаков, присущих одноименному концепту.

Образный компонент в ассоциативной статье представлен в следующем виде: мысль как результат мыслительной деятельности – это молния (как стрела), которая может пронзить, ударить, промелькнуть и исчезнуть.

Кроме того, она (мысль) может передвигаться различными способами: течь, вертеться, ударять. Место расположения мысли – голова, а именно мозг человека. Форма существования мысли может быть вербальной (высказанной вслух) и невербальной (невывысказанной). Реализуется мысль чаще всего в виде идеи или афоризма. Результат мышления имеет такую характеристику, как расчлененность, весь результат мышления можно

поделить на части – отдельные мысли, можно их посчитать. Мысль можно улучшить, развить, однако ухудшить нельзя, она или есть, и это уже признается за качественность, либо ее нет (пустота). В этом уже заложена оценочная характеристика конечного мыслительного результата. Наличие самой мысли оценивается положительно (25 реакций с одобрительным компонентом), иногда мысль может либо отсутствовать, либо быть качественно низкой, в этом случае она оценивается отрицательно (6 негативных реакций).

Мысль как процесс включает в себя непосредственно сам процесс мышления, его характер: процесс может быть стандартным и нестандартным, оригинальным. Процесс мышления имеет свое начало и конец. Конец процесса материально выражен в результате мыслительного процесса (суждении, понятии). Мысль имеет скорость (быстро / медленно) и длительность протекания. Местом протекания мыслительного процесса признается голова, мозг человека. Наличие субъекта мышления и его характеристика также являются важным для мысли как процесса. Направленность процесса мышления тесно связана с объектом мышления. Мысль как процесс не имеет оценочных характеристик. Присутствует только одна реакция, называющая эмоции, возникающие у человека в процессе мышления.

В ассоциативное поле входят также культурно-обусловленные ассоциаты, связанные с опытом носителей языка. Издательство «Мысль» обычно выпускает литературу учебной или научной направленности.

Судя по количественным характеристикам ассоциатов, объединенных в группы, можно сделать следующие выводы: для носителя языка более важным является не процесс мышления (около 70 реакций), а его результат (около 100). Значимость имеют качественные (23 реакции) и оценочные характеристики (31 реакция). Мысль как процесс не имеет таких высоких показателей, однако носители языка в качестве важных определяют скорость протекания процесса, а также объект, на который направлено мышление.

III. На завершающем этапе изучения концепта «мысль» все выделенные признаки были объединены и представлены в виде описания содержания когнитивной структуры концепта «мысль».

Анализ словарных дефиниций и ассоциативного поля лексемы «мысль» выявил следующие когнитивные признаки исследуемого концепта:

1) процесс мышления; отражает действительность (реальную и/или ирреальную); имеет форму выражения (субстанцию); приводит к умозаключению; преимущественно способность, свойственная человеку; имеет определенный характер, особенности (стандартность / нестандартность); выполняется субъектом мыслительного процесса; характеризует субъект процесса; имеет объект мышления; протекает в определенном месте; имеет определенную скорость и длительность; можно выделить начало и конец процесса мышления; порождает определенные эмоции;

2) некая субстанция; имеет способность заполнять какое-либо пространство; относится к сфере сознания; выражает отношение человека к действительности (объективной или субъективной); последовательно отстаивается человеком; является результатом процесса мышления; имеет материальную форму выражения; выражается в форме суждения, понятия, умозаключения, предположения; имеет определенную структуру (системную или бессистемную); характеризуется определенным качеством содержания; относится к определенной сфере действительности; имеет место (локации) расположения; принадлежит субъекту мышления; возможно изменение содержания результата мышления, его улучшения; может существовать в вербальной и невербальной форме; имеет внешние параметры (контуры, форму); возможно расчленение мыслительного результата; качество мысли имеет оценку, чаще всего положительную.

Данное представление содержания концепта «мысль» не является исчерпывающим. Дальнейшее уточнение структуры данного концепта возможно с помощью анализа сочетаемостных возможностей номинанта концепта. Такой подход был подсказан примерами, представленными в словарных статьях. Приведенные примеры содержали в себе дополнительные признаки, не представленные вербально в значении слова «мысль». Например, приведенное словосочетание «поделиться мыслями с кем-либо» реализует когнитивные признаки: *расчлененность мыслительной субстанции* (количественный параметр – можно посчитать); *принадлежность мысли отдельному человеку* (социальный параметр – мысль рождается у каждого человека в отдельности, но затем в результате обмена результатом мышления может стать достоянием целой группы); *способность (возможность) обмениваться результатом мыслительной деятельности* и др. Действительно, выбор окружения номинанта концепта, специфика употребления ключевой лексемы не случайны, а культурно обусловлены, поэтому изучение сочетаемостных возможностей открывает доступ к реконструкции концепта через актуализацию его признаков в языке. Кроме того, концепт «мысль» относится к высоко абстрактным единицам сознания, что затрудняет его анализ. Однако исследователи (И.А. Стернин, З.Д. Попова, Н.Н. Болдырев и др.) указывают, что даже в основе подобных концептов лежат образные представления, которые облегчают оперирование ими в человеческом мышлении. Ассоциируя абстрактные понятия с конкретными осязательными предметами, человек отождествляет мир идей и мир вещей, давая им возможность существовать в однородном реальном мире. В большинстве случаев инструментом для решения столь важной задачи служит метафора.

Это одно из возможных направлений исследования содержания абстрактного концепта.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998.

МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981. Т. 2.

Ожегов – Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987.

Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю.Н. Караулов и др. Т. 1. М., 2002.

Коммуникативное сознание

Л.В. Куликова

Коммуникативный стиль и *lingua franca* в межкультурной коммуникации

В статье рассматривается проблема межкультурного общения на *lingua franca*, языке, являющемся неродным для всех участников коммуникации. В сегодняшнем поликультурном и полиязыковом мире общение представителей разных лингвокультур всё чаще происходит на языке-посреднике или третьем языке. В какой-то мере данная реальность отвечает давней, идеальной мечте человеческого общества о создании единого универсального языка как средства взаимопонимания между культурами и народами. Именно это желание вступать в коммуникацию, несмотря на языковые барьеры, способствовало, начиная с 17 в., разработке искусственных языков, претендующих на всеобщность и унифицированность. Одним из самых известных и распространённых искусственных языков считается Esperanto с более чем двумя миллионами говорящих на нём людей. Эсперанто задумывался, однако, не с целью вытеснения родного языка, а только лишь как второй язык. Как показывает история, идея об универсальном средстве общения, способном восстановить до-«Вавилонскую» языковую общность народов, осталась фикцией. Уместно в этой связи следующее мнение: «Если бы все люди говорили на одном языке, разве не замечательно это было бы? И да, и нет. Мы могли бы явно легче понимать друг друга, но нам всем тогда было бы почти нечего сказать друг другу» (Spitzer 2003:73).

В последние десятилетия, тем не менее, на роль *lingua franca* в силу ряда объективных причин всё более претендует английский язык (English as *Lingua franca* – ELF) как наиболее вероятный кандидат на положение глобального языка (Crystal 1997:3-8). По приблизительным данным на английском языке могут говорить от 1,2 до 1,5 млрд. человек в мире, что составляет почти четверть человечества. При этом для самой многочисленной группы людей, пользующихся английским он не является родным

(non-native-speakers), а выбирается ими как язык-посредник в профессиональном общении с носителями других языков и культур (Seidlhofer 2000:141). Безусловно, можно говорить о разных вариантах языкового посредничества во многих частях мира (например, русский язык в общении между представителями бывшего восточного блока государств и т.д.), но объём распространения этих вариантов намного меньше по сравнению с использованием английского языка.

В исследовательской перспективе такой тип межкультурной коммуникации, когда ни один из партнёров по взаимодействию не пользуется родным языком, порождает множество вопросов. Например, облегчает ли общение тот факт, что оба собеседника говорят на чужом для них языке; можно ли назвать такую коммуникацию симметричной и предполагает ли она полное равенство и психологический комфорт; насколько значима разница в языковой компетенции общающихся; какую роль в подобной интеракции играет величина культурной дистанции между её участниками; в какой степени коммуникативный акт опосредован страной пребывания и ситуацией и т.д.

Начатый список можно продолжать далее, однако, как представляется, большинство вопросов группируется вокруг интересующей нас темы и одного из её аспектов. Общение на *lingua franca* обеспечивается знанием общего языкового кода, универсального для данной конкретной ситуации. При этом возникает проблема, релевантная для успешного осуществления межкультурного взаимодействия, а именно: нормы и правила какого коммуникативного стиля проявляются или должны проявляться в таком общении.

Коммуникативный стиль в самом общем понимании рассматривается нами как национально-типичное в коммуникативном поведении носителей лингвокультурной общности. Таким образом, каждый из коммуникантов привносит в процесс взаимодействия свой коммуникативный стиль, усвоенный в ходе инкультурации в рамках родной культуры, кроме того, коммуникация в некоторой мере регулируется той языковой картиной мира, которая «присваивается» вместе с изучением иностранного языка. В этой связи можно говорить о разных сценарных вариантах развития интеракции в зависимости от того, будут ли партнёры по *lingua franca* стремиться к обоюдному приспособлению, стараясь придерживаться некоего усреднённого коммуникативного стиля, удовлетворяющего участников такого общения; перейдут ли на стиль, типичный для чужого культурного окружения; либо каждый из них будет действовать только в соответствии с нормами коммуникации, принятыми в родной лингвокультуре.

Один из любопытных примеров, иллюстрирующих пересечение национальных коммуникативных стилей в эпизоде межкультурного научного дискурса на ELF, описывают немецкие лингвисты: «В рамках академических дискуссий необычное коммуникативное поведение продемонстрировали японские участники, которые в противоположность

нашим ожиданиям, связанным с принятым у японцев стилем научного дискурса, проявили себя при обсуждении прозвучавшего доклада резко конфронтативно и явно оскорбляющее. Лишь достаточная компетенция в области интеркультуралистики позволила выступавшему докладчику проинтерпретировать реакцию японских коллег не как личное оскорбление, а как форму «межкультурной гиперкорректности», выразившейся в далеко зашедшем приспособлении японцев к предполагаемым западным дискуссионным нормам» (ср. Knapp, Knapp-Potthoff 1990:78). В данной ситуации неожиданный выбор одной из сторон (независимо от используемого языкового кода) коммуникативного стиля своих партнёров по общению вызвал скорее осложнение в коммуникативном процессе и стал, по сути, причиной межкультурного недоразумения. Таким образом, результатом наложения стилей коммуникации разных культур могут быть как полный коммуникативный сбой, так и благополучное завершение интеракции.

Немногочисленные известные нам работы, анализирующие коммуникацию на *lingua franca*, рассматривают исключительно специфику употребления английского языка как межкультурного посредника (Cristal 1997; Firth 1996; Ogden 1930; Quirk 1982; Seidlhofer 2001). Полученные результаты, однако, дают представление об общих тенденциях общения на третьем языке, а сделанные выводы, вероятно, могут быть экстраполированы на ситуации, где в качестве *lingua franca* выступает любой язык.

По наблюдениям исследователей, коммуникация, опосредованная третьим языком, в значительной мере ориентированна на консенсус, взаимную поддержку и общую стратегию терпимого отношения к языковым и коммуникативным ошибкам («let it pass»). При этом допущение грамматических, фонетических, лексических неточностей остаётся без внимания до тех пор, пока это не нарушает понимания и не ведёт к серьёзным недоразумениям в процессе интеракции. В противном случае коммуниканты прибегают к дополнительным уточняющим вопросам и переспросам (Firth 1996). В целом, взаимодействуя в таком формате, говорящие значительно реже, чем это бывает в коммуникации с носителем языка, исправляют друг друга или завершают чужой коммуникативный ход (там же).

Использование упрощённых вербальных форм в общении на *lingua franca* по-своему отражается на коммуникативном поведении партнёров. В диалоге, например, его участники выступают скорее как инициаторы высказываний, чем как активные реципиенты. В силу этого, такая коммуникация характеризуется недостаточным чередованием коммуникативных ролей и редкой сменой тем, что соответственно отличает коммуникативный стиль общающихся на языке-посреднике от стиля носителей этого языка (Seidlhofer 2001:143).

При анализе межкультурных контактов на *lingua franca* отмечается, что собеседники демонстрируют разные коммуникативные стратегии, пытаясь преодолеть пробелы в языковой компетенции. Так, часто используются

описательный способ или объяснение с помощью переключения кода, когда говорящий переходит на родной язык. Комический эффект при этом вызывает формулирование вопроса на своём языке с целью выяснения у иноязычного партнёра необходимого английского термина (Glaser 2003:79). Позволим себе, однако, не согласиться с автором процитированных строк по поводу того, что вербальные затруднения общающихся в коммуникации проявляются в таких универсальных знаках, как смех, молчание, паузы и т.п. Известно, что эти невербальные средства не могут претендовать на полную универсальность в силу их культурной специфичности. Многократно описан, например, «типичный» смех жителей азиатского региона, который наряду с выражением положительных эмоций (радость, симпатия), является также «ширмой», за которой прячутся отрицательные эмоции (смущение, недовольство, злость), что, собственно, относится к особенностям их коммуникативного стиля (Knapp 1992:66).

Существенную трудность межкультурного общения на *lingua franca* представляют эксплицитно невербализованные значения и смыслы, такие как «конверсационные имплицатуры» (Grice 1975), иронические замечания, косвенная критика, так называемые *Pope-Q*-ответы (Bouton 1999), причисляемые к категории риторических вопросов, и другие культурно-обусловленные дискурсивные явления.

Способность слушающего понимать не только высказанное, но и подразумеваемое содержание, адекватная интерпретация услышанного и соответствующая на это реакция предполагают в идеале наличие у партнёров общих пресуппозиционных знаний или хотя бы достаточной общей коммуникативной компетенции. Например, на косвенный вопрос, с которым иностранец обращается на улице к носителю немецкого языка: «*Entschuldigen Sie, wir möchten gern Mittag essen*», как правило, последует ожидаемая обратная связь: «*Ja, gleich 50 Meter von hier auf der anderen Straßenseite ist ein nettes Restaurant*». Однако имеющая здесь место логическая импликация может быть не распознана при коммуникации на *lingua franca*, так как неноситель языка скорее всего сосредоточится на буквальном значении фразы, а не на её выводном смысле.

Ещё более проблемной считается реализация речевого акта, включающего уже упомянутый «*Pope-Q*»-ответ. Данная речевая стратегия, выделенная на материале английского языка, подразумевает обратную реакцию «Да, разумеется» или «Нет, конечно». Её номинация восходит к прототипическому вопросу: «*Is the Pope Catholic?*», который обычно используется вместо ответа на очевидный вопрос (например, на вопрос «*Do you think Pete will come home late tonight?*» может последовать ответ «*Does the sun come up in the east?*»). Однако такой уровень общения на третьем языке требует высокой культурно-коммуникативной компетенции (ср. Glaser 2003:80).

Особую роль в достижении взаимопонимания в межкультурном взаимодействии на *lingua franca* играет ситуационный контекст. Как

отмечают учёные, чем больше точек пересечения имеют коммуниканты в отношении контекста общения, тем меньше конфликтный потенциал такого общения (ср. Seidlhofer 2001:149). Очевидность данного утверждения бесспорна, так как сама прагматическая категория ситуационный контекст объединяет обширный класс социально-культурных детерминант. М.Л. Макаров относит к последним: тип деятельности, предмет общения, уровень формальности или официальности, статусно-ролевые отношения, место общения и обстановка, социально-культурная «среда» и т.п. (Макаров 2003:148). Представляется, что перечисленные факторы тесно взаимосвязаны с аспектом симметричности vs. асимметричности отношений коммуникативных партнёров, известным из общей теории коммуникации. По мнению О.А. Леонтович, предпочтительные для межкультурного общения симметричные отношения, теоретически возможны при соблюдении трёх условий, в число которых входят: 1) взаимное признание коммуникантами равенства культур, к которым они принадлежат; 2) интеракция на территории «третьей» страны; 3) использование «третьего» языка (Леонтович 2002:282). Отмечая далее, что на практике в межкультурном общении в целом присутствуют те или иные проявления асимметрии, автор склонна рассматривать коммуникацию на *lingua franca* как более симметричную. Частично соглашаясь с мнением авторитетного для нас лингвиста, поразмышляем всё-таки насколько можно говорить о коммуникативном равенстве партнёров, общающихся на языке-посреднике.

Принимая *lingua franca* за константную величину во взаимодействии коммуникантов, не знающих языка друг друга, попробуем выделить вариативные параметры, влияющие на процесс и результат такого коммуникативного акта. Определённое значение в интеракции, опосредованной третьим языком, имеет фактор территории или местонахождения коммуникантов. В этом смысле очевидны две типичные ситуации локализации взаимодействия:

1. Оба партнёра в чужом культурном окружении (например, китаец и русский в Германии – общение на немецком);

2. Один партнёр в чужой лингвокультуре – второй – в родной лингвокультуре (например, немец и японец в Японии или русский и немец в России – общение на английском).

Как показывает опыт, первый вариант общения отмечен более симметричными отношениями, поскольку проявления стилей коммуникации в этом случае не носят ярко выраженного противопоставления. Нахождение в чужой культуре, так или иначе, диктует личности необходимость приспособления своего коммуникативного поведения к нормам и правилам данного окружения. Ситуация, когда один из участников интеракции на языке-посреднике находится в родной культуре, сопряжена, как правило, с его имплицитным или даже эксплицитным доминированием в коммуникации, что, как правило, очевидно для партнёра-гостя.

Думается, что определённую роль в формировании облика коммуникативного взаимодействия на *lingua franca* играет сумма таких факторов, как языковая (в плане владения иностранным языком), энциклопедическая (знания о мире и ситуации, которые могут стать содержанием языкового общения) и общая интерактивная компетенции коммуникантов. Соответственно, явное преимущество по этим позициям одного из них нарушает симметричные отношения.

При анализе степени асимметрии в обсуждаемом типе коммуникации можно говорить и о разнице культурно-коммуникативной дистанции между представителями контактирующих культур. И.Э. Клюканов выделяет пять видов дистанции, определяющих отношение к чужой культуре: пренебрежение, уклонение, равнодушие, восприимчивость, равенство (Klyukanov 1999), соотносимые в известной степени с этапами развития межкультурной сенсильности в модели М. Беннета: отрицание, отвержение, минимизация, признание, адаптация, интеграция межкультурных различий (Bennet 1986). С нашей точки зрения, коммуникативное партнёрство, степень приспособления к коммуникативному стилю собеседника в общении на *lingua franca* напрямую зависят от позиционирования себя в отношении восприятия культуры партнёра.

Таким образом, даже несколько названных факторов позволяют сделать вывод о том, что коммуникация, опосредованная третьим языком, не всегда однозначно может квалифицироваться как симметричная или более благоприятная в плане успешности, по сравнению с межкультурным общением между носителем и неносителем языка.

Представляется, что круг вопросов, затронутых в этой статье, может являться темой отдельного теоретического исследования, посвящённого проблемам межкультурной коммуникации, опосредованной *lingua franca*, и особенностям проявления в ней (национальных) стилей коммуникации, носителями которых являются языковые личности из разных лингвокультур.

Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография. Волгоград, 2002.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.

Bennet M. Modes of Cross-Cultural Training: Conceptualizing Cross-Cultural Training as Education. In: International Journal of Intercultural Relations 10, 1986.

Bouton L.F. (1999): Developing non-native speaker skills in interpreting conversational implicatures in English. In: Hinkel, E. (Hg.), Culture in Second Language Teaching and Learning, Cambridge, S. 47-70.

Crystal D. (1997): English as a Global Language. Cambridge.

Firth A. (1996): The discursive accomplishment of normality: On «*lingua franca*» English and conversation analysis. Journal of Pragmatics 26: 237-259.

Glaser E. (2003): Fremdsprachenkompetenz in der interkulturellen Zusammenarbeit. In: Thomas, A.; Kinast, E.-U.; Schroll-Machl, S.(Hg.), Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Band 1: Grundlagen und Praxisfelder, Göttingen. 59.

Grice H.P. (1975): Logic and conversational implicature. In: Cole, P. (Hg.), Syntax and Semantics. New York, S. 411-458.

Klyukanov I.E. A System Approach to Multicultural Education // The Edge: E-Journal of Intercultural Relations, Vol. 1,2.

Knapp, Karlfried: Interpersonale und interkulturelle Kommunikation. In: Bergemann, Niels/Andreas L.J. Sourriseaux (Hg.): Interkulturelles Management. Heidelberg: Physica 1992, S. 59-79.

Knapp, Karlfried/Knapp-Potthoff, Annelie: Interkulturelle Kommunikation, in: Zeitschrift für Fremdsprachenforschung 1/1990: 62-93.

Ogden C. (1930): Basic English. A General Introduction with Rules and Grammar. London.

Quirk R. (1982): International communication and the concept of Nuclear English. In: Brumfit, D., English for International Communication. Oxford, S. 15-28.

Seidhofer B. (2001): Clothing a conceptual gap: the case for a description of English as a lingua franca. International Journal of Applied Linguistics 11 (2): 133-158.

Spitzer, Manfred: Semantische Netzwerke. In: Bolten, Jürgen/Claus Ehrhardt (Hrsg.): Interkulturelle Kommunikation. Verlag Wissenschaft&Praxis, 2003.

Мария Андрей

Правила представления и знакомства у румын

В наши дни мир устроен таким образом, что люди все чаще, по разным причинам, думают о том, как установить новые связи и отношения с другими лицами, как расширить круг своих знакомых. Как ни странно, никто не сможет сделать этого без того, чтобы не представиться или быть не представленным кому-либо, даже если он является широко известной общественной личностью. У румынского народа, как и у других народов, существуют особые правила представления при знакомстве.

Такт и тактика в правильном представлении при знакомстве

В нашей статье «Приветствие у румын» (Андрей 2004:38) мы показали некоторые приоритеты приветствия, соблюдающиеся в румынской культуре: молодые лица приветствуют старших людей, нижестоящие по должности лица приветствуют вышестоящих по должности лиц, мужчины приветствуют женщин.

Нужно отметить, что существует много общего между этикетом приветия и этикетом приветствия. Как в случае приветия, так и в случае представления, т.е. момента возникновения социального отношения или момента его закрепления, инициативу имеет лицо, нижестоящее по должности. Оно приветствует вышестоящего по должности, после чего его представляют вышестоящему по должности. Возьмем гипотетический пример: в помещении находятся, на короткое время, не знакомые друг с другом мужчина и женщина. В помещение входит хозяин дома. Он представляет мужчину женщине. Женщина может протянуть мужчине руку для легкого пожатия, для поцелуя, называя при этом свое имя и фамилию или просто называя свое имя и фамилию, без использования жестов, например, **Мария Попеску**. Правильный этикет требует этой формулы – *полного имени + фамилии (Мария Попеску)*, а не только *полного имени* – *Мария* или другой сокращенной формы имени. Таким же образом называет себя и мужчина: он будет говорить не просто *Богдан*, а **Богдан Ионеску**. Если оба лица молодые, то молодой человек обращается к девушке при помощи обращения „*domnișoara*”, например, **Domnișoara Laura** (*domnișoara* = барышня), а она отвечает ему: ***Nu e mai simplu să-mi spui Laura? Назовите меня проще – Лаура.***

Ритуал представления при знакомстве означает установление личной связи между двумя лицами, перестающими с этих пор быть чужими друг другу. С этого момента этикет разрешает разговаривать друг с другом, приглашать друг друга, приветствоваться. Не разрешается, однако, воспользоваться новой связью в личных целях или сразу стать фамильным. Это может привести к прекращению связи, могущей стать полезной или могущей превратиться в дружбу. Сохраняется, таким образом, определенное расстояние между лицами, основанное на обоюдном уважении.

В узких кругах представляют всех присутствующих. На приемах, на балах весь этот церемониал невозможен. Однако приглашенные должны знать хозяина дома, его жену, почетного приглашенного и соседей по столу. В такой ситуации общения представление делает хозяин дома или лицо, назначенное это делать. В его отсутствии приглашенные представляются друг другу.

Некоторые правила представления при знакомстве

Представляется мужчина женщине, младший по возрасту – старшему, нижестоящий по иерархической должности – вышестоящему, низший служащий – начальнику, одним словом, низший социальный, возрастной, служебный ранг – вышестоящему рангу. Таким образом, прагматически неправильной считается ситуация, когда, например, господин директор представлен кем-либо рабочему, служащему, премьер-министр представлен кем-либо сельскому работнику и т.д.

Посмотрим, гипотетически, основные моменты представления.

Господин X, молодой журналист, тридцати лет, приглашен куда-то вместе с господином Y, директором издательства, известным писателем. После ужина, господин X просит своего друга господина Z представить его господину Y. Именно представить, так как господин X моложе его и лицо менее важное, чем известный писатель. Вместе со своим другом, господин Z идет к господину Y и представляет его: ***Domnule director, îmi permiteți să vi-l prezint pe prietenul meu domnul X? – Domnul X, – Domnul Y.*** (Господин директор, разрешите представить Вам моего друга господина X? – Господин X, – Господин Y).

Речевое выражение формулы представления сопровождается определенной мимикой и жестикой: кивком головы, легким поклоном и рукопожатием. Оба представленные лица легко наклоняются в знак уважения друг к другу: господин X с более выраженным оттенком уважения, чем господин Y. Господин Y почти в то же время протягивает руку господину X. Таким образом, оба лица были представлены.

В дальнейшем, сформулируем некоторые основные правила представления при знакомстве:

- Господин X, молодой человек, должен быть представлен известной личности в лице господина Y и не наоборот, по правилу нижестоящий по должности – вышестоящему.
- В отсутствии хозяина дома его близкий друг может осуществить представление.
- Почтительный наклон сопровождает представление, за которым следует пожатие руки и только потом следует разговор.
- Молодая девушка представлена пожилому мужчине и не наоборот, хотя этикет требует, чтобы мужчина был представлен женщине. В данном случае приоритет имеет возраст.
- При представлении политической или общественной личности можно сообщить лишь должность и не называть ее имени. Например: ***Domnul director al Fundației...*** (Господин директор Фонда ...), ***Domnule director vi-l prezint pe domnul doctor X*** (Господин директор представляю Вам господина врача X).
- При церемонии с протоколом называют лишь фамилию лица (без имени), которого представляют.
- В каком-либо обществе сначала произносится фамилия входящего лица и лишь потом – фамилии присутствующих лиц.
- Приходящее лицо представляется в первую очередь: ***Mamă, aceasta este Ioana, colega mea*** (Мама, это Иоана, моя коллега).

Самопредставление как способ знакомства

Долгое время единственным правильным способом представления в обществе был тот, в котором участвовало третье лицо. В наши дни в социальной, частной или профессиональной жизни самопредставление уже не смелость и не дерзость. К самопредставлению обычно прибегают, когда

число присутствующих является достаточно большим или по каким-либо причинам хозяин мероприятия забыл это сделать. Мотивом для самопредставления могут быть и какие-либо общие интересы или увлечения, сближающие участвующих в мероприятии. В данном случае, хорошие манеры требуют, чтобы в обществе мужчина постарше представился сам другому помоложе. Женщинам не принято самим представляться мужчинам, но в отличие от женщин мужчинам это разрешается. Иногда, во избежании неприятных ситуаций, как, например, долгое молчание, возможно и самопредставление молодого человека мужчине в возрасте или женщине, с условием не ему первому протянуть руку.

Формулы самопредставления приблизительно такие же, как и при представлении посредничеством третьего лица. Мужчина может говорить: ***Permiteți-mi să mă prezint, Mihai Popescu*** (Разрешите представиться, Михай Попеску). Однако если в данной ситуации говорящий хочет выразить свою вежливость, любезность к лицу, с которым знакомится, то он будет употреблять предложение типа: ***Mă scuzați că trebuie să mă prezint, dar, cum gazda este foarte ocupată, îmi permit să o fac singur*** (Извините / Простите, что должен представиться, но поскольку хозяин очень занят, позволю себе самому это сделать), или предложение в другой формулировке, в зависимости от обстоятельств.

Приведем конкретные речевые формулы представления при знакомстве, используемые в современном румынском общении.

Представление, знакомство через посредника

Permiteți-mi să vă prezint pe domnul / doamna ... (Разрешите представить Вам господина / госпожу / барышню ...)

Faceți cunoștință cu ... (Познакомьтесь с ...)

Ați fi atât de amabil să mă prezentați domnului / doamnei ... (Будьте любезны, представьте меня господину / госпоже ...)

Vreți să mă prezentați domnului / doamnei ... (Хотите представить меня господину / госпоже ...)

Permiteți-mi să vă prezint domnului / doamnei ... (Позвольте / Разрешите представить Вас господину / госпоже ...)

Faceți-mi plăcerea și prezentați-mi pe domnul / doamna ... (Сделайте удовольствие и представьте мне господина / госпожу ...)

Cunoașteți pe domnul / doamna ... (Вы знакомы с господином / с госпожей ...)

Aș dori să vă fac cunoștință cu ... (Я хотел бы познакомить Вас с ...)

Vi-l prezint pe domnul / doamna ... (Я представляю Вам господина / госпожу ...)

Представление, знакомство без посредника

Mă numesc ... (Меня зовут ...)

Numele meu este ... (Мое имя ... Меня зовут ...)

Numele meu de familie este ... (Моя фамилия ...)

Permiteți-mi să mă prezint ... (Разрешите мне представиться ...)

Cum vă numiți? (Как Вас зовут?)

Care este numele dumneavoastră? (Как Ваше имя?)

Возможные ответные реплики

Îmi pare bine. (Очень приятно.)

Îmi pare bine să vă cunosc. (Приятно познакомиться с Вами.)

Sunt încântat de cunoștință. (Я рад познакомиться.)

Sunt fericit (-ă) că v-am cunoscut. (Я счастлив(-а), что познакомился (-лась) с Вами.)

Sunt foarte onorat să vă cunosc. (Большая честь познакомиться с Вами.)

Îmi face o deosebită plăcere / onoare să vă cunosc. (Большое удовольствие / Большая честь / для меня познакомиться с Вами.)

Este o mare plăcere / onoare să vă cunosc. (Большое удовольствие / Большая честь / познакомиться с Вами.)

Ce plăcere să vă cunosc! (Какое удовольствие познакомиться с Вами!)

Plăcerea / onoarea este de partea mea. (Удовольствие / честь / с моей стороны.)

Am avut deja plăcerea / onoarea să-l / să o / cunosc pe domnul / doamna ... (У меня уже было удовольствие / честь / познакомиться с господином / с госпожой ...)

Noi ne cunoaștem deja. (Мы уже знакомы.)

Noi ne-am mai întâlnit. Eu Vă cunosc. (Мы уже встречались. Я Вас знаю.)

V-am mai văzut undeva. (Я Вас где-то видел.)

Am auzit de dumneavoastră. Mi s-a spus de dumneavoastră. (Я о Вас слышал. Мы о Вас говорили.)

Fața / Figura / dumneavoastră îmi este cunoscută. (Ваше лицо мне знакомо.)

Таковы основные формулы румынского речевого этикета в рассмотренных коммуникативных ситуациях, которые призваны облегчить общение при знакомстве и устранить неприятные случаи, возникающие из-за различных культурных особенностей. Румынские речевые формулы представления при знакомстве важно учитывать при межкультурном общении, при обучении румынскому языку как иностранному.

Концепт «невежливый человек» в коммуникативном сознании ребенка

Исследование коммуникативного сознания младшего школьника, опирающееся на концепцию З.Д. Поповой, И.А. Стернина о коммуникативном сознании, анализ коммуникативных категорий и концептов показал, что наиболее релевантными для коммуникативного сознания младшего школьника являются категории *общение, вежливость, коммуникативный идеал, нормативность, оценочность* и нек. др. Выделены гиперкатегории, которые образуют ядро коммуникативного сознания младшего школьника – *общение* и *вежливость*.

Коммуникативная категория *вежливость* является одной из важнейших коммуникативных категорий и интегрирует целый ряд более частных категорий. Ей принадлежит важнейшая роль в обеспечении и организации гармоничного и социально адекватного общения.

Для уточнения содержания когнитивной категории *вежливость* в коммуникативном сознании детей был проведен опрос младших школьников методом направленного ассоциативного эксперимента (*невежливый человек – это...*). Дети предлагали несколько реакций.

Результаты оказались следующими.

Учащиеся **1 класса** (53 чел.) дали такие реакции:

1. Неприветливый, неприятный в общении – 25 реакций: *Саша плохой 16, грубый, грубиян 8, плохой (человек) 1*.

2. Не использует вежливые слова – 15 реакций: *не здоровается; не говорит «здравствуйте»; не говорит «привет»; Ира, не здоровается; который не здоровается при встрече, не говорит «спасибо», не говорит вежливые слова*.

3. Не соблюдает нормы поведения – 10 реакций: *некультурный человек, невоспитанный 5; всех бьет, дерется, толкается 5; Саша Князев, он невоспитан (поясняет вот такие невежливые люди!), не выполняет правила этикета, перебивает взрослых; балуется, бежит по школе; разговаривает на уроке*.

4. Обладает отрицательными моральными качествами – 6 реакций: *злой, жадина, жадина-говядина*.

5. Не соблюдает нормы общения – 5 реакций: *ни с кем не дружит, человек, который не умеет общаться 2; обижает; спорит всегда со всеми, кто любит спорить 2*.

6. Использует невежливую речь – 5 реакций: *говорит невежливые слова, говорит плохие слова 3, обзывается, обзывает взрослых 2*.

7. Не уважает других – 3 реакции: *который не уважает старых, человек, который не уважает других*.

8. Не любит других – 2 реакции: *человек, который никого не любит, кроме себя, не любит друзей.*

9. Не помогает – 1 реакция: *не помогает бабушкам и дедушкам нести сумки.*

Результаты опроса детей **2 класса** (42 чел.) таковы:

1. Не соблюдает нормы поведения – 47 реакций: *некультурный человек, некультурно ведет себя в гостях; он плохо себя ведет; грубит старшим; он ругает маму, перебивает взрослых; балуется на уроке, кричит на уроках 13; он не уступает места взрослым 2; за столом некультурно себя ведет, кривляется за столом, ест руками 3; толкается, кидается тапками, приходит из школы и бросает в бабушку тапки 3; царапается, подножки ставит 2; он дерется, бьет маму, бьет друзей, бьет своих детей, может избить ни за что прохожего или ребенка 18; дергает за косички; пишет на стенах.*

2. Использует невежливую речь – 30 реакций: *грубо разговаривает, орет, плохо говорит, плохо разговаривает с людьми, говорит невежливые слова, говорит плохие слова, говорит глупые слова; ругается матом 12; обзывается, обзывается на всех, дает кличку человеку, дразнит всех маленьких, обзывается на стареньких бабушек, на учителя 13; оговаривается, огрызается с мамой или с бабушкой, ему сказали что-нибудь принести, он начинает тут же оговариваться, оговаривается с родителями 7.*

3. Не соблюдает нормы общения – 24 реакций: *обижает людей, девочек обижает, обижает друзей, обижает маленьких детей; не слушается взрослых, не слушается никого, непослушный, не слушается родителей, не слушает старших, он не слушает маму и папу 10; над всеми смеется; говорит неприятные слова близким; человек, который не умеет общаться с людьми; по-плохому относится к людям; звонит не по делу; Например, идет в школу Яна и Коля. Яна говорит: «Подержи пакет, Коля». Вдруг у Коли расстегнулась куртка, и Коле мешают портфель, Коля попросил Яну подержать портфель, Яна сказала: «Мне самой тяжело, и ты меня еще просишь».*

4. Не использует вежливую речь – 15 реакций: *не здоровается, не говорит «здравствуйте» учительнице или другу, когда заходит в класс, не здоровается, не приветствует друга и подругу; не здоровается при встрече с человеком, например, идет учитель и говорит: Привет, Миша, а Миша в ответ: «Здорово»; не говорит волшебные слова, не говорит вежливые слова.*

5. Неприветливый, неприятный в общении – 10 реакций: *грубый, плохой человек 8; не порядочный; не нравится.*

6. Обладает отрицательными моральными качествами – 10 реакций: *жадный; он злой 3; обманывает, обманывает учителя 3; обижает животных, бьет собак и кошек 3.*

7. Не помогает – 4 реакции: *не помогает старым, не помогает другому человеку.*

8. Не уважает других – 3 реакции: *не уважает своих родителей.*

9. Неумный – 3 реакции: *неумный человек 2; дурак.*

Опрос **третьеклассников** (62 чел.) дал следующие результаты:

1. Не соблюдает нормы поведения – 68 реакций: *невоспитанный 14; некультурный 15; плохо ведет себя за столом, всем портит аппетит, чавкает как поросенок 2; хулиган 3; бьет ногой по банке на улице; дерется, драчун, бьет маленьких, бьет друзей 11; он все время выскакивает на уроке, не стучится в дверь, бегают на перемене, балуется на уроках, бьет ногой дверь, когда учителя нет, он балуется после звонка, бегают по этажам, он все время получает двойки по поведению, ко всем лезет, разговаривает на уроках, он рвет книжки, он рвет обои 14; не уступает места в транспорте; он плохо ведет и с родителями ругается; ябеда; показывает язык; дайте то, подайте то, купите мне то, это я хочу, а это не хочу; обманщик; крадет вещи.*

2. Использует невежливую речь – 38 реакций: *плохо говорит 4; говорит плохие слова 7; ругается матом 5; оговаривается, огрызается, грубит старшим, грубит взрослым и одноклассником 10; дразнится, обзывается, человек говорит всякие гадости на людей 10; говорит в повышенном тоне с родителями, кричит на людей 2.*

3. Не соблюдает нормы общения – 35 реакций: *человек, который всегда ссорится; спорит с друзьями, всегда спорит 2; не слушается 2; обижает детей, Юра Попов, он невежливый, обижает девочек, если он старше кого-то, то может обидеть меньшего, обижает бабушку и родных, обижает друзей 15; не уступает другим, не уступает товарищу 2; человек, который не пожелает никому здоровья, счастья; он не умеет вежливо общаться 2; не отвечает на приветствия, на просьбы; не выполняет просьбы; отнимает игрушки, отнимает у всех все 3; человек, который предаст друзей; плохо говорит о других; плохо общается со взрослыми.*

4. Неприветливый, неприятный в общении – 18 реакций: *нехороший человек 4; плохой 12; грубый; у него нет друзей, которым можно довериться в беде.*

5. Не использует вежливую речь – 16 реакций: *не здороваются со взрослыми; не здороваются 10; не говорит здравствуйте и до свидания 2; не говорит спасибо 2; не благодарит; не употребляет вежливые слова.*

6. Не помогает – 9 реакций: *он никому не помогает; не помогает другу, не помогает маме, папе 3; не помогает дома 2; мама убирает за него; не стирает свои вещи; своего друга бросает в беде.*

7. Обладает отрицательными моральными качествами – 8 реакций: *злой человек 2; не делится, не делится с друзьями, если принесет что-нибудь вкусное, он просит, а сам не дает 3; у этого человека жестокое сердце; обижает животных 2.*

8. Не уважает других – 4 реакции: *не уважает труд других людей; человек, который не уважает старших; не уважает своего товарища и взрослых людей; не уважает своего собеседника.*

9. Не любит других – 4 реакции: *любит самого себя; не любит маму; не любит никого; к друзьям относится плохо.*

10. Неумный – 2 реакции: *глупый – 2.*

11. Некрасивая речь – 1 реакция: *человек, у которого очень мало красивых слов.*

Опрос учащихся **4 класса** (67 чел.) дал следующие результаты.

1. Не соблюдает нормы поведения – 27 реакций: *некультурный, некультурно общается с людьми 4; плохо поступает, ведет себя плохо, нарушает дисциплину, не знает правил поведения, не знает этикета 6; толкается 2; всех бьет, драчун, дерется ногами, бьет слабого 5; этот человек все ломает; хулиган 3; не уступает в автобусе место пожилым людям, еще его можно назвать невежей, зашла в автобус бабушка, а тот человек не уступил ей, и с его стороны это будет невежливо 2; не соблюдает правила за столом и в гостях 2; выкрикивает 2.*

2. Не использует вежливую речь – 15 реакций: *он никогда не говорит вежливых слов 3; не здоровается, не здоровается со старшими, не говорит спасибо, пожалуйста, здравствуйте, до свидания, добрый день, доброе утро, добрый вечер, пока, прощай 12.*

3. Использует невежливую речь – 14 реакций: *невежливо говорит; говорит плохие слова; ругается матом, любит ругаться со всеми и матом 2; грубит 4; обзывается, обзывается на друга 3; оговаривается, оговаривается со взрослыми 3.*

4. Обладает отрицательными моральными качествами – 9 реакций: *злой 3; кто не любит делать добро; жадный, ничего не дает друзьям 5.*

5. Не соблюдает нормы общения – 9 реакций: *не слушает маму, не слушает родителей, непослушный 3; не благодарит за помощь; никогда не извиняется; обидит, подиутит над старой бабушкой; не заботится о других людях; не дружит с друзьями; человек, который плохо относится к окружающим.*

6. Не уважает других – 7 реакций: *не уважает ни взрослых, ни детей, и даже своих товарищей.*

7. Неприятный, неприятный в общении – 6 реакций: *нехороший; грубый 2; плохой; с ним неприятно общаться; всегда ворчит и всегда сердитый.*

8. Не любит других – 3 реакции: *не любит других; любит сам себя; думает только себе.*

Полученные реакции отражены в таблице.

Невежливый человек – это...

№ п/п	Реакции	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.
I.	<i>Коммуникативная вежливость</i>				
1.	Не использует вежливую речь	15	15	16	15
2.	Использует невежливую речь	5	30	38	14
3.	Неприветливый, неприятный в общении	25	10	18	6
4.	Не соблюдает нормы общения	5	24	35	9
5.	Не уважает других	3	3	4	7
II.	<i>Поведенческая вежливость</i>				
1.	Не соблюдает нормы поведения	10	47	68	27
2.	Не помогает	1	4	9	-
III.	<i>Требования к речи</i>				
	Некрасивая речь	-	-	1	-
IV.	<i>Моральные качества</i>				
1.	Обладает отрицательными моральными качествами	6	10	8	9
2.	Не любит других	2	-	4	3
V.	<i>Интеллектуальные качества</i>				
	Неумный	-	3	2	-

Как показывают результаты исследования, «**невежливый человек**» в сознании младших школьников это, в первую очередь, тот человек, который не соблюдает требования, относящиеся к составляющей «коммуникативная вежливость», а именно это «**неприятный, неприветливый в общении**», «**не соблюдающий нормы общения**», который использует «**невежливую речь**» и не использует «**вежливую речь**», он **неуважительно** относится к окружающим.

Таким образом, исследование подтверждает ранее полученные данные о содержании коммуникативной категории **вежливость** в сознании младших школьников.

Е.Р. Савицкайте

Принципы кооперации и вежливости в прогностических текстах (на примере русских и немецких гороскопов)

Прогностический текст (гороскоп) – это сообщение, передаваемое различными языковыми средствами и осуществляемое чаще всего в письменной форме, характеризующееся содержательной и структурной

завершенностью, проявляющиеся, как правило, имплицитно и имеющее явную или скрытую авторскую установку.

Составители прогностических текстов неосознанно проповедуют косвенную речевую тактику. Стратегия адресата предполагает скрытие основной цели – выполнение приказа (рекомендации). Чтобы замаскировать «коварную» стратегию, астрологи неосознанно ориентируются на принцип кооперации Г.П. Грайса, включающий в себя полноту и качество информации, и принцип вежливости Дж. Н. Лича, в состав которого входят максимы такта, великодушия и согласия. Именно это ставится во главу угла при создании текстов гороскопов. Рассмотрим их функционирование.

Максима полноты информации фактически связана с количеством (дозировкой) презентруемой информации (Клюев 1998:83). Применительно к текстам гороскопов реализация данной максимы носит субъективный характер, и ее невозможно проверить эмпирически, т.к. все зависит исключительно от способности составителя прогноза исчерпывающе предсказать грядущие события, от его мнения по этому поводу, его авторитетности и типа гороскопа (вербальный, невербальный, креолизованный, дескриптивный, нарративный), выбранный им для осуществления задуманного.

Насколько будет объемлен и содержателен предлагаемый текст гороскопа зависит от астролога и типа текста, которому он отдает предпочтение (нарративные не столь объемны, чем дескриптивные). Можно встретить как русские, так и немецкие вербальные тексты гороскопов, состоящие всего из двух фраз (речевых актов – директива (косвенного директива) и ассертива или наоборот). Тем не менее подобный объем несколько не отражается на качестве и полноте прогностической информации, поскольку и одним высказыванием астролог может полно выразить свою мысль.

ОВЕН. *Эти дни окажутся удачными во всем: для поездок, свиданий, финансовых сделок, покупок (ассертив). Планируйте самые разнообразные встречи – деловые, дружеские, романтические (директив).*

SCHÜTZE. *Konzentrieren Sie sich auf wichtige Ziele und bereiten Sie sich gut vor (директив). Denn nach der Woche können Sie wieder vorankommen (ассертив).*

СТРЕЛЕЦ. *Сконцентрируйтесь на важных целях и хорошо подготовьтесь (директив). Т.к. (потому что) через неделю вы снова сможете двигаться вперед (ассертив).*

Тоже относится к вербальным текстам гороскопов, содержащих всего один речевой акт – ассертив или директив, что характерно как для русского, так и немецкого гороскопов.

ВЕСЫ. *Оформление документов будет успешным (ассертив).*

СКРОПИОН. *Перенесите принятие окончательного решения (директив).*

СТИЕР. *Sie haben einen guten Tag für Ihre Reise (ассертив).*

ТЕЛЕЦ. *Хороший день для вашего путешествия (ассертив).*

ZWILLINGE. *Ihre Aktien stehen heute günstig* (ассертив).

БЛИЗНЕЦЫ. *Ваши дела (шансы) сегодня хороши* (ассертив).

STEINBOCK. *Seien Sie am Tage aufmerksam und vorsichtig!* (директив).

КОЗЕРОГ. *Будьте днем внимательны и осторожны!* (директив).

LÖWE. *Hören Sie auf Ihren Körper und Ihre Intuition!* (директив).

ЛЕВ. *Слушайте ваше тело и вашу интуицию!* (директив).

Хотелось бы отметить, что максима полноты информации плавно перетекает в максиму качества, которая по Г.П. Грайсу гласит: «Старайся, чтобы твое высказывание было истинным» (Грайс 1985:222). Это достаточно скользкое утверждение, в особенности для прогностических текстов. Чтобы не попасть впросак, авторами текстов гороскопов «используются популярные астрологические толкования и схемы» (Степанов 2005:64), позволяющие им «сохранить свое лицо», сделав свой прогноз универсальным.

Волшебным образом оба предсказания говорят правду, т.е. они истинные. Скорпион может получить телефонный звонок от бывшего одноклассника, прежнего сослуживца или знакомого, а Рыбы – получить дельный совет от пожилого, соответственно более опытного родственника, соседа или приятеля (не секрет, что советы – любимый конек стариков). Другие рекомендации (избегать дискуссионных тем и вздорных людей) являются столь общими и содержат настолько большую долю простого здравого смысла, что их ценность совсем невелика. Но если опираться на авторитетное мнение астролога (печатного или электронного издания), то, как было замечено ранее, фактор доверия к данному гороскопу значительно возрастает, что является неременным условием дальнейшей реализации заложенной в нем прогностической информации. При этом очень часто забывается тот факт, что принятие данного текста гороскопа за истину во многом зависит от самого адресата, от его «податливости», готовности подчиниться внушающим воздействиям (Психологический словарь 1988:52), принять мысли астролога за свои, смоделировать свое поведение согласно предложенному им сценарию.

Этот эффект известен психологам как «самоподтверждающееся пророчество» (Степанов 2005:64). Тексты гороскопов оказывают определенное влияние на людей, для которых они составлены. Если человек прочитает, что его знаку свойственна особенная честность, то он будет стараться не ударить лицом в грязь и поддержать репутацию своего созвездия (там же).

Таким образом получается, что адресат сам способствует осуществлению прогноза, превращая его в подлинный, лишняя раз доказывая, истинность и качество данного гороскопа. Даже если в силу каких-то причин этот прогноз не исполняется, т.е. происходит нарушение максимы качества информации, то делается оговорка, что наряду с неудачными предсказаниями у астролога N. есть внушительный перечень «удачных» (сбывшихся) гороскопов. В такой ситуации происходит апелляция к прошлым заслугам и к авторитетному мнению либо коллеги по цеху

(другому астрологу), либо опираются на высказывание известных личностей из сферы культуры (киноактеров, поп-музыкантов и т.д.), доказывающее, что это ошибка, досадное недоразумение. Впрочем, признание ложности прогностической информации достаточно редкое явление, поэтому подобного рода казусы предпочитают просто не замечать.

В дополнение к этому следует заметить, что с ходом времени предсказания кажутся все более и более оправдывающимся. На эту способность памяти обратил внимание еще З. Фрейд: человеку свойственно помнить положительные высказывания о себе и своем будущем и забывать отрицательные. В нашей памяти остаются лишь «качественные» предсказания, связанные с именем определенного астролога или «правдивые» гороскопы из печатных или электронных СМИ.

Теперь обратимся к принципу вежливости Дж. Лича и рассмотрим совокупность ряда максим: такта, великодушия и одобрения (Leech 1983:187-188.) применительно к текстам гороскопов. Максима такта является доминирующей как при составлении отдельного гороскопа, так и при формировании всего дискурса гороскопов. Она «не позволяет» адресатам сообщать негативную информацию или предполагает ее смягчение, т.е. адресантам делают одолжение, избавляя их от того, что они не хотят услышать или боятся подтверждения своих худших опасений. Составители гороскопов ориентируются на то, чтобы с помощью своего или заимствованного авторитетного мнения полностью подавить беспокойство адресатов, завуалировав его обещанием спасения или выходом из сложившейся ситуации.

В первую очередь, это является действительным для немецких гороскопов, где бережное отношение к адресату стоит на первом месте. Как об этом говорилось ранее, в немецких прогностических текстах упоминаются только счастливые дни (Glückstage), счастливые числа (Glückszahlen) или числа судьбы (Schicksalzahlen). В последние несколько лет в России наблюдается тенденция изменения отношения к адресату в плане смягчения агрессии, уменьшения пессимизма и проявления большего такта. В русских и немецких гороскопах для выражения максимы такта служат ассертивы и косвенные директивы в разных комбинациях или одни ассертивы.

Ваши дела идут не очень хорошо (ассертив). Не волнуйтесь (косвенный директив), в эти дни все поспешит вам на помощь и предложат моральную и материальную поддержку (ассертив).

Am Wochenende guälen Sie trübe Gedanken (ассертив): Sie machen damit Ihr Leben nur schwer (ассертив). Gönnen Sie sich etwas Schönes, z. B. einen Besuch bei der Kosmetikerin. (косвенный директив). Sie fühlen sich danach entspannter und schöner (ассертив).

В конце недели вас мучают мрачные мысли (ассертив): этим вы делаете вашу жизнь только тяжелой (ассертив). Позвольте себе что-то

прекрасное, например визит к косметологу (косвенный директив). После этого вы почувствуете себя расслабленное и прекрасное (ассертив).

В силу соблюдаемой на подсознательном уровне максимы такта в текстах гороскопов «ретуширование» неблагоприятной информации и «выпячивание» позитивной происходит только с помощью ассертивов, но один из них, как правило, второй по счету, содержит придаточное условное.

Es gibt kleine Probleme im Job und in der Partnerschaft (ассертив). Aber wenn Sie gelassen bleiben, bekommen Sie Unterstützung von alle Seiten (ассертив).

Существуют небольшие проблемы в работе и партнерстве (ассертив). Но если вы останетесь спокойной, вы получите поддержку со всех сторон (ассертив).

В начале недели вас ожидают стрессовые ситуации (ассертив). Но если будете держать себя в руках, то ситуацию удастся изменить к лучшему (ассертив).

Второй ассертив, содержащий придаточное предложение, можно разбить на две части и рассматривать как скрытый директив (придаточная часть), т.к. в нем содержится тщательно замаскированный призыв к действию и собственно ассертив (ожидаемый результат).

В данном случае ассертив, несущий негативную информацию, стоит на втором месте. Общий позитивный настрой, запрограммированный создателем текста гороскопа, сохраняется в силу того, что на первом месте находится ассертив, содержащий положительную прогностическую информацию. В целом это соответствует максиме такта.

В начале недели вас ожидают денежные поступления (ассертив). Из-за неотложных финансовых проблем они растают как дым (ассертив).

In diesem Monat können sich neue berufliche Perspektiven eröffnen, die nicht nur Ihr Ansehen fördern, sondern auch die Finanzen stabilisieren (ассертив). Sie überstürzen aber, und die Zeit der großen Chancen neigt sich dem Ende entgegen (ассертив).

В этом месяце могут представиться новые профессиональные перспективы, которые не только поддержат ваш авторитет, но также стабилизируют денежные дела (ассертив). Но вы поступите опрометчиво, и время больших возможностей подойдет к концу (ассертив).

Максима великодушия проявляется в предоставлении права выбора, как поступить в данной ситуации и не навязывании составителем прогностических текстов своих решений. Однако данное «великодушие» мнимое, поскольку в голове адресата уже существует определенные установки или же он находится под влиянием авторитетного мнения астролога или печатного (электронного) СМИ, содержащих гороскопы. Все же ему приятно думать, что решающее слово остается за ним, тем более если прогностическая информация выдается с максимальной вежливостью: здесь присутствует утешение или автор гороскопа как бы извиняется, выражает сожаление из-за отрицательного астрологического прогноза.

У вас черная полоса в жизни (ассертив). Не принимайте близко к сердцу (косвенный директив). Рано или поздно все образуется (ассертив).

Ihre Liebe zerbricht, und zwar ohne Vorwarnung (ассертив). Und das ist bitter (ассертив). Kapseln Sie sich nun bloß nicht vor Ihrer Umwelt ab! (косвенный директив). Andere bestehende Kontakte bringen Freude und Glück (ассертив).

Ваша любовь «ломается», а именно без предупреждения (ассертив). А это горько! (ассертив). Только не замыкайтесь в своем окружающем мире (косвенный директив). Другие существующие контакты принесут вам радость и счастье (ассертив).

В небольшой группе текстов гороскопов проявляется максима одобрения, которая является «максимой позитивности в оценке других» (Клюев 1998:117). Обычно она присутствует в виде авторской ремарки, лишней раз подтверждая чье-то авторитетное мнение, и выражается такими словами, как «хорошо», крайне редко «чудесно», «превосходно». Попадающие под данную характеристику немецкие тексты гороскопов содержат слово «gut» (хорошо), а иногда целые предложения «Es ist schön» (Это прекрасно). Хотелось бы отметить, что соблюдение авторами гороскопов данной максимы определяет позитивность оценки прогностической информации адресатами, способствуя формированию их общего положительного мировосприятия. Для этого служат два ассертива, причем второй содержит оценку.

Вы давно уже полноценно не отдыхали. Хорошо, что, наконец, вы послушались совета близких и устроили себе каникулы.

Ваше финансовое положение стабильно и не внушает никаких опасений. Прекрасно, если вы наконец-то решитесь на покупку дорогих вещей.

Sie sehen, dass Ihr Geliebte sich mit einer interessanten Sache beschäftigt. Gut, wenn Sie Ihre Freizeit nun künftig auch mit dieser Beschäftigung ausfüllen und das ihnen Spaß machen.

Вы видите, что ваш любимый занимается интересным делом. Хорошо, если вы в свое свободное время в будущем теперь тоже займетесь этим занятием и это доставит вам [обоим] удовольствие.

Ihr Partner braucht mehr Erholung, und Sie kümmern sich darum. Es ist schön, dass Sie das Wohlergehen Ihres Partners über alles stellen.

Вашему партнеру необходимо больше отдыха, и вы позаботитесь об этом. Это прекрасно, что вы ставите хорошее самочувствие вашего партнера выше всего.

Как видно из вышеизложенного, не все максимы, входящие в принцип вежливости Дж.Н. Лича, получают свою реализацию в текстах гороскопов. «За скобками» остаются такие максимы, как максимы релевантности, манеры (принцип кооперации) и одобрения, скромности, симпатии (принцип вежливости), что вызвано осуществлением речевой тактики в особом виде прогностического текста – гороскопа.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.

Клюев К.В. Речевая коммуникация: Учебное пособие для университетов и вузов. М., 1998.

Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. М., 1988.

Степанов С.С. Популярная психологическая энциклопедия. М., 2005.

Leech G.N. Principles of Pragmatics. London. N.Y., 1983. Ch. 6: A survey of the interpersonal rhetoric, P. 187-188.

Н.А. Лемяскина

Концепты *диалог* и *монолог* в коммуникативном сознании младших школьников

В рамках исследования коммуникативного сознания младшего школьника было проведено исследование содержания концептов *диалог* и *монолог*.

Исследование концепта *диалог* в сознании младших школьников проведено с помощью метода субъективных дефиниций («*диалог — это...*»). Результаты исследования таковы.

Опрос учащихся **1 класса** (25 чел.):

1. Разговор (общение) двух людей – 92%: *два человека общаются между собой; два человека разговаривают.*
2. Разговор – 4%: *разговор.*
3. Неспособность сформулировать – 4%: *работа в парах.*

Опрос учащихся **2 класса** (28 чел.):

1. Разговор (общение) двух людей – 60%: *два человека разговаривают между собой; два человека разговаривают друг с другом; когда два человека общаются между собой; когда два человека разговаривают или смеются, радуются, когда человек любит общаться с друзьями; когда несколько человек общаются друг с другом.*
2. Разговор – 36%: *разговор людей; слова, разговор.*
3. Неспособность сформулировать – 4%: *диалоги бывают о животных.*

Опрос **третьеклассников** (22 чел.):

1. Разговор (общение) двух людей – 58%: *разговор двух человек; когда между собой разговаривают два человека; разговор двух людей, диалог состоит из предложений, связанных между собой по смыслу; разговор двух людей, когда они общаются.*

2. Разговор – 30%: *люди говорят друг с другом.*
3. Правильный разговор – 12%: *правильный разговор, культурное общение, не мыкать, не орать, не коверкать слова, хороший тон.*

Дети **4 класса** (26 чел.) дали следующие ответы:

1. Разговор (общение) двух людей – 96%: *разговор между двумя людьми; когда два человека разговаривают друг с другом; разговор между двумя людьми, например: Привет, Даша, как поживаешь? Спасибо, Ира, хорошо; когда два человека общаются вместе, друг другу о себе рассказывают; общение между двумя людьми.*

2. Разговор – 4%: *когда несколько человек разговаривают на одну тему.*

Таким образом, в коммуникативном сознании большинства младших школьников концепт **диалог** представлен когнитивным признаком «разговор (общение) двух людей», который является ядерным для концепта и совпадает с семантическим признаком лексемы, репрезентирующим концепт **диалог**; только в 3 классе появляется признак «правильный разговор», который отсутствует в сознании детей 1-2 и 4 классов. Таким образом, можно отметить, что у детей в основном сформировано представление о диалоге.

Было также проведено выявление признаков, составляющих содержание концепта **монолог** в коммуникативном сознании детей младшего школьного возраста.

Опрос учащихся **1 класса** (42 чел.) показывает, что данный концепт представлен следующими когнитивными признаками:

1. Разговор одного человека – 72%: *когда один человек много разговаривает; один человек говорит.*

2. Люди разговаривают (общаются) – 24%: *когда говорит много людей; когда люди общаются; когда два человека разговаривают;*

3. Разговор – 6%: *это разговор.*

Таким образом, в коммуникативном сознании 30% первоклассников содержатся признаки, являющиеся возрастными – «разговор (общение) людей», «разговор», что отражает поверхностные представления детей о монологе.

Опрос детей **2 класса** (45 чел.) дал следующие результаты:

1. Разговор (речь) одного человека – 88%: *когда один человек ведет речь; когда человек рассказывает какую-нибудь историю; один человек говорит; когда человек рассказывает; разговор человека с самим собой.*

2. Люди разговаривают – 8%: *когда разговаривают два человека между собой.*

3. Разговор – 4%: *разговор людей.*

Опрос **третьеклассников** (56 чел.) дал такие данные:

1. Разговор (речь) одного человека – 96%: *когда человек говорит один, и ему никто не должен мешать; когда говорит один человек; речь одного*

человека; разговор одного человека; говорит один человек, рассказывает что-нибудь интересное; когда один говорит, а другой его слушает; когда говорит один человек и его не перебивают; когда сам с собой разговариваешь.

2. Люди разговаривают (общаются) – 4%: *это общение одного человека с другим.*

Дети 4 класса (59 чел.) дали следующие ответы:

Разговор одного человека – 100%: когда один человек рассказывает что-то другим людям; высказывание одного человека людям о себе или о других; один человек рассуждает сам с собой или рассказывает на сцене зрителям; когда один зрителям рассказывает в театре; когда человек рассказывает по радио, по телевизору или рассказывает другу что-нибудь интересное о себе; когда выступает один человек; это, например, я рассказываю маме и папе, почему я получил «5» или я рассказываю, как я провел лето одноклассникам; когда человек рассказывает обо всем, что он знает и видел, или разговаривает сам с собой; когда один человек говорит, а другие должны выслушать его, и еще когда он что-нибудь объясняет; речь одного человека; когда говорит всего лишь один человек, а не несколько. Человек может читать монолог, на каком-нибудь мероприятии; разговор одного человека или говорит один человек. От какого-то языка – моно-один, лог-говорить, получается говорит один; когда человек разговаривает один, как в «Последнем герое», они разговаривали с камерой; юмористический монолог одного человека, как на концертах в передаче Евгения Петросяна «Смехопанорама», там говорит один или его (монолог) написал, монолог называется.

Таким образом, исследование показывает, что концепт *монолог* в коммуникативном сознании детей 4 класса представлен как *«разговор одного человека»*. Результаты позволяют выявить не только общие представления младших школьников о монологе, но также их представления:

- о содержании монолога (*о себе или о других; рассказывает другу что-нибудь интересное о себе, почему я получил 5; я рассказываю, как я провел лето одноклассникам; когда человек рассказывает обо всем, что он знает и видел; что-нибудь интересное*);

- о месте рассказа (*на сцене зрителям; в театре по радио, по телевизору, на каком-нибудь мероприятии*);

- о видах монолога (*юмористический монолог; разговор с самим собой*);

- кому рассказывает человек (*маме и папе; другу; зрителям*);

- об этимологии слова (*моно – один, лог – говорить*);

- об условиях (*другие должны выслушать его; ему никто не должен мешать; его не перебивают*);

- о примерах использования (*в передаче Евгения Петросяна «Смехопанорама»; в «Последнем герое» они разговаривали с камерой*).

Таким образом, концепт *монолог* представлен в сознании детей достаточно большим количеством дополнительных признаков, в том числе

по осуществлению монолога (что, где, кому рассказывать и т.п.), что позволяет сделать вывод о сформированности данного концепта в коммуникативном сознании младших школьников, его релевантности для детского коммуникативного сознания.

О.В. Пасечник

Метафорическая репрезентация агрессора, врага и жертвы в медиа-картине мира

Теоретической основой нашего исследования служит когнитивная теория метафоры Лакоффа и Джонсона, рассматривающих метафору как способ осмысления сущности некоторого типа (относящейся к области-мишени) в терминах понятий, относящихся к сущностям другого, более простого, базового типа (относящимся к области-источнику). Область источника описывается сигнификативными дескрипторами – словами (или словосочетаниями), репрезентирующими понятия из самых разных семантических полей, а область цели – денотативными дескрипторами – выражениями, репрезентирующими политические и социальные феномены.

Объектом настоящего исследования выступают немецкие медиа-тексты – тексты газетной публицистики, поскольку они характеризуются развернутостью сообщений, отражающих поступательное развитие реального политического события с предельной наглядностью, которая порождает «эффект присутствия».

В медиа-тексте подвергаются интерпретации политические события внутри социума, вне его, действия различных стран на политической арене, события внутренней жизни социума и прочее. Репрезентация фрагмента реальности в медиа-тексте состоит в создании средствами языка модели внеязыковой реальности, в формировании определенной картины мира.

В настоящей статье мы попытаемся представить одно из глобальных событий современности, а именно войну в Ираке, через призму метафорической репрезентации в газетно-публицистическом дискурсе Германии.

Лингвистический анализ метафорических образов позволил выделить метафоры, репрезентирующие основных участников войны, как-то: метафорические образы политических лидеров, так называемых «агрессоров», образы врагов и жертв. В нашем исследовании они представлены различными типами метафор (антропонимической, общественно-политической, теонимической, топонимической, зооморфной, историографической и т.д.), актуализирующими и различные значения: властность, коварство, вероломность, злость, циничность, мудрость, расчетливость и другие. Тем самым названные выше типы метафор позволяют рассматривать личность агрессора, врага и жертвы с точки зрения их

морально-нравственных, интеллектуальных, эмоционально-психологических и других качеств. В результате рассматриваемые метафорические презентации формируют цельный образ человека, фигурирующего в публицистическом дискурсе либо как жертва, либо как враг, либо как агрессор.

Агрессором, по мнению американской стороны, выступает в данном конфликте политический лидер Ирака Саддам Хусейн. В газетно-публицистическом дискурсе Германии он довольно прямолинейно предстает перед читателем в образе агрессора, представляющего опасность всему человечеству. На основе проанализированных образных метафор нами были выделены метафоры, репрезентирующие морально-этические и интеллектуальные качества личности Хусейна как агрессора.

Морально-этические качества диктатора представлены в нашей работе такими метафорическими образами Хусейна, как *«bewaffneter Schläfer im Untergrund»*, *ein Überlebenskünstler, der kühle Kalkulierer, der Monster dieser Welt, ein dämonisierter Drittwelt-Diktator, der weise Führer der revolutionären Massen, der Groß-Iraker, der Tyrann vom Tigris, der «teuflische» Saddam, der Despot vom Tigris»*.

В соответствии с тем, что послужило сферой-источником образования той или иной метафоры, отображающей морально-этические качества Хусейна, нами были выделены следующие типы метафор: 1) гидронимические метафоры (*der Tyrann vom Tigris, der Despot vom Tigris*); 2) социально-политические метафоры (*Drittwelt-Diktator, der weise Führer der revolutionären Massen*), актуализирующие компонент значения «властность»; 3) антропонимические метафоры (*der kühle Kalkulierer, ein Überlebenskünstler, bewaffneter Schläfer im Untergrund*), актуализирующие значение коварства и вероломства; 4) теонимические метафоры (*der «teuflische» Saddam, ein dämonisierter Drittwelt-Diktator*), актуализирующие значение злости и циничности.

Из выделенных нами групп метафорических образов Саддама Хусейна, характеризующих различные типы качеств его личности, второе место занимают метафоры, коррелирующие с воплощением в них интеллектуальных качеств. Они представлены следующими типами метафор: 1) социально-политические метафоры (*der weise Führer der revolutionären Massen, ein Sicherheitsproblem*); 2) антропонимические метафоры (*der kühle Kalkulierer*), актуализирующие степень интеллектуальных способностей иракского диктатора.

Таким образом, метафорический портрет иракского лидера выражает отрицательное эмотивно-оценочное отношение к Хусейну и в газетно-публицистическом дискурсе Германии представляет его личность как агрессора.

Однако в контексте данных политических событий необходимо остановиться и на образах врага и жертвы, которые также представлены в медиа-текстах по анализируемой тематике обширным спектром метафор.

По мнению Хусейна и иракского населения, врагами Ирака являются американцы, а именно политическая элита Соединенных Штатов Америки, «развязавшая» военные действия в Ираке и дестабилизировавшая обстановку с целью реализации на их территории собственных интересов.

В нашем исследовании враг «такого калибра» представлен образными метафорами следующих типов: 1) зооморфная метафора (*die Falken im Pentagon*), актуализирующая значение обладания властью и авторитетом в определенных политических кругах и в мире в целом; 2) теонимическая метафора (*diese Freunde des Teufels und der Dunkelheit*), которая актуализирует значение соотнесения определенной группы людей с силами зла, с дьявольской силой.

Целостный образ врага в нашем исследовании моделируется не только на основе образов людей, представляющих правящую элиту США. Кроме всего прочего, моделирование образа врага обеспечивается и за счет наличия в анализируемом корпусе примеров метафор, репрезентирующих образ армии, Вооруженных Сил США, а именно солдат, ведущих боевые столкновения с армией Ирака.

В анализируемом нами фактическом материале солдаты Вооруженных Сил США представлены двумя типами метафор: 1) зооморфной метафорой (*die hoch technisierten Spürhunde der USA*), репрезентирующей американских солдат в образе высоко технически оснащенной собаки-ищейки, выполняющей любые команды хозяина (в данном случае руководства США), и 2) историографической метафорой (*Neue Kreuzritter*), на основе которой метафорически враг сравнивается с крестоносцами, приобретая при этом такие качества, как ненависть, безжалостность и агрессивность.

Образ врага дополняется метафорическими образами, репрезентирующими врага США – террористов-мусульман, представляющих угрозу мирной жизни на всей планете.

Как и предыдущие метафорические образы врага, данная группа представлена разнообразными типами метафор: 1) физиологическими метафорами (*ein «gook», ein «Schlitzauge», ein «raghead», ein «Kopftuchkerl»*), которые как на эксплицитном, так и на имплицитном уровне актуализируют значение пренебрежения к врагу другого вероисповедания и имеющему расовые отличия; 2) социально-политическими метафорами (*Terrorpate, die flüchtige Nomenklatura, die anderen Schergen des Regimes, Al-Qaida- und Taliban-«Gäste»*), отражающими как социальный статус людей-врагов, так и их эмоционально-психологическое состояние, представляя их в образе людей, занимающих главенствующие позиции, и в то же время людьми трусливыми.

Представленный анализ метафорических образов агрессора и врага позволяет сделать вывод о том, что как те, так и другие образы коррелируют с отрицательной оценкой и отрицательным отношением к тем людям, которые и стали объектом метафоризации. Несмотря на высокую степень интеллектуальных и физических способностей и

социальный статус, все они представлены не с лучших сторон на мировой политической арене.

Этого нельзя сказать об образах людей, относящихся к жертвам этого политического конфликта. В газетно-публицистическом дискурсе Германии жертвы представлены разнообразными метафорами, как нельзя точно описывающими как их социальный статус, так и эмоционально-психологическое состояние. Образы жертв представлены в нашем исследовании следующими метафорами: 1) антропонимической метафорой (*Kampfesmüde*), передающей внутреннее состояние жертвы; 2) натурологической метафорой (*grauenhafte Leichenberge*), имеющей в своей семантике и сему квантитативности, актуализирующую значение огромного количества жертв; 3) географической метафорой (*eine traurige Karawane*), которая, как и предыдущая, имеет значение квантитативности, передавая при этом не только эмоционально-психологическое состояние, но и численность людей, оказавшихся жертвами войны; 4) антропонимической метафорой («*Micky-Maus-Gefangene*»), которая как нельзя лучше актуализирует значение зависимого положения от победившей в войне стороны.

Таким образом, на основе продемонстрированных выше образов агрессора, врага и жертвы, представленных в немецком газетно-публицистическом дискурсе через призму метафоры, следует отметить, что наивысший градус отрицательной оценки в СМИ получили личности агрессора и врага. Этот вывод базируется на том, что метафорически представленные образы содержат на языковом уровне больше лексем с первоначально отрицательной коннотацией (то есть сосредоточенной в фокусе метафоры) или приобретают таковую благодаря буквальному окружению метафоры, в котором мы и находим интенсификаторы отрицательного отношения.

Итак, репрезентируемые образы агрессора, врага и жертвы в зеркале метафоры выступают средством усиления экспрессивности высказывания и показателями степени интенсивности оценки.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.

Теория метафоры / Ред. Н.Д. Арутюнова, М.А. Журинская. М., 1990.

Гак В.Г. Лексико-семантические преобразования // Языковые преобразования. М., 1998. С. 480-498.

Е.С. Жуленёва

Общие жанровые особенности электронного эпистолярия

В литературе, посвященной изучению электронных текстов, давно уже стало общепринятым мнение о том, что когда-то очень популярный, но

потом незаслуженно забытый жанр эпистолярия (письма, сообщения) получил с развитием электронных коммуникаций новую жизнь. Это действительно так, одной из причин этого стало то, что развитие технологий привело к своеобразному шагу назад – от голосовых и визуальных коммуникаций к письменным.

Но тут следует сразу оговорить, что именно включается исследователем в понятие «электронные коммуникации», так как это определение вмещает в себя практически все современные средства связи и передачи информации (например, сюда попадает и сообщения, переданные при помощи факса, и телевизионные трансляции). Так что ощущается некоторая размытость границ исследуемого предмета, поэтому мы попытаемся в данной статье обозначить жанровые рамки, которые отделяют *собственно электронный эпистолярный (ЭЭ) от сообщений, переданных при помощи современных электронных коммуникаций.*

В качестве самого важного такого критерия, как нам представляется, можно обозначить саму среду существования ЭЭ, которую можно определить как *виртуальную*, то есть осуществляемую «в некоей не существующей в реальности точке соприкосновения двух независимых сознаний». Исходя из первого параметра, обязательным критерием становится *скорость передачи сообщений*, которая становится с каждым днем все выше и выше, но это признак является всего лишь следствием, а не причиной выделения ЭЭ как особого жанра (факс тоже передается очень быстро). Так что возникает необходимость выделения третьего критерия, который отличает электронный эпистолярный от всех других видов современной коммуникации – это «способ проявления» информации – *электронный знак*. Таким образом, можно сказать, что главным внешним параметром выделения ЭЭ в особый жанр становится то, что сообщения всегда прочитываются только с экрана, именно это внешнее отличие становится стимулом для внутренней реформации эпистолярного жанра. Конечно, остаются все свойственные бумажным письмам признаки, такие как направленность адресат – адресант, использование форм обращения и т.д., но возникают и свои собственные.

Исходя из вышесказанного, можно определить необходимые требования, которые (чаще всего неосознанно, а иногда и вполне сознательно) предъявляются коммуникантами к электронным посланиям.

1. Исследователями принято выделять *требование краткости*, но мы считаем, что тут скорее нужно говорить о новой «единице измерения текста», которая соотносится с книжной страницей, – об экране. Экран может быть разного размера (от дисплея мобильного телефона до монитора компьютера), но требование к тексту, размещенному на нем, остается одинаковым: он не должен далеко выходить за границы экрана, чтобы не возникала необходимость «перелистывать» страницы. Это связано, как нам кажется, не с экономией времени, а с особенностями восприятия электронной информации (сходными с восприятием рекламного текста) – «одним взглядом» – все, что выпадает за границы взгляда,

становится несущественным и не осознается как важная информация. С этим связано и внимание к визуальному ряду сообщения: к цвету фона, характеристикам шрифта, графическим символам, изображениям (картинкам, фотографиям).

2. Второй принцип дополняет первый и становится в какой-то степени его продолжением. Его можно обозначить как «*ничего лишнего*». В sms-посланиях он реализуется в стремлении изложить всю необходимую для передачи информацию в одно сообщение, чтобы «не платить больше». В больших жанровых разновидностях ЭЭ (электронных письмах, заметках в блогах и т.д.) – в стремлении разбить текстовое пространство на смысловые блоки (например: «Мое настроение», «Музыка дня», «Флуд»). Такое разбиение дает возможность не тратить лишних слов на описание, заменив его простым обозначением, «сжать» значимую информацию, одновременно сделав ее незаметной для того, кто читать не желает.

3. Еще один важный принцип, который отличает электронное сообщение, присущ всему электронному пространству – *гипертекстуальность*. Он создает эффект открытого пространства, так что интимность, присущая бумажному эпистолярному жанру постепенно сходит на нет (она продолжает действовать только в границах электронного письма и sms, все остальные жанры намеренно публичны и направлены на презентацию себя, что в неспециальном сетевом общении является единственно значимой, на наш взгляд, формой существования).

4. Следующее требование, вероятно, менее всего осознается самими коммуникантами, но тем ни менее строго ими исполняется. Это *жесткость структуры* электронного послания, которая связана с техническими условиями передачи текста. Так любое электронное письмо обязательно имеет три основных элемента: заголовок (тема, адрес получателя и т.д.), тело сообщения (сам текст) и подпись (данные отправителя). Единственное исключение из правила – сообщение может не иметь тела в виде текста (вербального, аудиального или графического), но даже в этом случае нельзя говорить об отсутствии переданной информации. Это может быть воспринято или как техническая ошибка, или как тактика значимого молчания. Даже самое краткое из электронных посланий (сообщение в чате или sms) всегда построено по этому принципу:

13.35.06.: DRYUUUU(Fopser): *Как жись молодая, че давно не заходишь?*

Исходя из вышесказанного, можно говорить о жанровой подсистеме эпистолярия. М. Лурье выделяет две формы реализации эпистолярного жанра: письмо и записка. Письмо – это жанр большой и требующий определенного напряжения со стороны как пишущего, так и читающего, а записка – это жанр по случаю «на клочке бумаги». Обе эти формы имеют свои признаки, среди которых можно выделить самый главный разграничивающий критерий: это даже не размер, а функция. Записка предельно конкретна, она несет в себе только фактическую одноуровневую информацию, которая не предполагает ответа, а только доводит до

сведения. Письмо тем и отличается, что несет в себе информацию на нескольких уровнях и состоит из нескольких смысловых блоков, часто композиционно не связанных. Таким критериям соответствуют следующие поджанры электронного эпистолярия:

- 1) крупные формы, соответствующие бумажному письму (электронное письмо, сообщение в форуме, запись в электронном дневнике);
- 2) малые формы, соответствующие бумажной записке (sms-сообщение, реплика в чате).

Остановимся подробнее на двух наиболее спорных жанрах, один из которых представляет большую форму, другой – малую. Это запись в электронном дневнике (блоге) и реплика в чате.

Блог – жанр, объединяющий два вида текстов: новостные ленты со ссылками и электронные сетевые дневники. Нас не будет интересовать первый вариант, и мы не будем подробно рассматривать весь жанр электронного дневника, мы остановимся на способе оформления сообщения в одном из самых популярных на данный момент дневников – «Живом журнале».

Прежде всего возникает вопрос, почему такой интимный жанр как личный дневник стал достоянием общественности, но, как мы уже отмечали выше, это общая тенденция для всего сетевого общения. Но тем ни менее некоторые особенности дневника все равно сохранились. Вся информация, которую автор хочет изложить, делится на три блока по доступности: для собственного пользования, для ограниченного круга (так называемых «френдов») и общедоступная. Именно это разграничение можно назвать в данном случае заголовком, так как именно оно реализует направленность к адресату и указывает его данные. Тело сообщения в данном случае может быть любого объема, но оно тоже имеет свое уровневое деление, которое дает основание исследователям связывать «Живой Журнал» с конференцией, – это встроенная возможность ответить на сообщение в отсроченном варианте на отдельной странице. Наибольшее внимание уделяется третьему элементу оформления сообщения – подписи. В данном случае сюда включается: ник (сетевой псевдоним), юзерпик (изображение, как-то связанное с автором), встроенные комментарии о настроении и любимой музыке автора, и, наконец, само оформление дневника и сообщения становится значимым элементом в самопрезентации автора.

Второй рассматриваемый нами жанр – **чат**, где мы опять же не будем давать развернутую характеристику самому жанру, а остановимся на формальных характеристиках сообщений в нем. Любой чат состоит из потока сообщений, которые упорядочены только по времени появления в нем, так что, как уже неоднократно отмечалось исследователями, архив чата не имеет никакого смысла. Тем ни менее проследить внутренние связи в чате несложно, так как сами по себе сообщения в нем четко структурированы по той же самой схеме: заголовок, который представляет собой ник адресата, тело сообщения (сама реплика) и подпись (ник автора

сообщения и время, когда сообщение было отправлено). Все эти параметры, за исключением тела сообщения и оформления ника автора, являются встроенными, так что не требуют от коммуникантов никаких усилий в написании, часто они их даже не замечают, что и создает эффект живой непринужденной беседы.

Все перечисленные жанры (за исключением письма) обязаны своим появлением развитию электронных коммуникаций, вне которых они просто не могли бы существовать. Так что, несмотря на близость к некоторым внесетевым жанрам (например, чат похож на переписку на парте, где поле текста открыто для каждого; конференция похожа на полифонический роман; а блог похож на дневник), эти жанры могут существовать только в сети, так что не всегда правомерно говорить о том, что электронное послание ничем не отличается от бумажного. Эти жанры реализуют новую форму существования языка – концептуально устного, но реализованного в письменной форме, что наиболее ярко проявляется в малых жанрах электронного эпистолярия, но нужно учесть, что именно эти жанры наиболее распространены, и такая стилистика письма не может не влиять на литературный язык.

Е.В. Швец

Интервью как один из типов устного публичного диалога

Интервьюер – самостоятельная журналистская специализация, хотя нет журналиста, который не занимался бы интервьюированием. Любой репортер задает вопросы. Однако большое портретное или проблемное интервью качественно отличается от репортерского, информационного. Репортера интересует факт или мнение; информационное интервью бывает кратким и «по делу»: психологические характеристики собеседника играют лишь второстепенную вспомогательную роль.

В портретном интервью именно психология выходит на первый план; а в проблемном интервью собеседник подчас ставится в сложное положение, интервьюер тогда может напоминать следователя прокуратуры.

В американских учебниках тележурналистики подготовка к большому интервью сравнивается с разработкой плана сражения. Если в информационном интервью репортер и его собеседник выступают как сотрудники, которым нужно решить общую задачу, т.е. в доходчивой форме поведать что-то аудитории, и такое интервью может быть отрепетировано, то проблемное и портретное интервью всегда содержат «ловушки», нечто неожиданное для партнера. В этом драматургия подлинного интервью, секрет популярности жанра. В этом, наконец, объяснение, почему хороших интервьюеров не так много.

Несмотря на индивидуальный стиль и характер проведения интервью отдельными журналистами, существуют общие закономерности, лежащие в основе любого интервью. Это:

- 1) структурно-композиционная организация (вступление, основная часть, заключение);
- 2) тематическое развертывание (монотематическое, политематическое интервью);
- 3) целевая направленность интервью;
- 4) вербальные и невербальные составляющие взаимодействия коммуникантов;
- 5) соблюдение этикетных норм общения;
- 6) соблюдение языковых норм;
- 7) динамика эмоциональности диалога;
- 8) темп речи;
- 9) объем интервью;
- 10) типы используемых речевых актов.

Интервью, будучи одним из самых ярких образцов «публичного общения», оказывает нормирующее и популяризирующее влияние в области языка и коммуникации в целом. В связи с этим следует отметить двоякую направленность информации, представленной в интервью – функционирование в межличностной коммуникации и адресованность информации зрителям, читателям.

По определению Никки Стэнтон в книге «Communication», интервью – это «любой планируемый и контролируемый разговор между двумя (или более) людьми, который ведется с определенной целью (с позиций хотя бы одного из участников) и во время которого оба говорят или слушают время от времени (по очереди). Наличие цели, планирования и контролируемого взаимодействия в проведении интервью отличает его от повседневного общения» (Stanton 1990:96).

Интервью журналиста с собеседником есть разговор двух людей не просто для обмена сведениями, а с целью создания нового информационного продукта – актуального, общественно значимого, предназначенного для публикации, т.е. журналистское интервью представляет собой явление особой социальной значимости. Полученные в процессе его проведения сведения предназначены не только для удовлетворения любопытства участников разговора или ради личных, профессиональных, корпоративных целей.

В интервью собеседники – журналист (интервьюер) и его партнер (интервьюируемый) – участвуют в информационном обмене для информационного насыщения главного, хотя и незримого, третьего участника коммуникации – аудитории. Следовательно, рассмотрение речевого произведения в рамках непосредственной ситуации общения (включая время, место, участников общения, целей и обстоятельств общения) делают равно необходимым обращение к стороне порождения речи (это

интервьюируемый и интервьюер), но и к стороне ее восприятия (аудитория).

Л.П. Якубинский в своей работе «О диалогичности речи» обратил внимание на то, что «устный диалог как никакой другой тип речи позволяет увидеть сам процесс порождения речи и ее восприятия, потому что момент планирования и момент порождения речи в диалоге максимально приближены друг к другу, точно так же, как и момент восприятия совпадает с процессом порождения» (Якубинский 1986:36).

На самом деле, все формы и варианты общения журналиста в профессиональных целях есть интервью в некотором смысле слова. Конечно, поведение журналиста варьируется от разнообразия целей, уровня поставленных задач и степени индивидуального участия в них журналиста. Но, тем не менее, во всех случаях интервью – это «межличностное вербальное общение для получения информации и производства нового значения в целях удовлетворения информационных потребностей общества» (Лукина 2003:13).

В последние годы все большей популярностью пользуется новая методика интервью, основанная не на скрытом соревновании журналиста и его собеседника, а на партнерском общении. Современные журналисты предпочитают не соревноваться в интервью, а задавать вопросы и получать ответы.

Разработка оригинальных вопросов – важнейший этап в работе каждого журналиста, даже если он сохраняет имидж «неподготовленного интервьюера». Критик журнала «ТВ-ревью» Ю. Богомоллов как-то заметил, что ему не доводилось слышать с экрана таких вопросов, какие он не мог бы придумать сам: «Мне неинтересно смотреть на штангиста, толкающего вес, который могу поднять сам. Хочется видеть рекорды. И профессионалов... Грешен: люблю красивые вопросы. Пока они столь же редки, как красивые голы в отечественном футболе, страдающем той же болезнью – хроническим любительством».

Главная заповедь интервьюера общеизвестна: «Хотите получить интересный ответ – поломайте голову над интересным вопросом». Всегда следует продумать перечень вопросов – так журналист страхует себя от банальных, много раз уже задававшихся, некомпетентных, неуместных вопросов. К тому же многие собеседники не любят, когда с ними разговаривают без подготовки, они рассматривают это как неуважение к себе (могут даже воспользоваться оплошностью, некомпетентностью интервьюера, поставить его в неловкое положение). И подтверждение этому мы находим даже в античной риторике у Платона: «Ты, Сократ, прекрасно спрашиваешь, а тем, кто хорошо спрашивает, мне и отвечать приятно».

Иллокутивными целями вопросов интервьюера традиционно являются:

- получение информации о мнении по определенному вопросу, факту, событию;
- конкретизация, детализация какого-либо факта или события;

- получение информации о биографических данных или планах на будущее.

Наиболее частые вопросы, по мнению исследователей, таковы:

- вопросы к мнению: *Вы считаете, что в сложившейся ситуации, правительство должно уйти в отставку?;*

- вопросы к ощущениям: *Что для вас было сложнее: провести свою первую операцию в кардиологическом центре или первый месяц на посту руководителя?;*

- вопрос – запрос информации о будущем: *Собираетесь ли вы принять участие в следующей экспедиции?*

Такие вопросы помогают раскрыть личность человека, что и является конечной задачей ведущего интервью. Сегодня современный интервьюер может позволить себе сомневаться во мнении говорящего, высказывать собственное мнение по тому или иному поводу или высказывать предположение, демонстрировать свою осведомленность и свое понимание положения дел, искать подтверждение своим мыслям либо общественному мнению. Это делает современное интервью запоминающимся, ярким, увлекательным. Это характерная черта развития современного русского диалогического дискурса.

Интервью как одна из самых ярких форм «публичного диалога» позволяет увидеть и зафиксировать новые тенденции развития устной публичной речи. Новые подходы в профессиональной журналистской практике основываются на принципах открытости, прозрачности, толерантности и уважении к собеседнику.

Stanton N. Communication. NY, 1990.

Лукина М. Технология интервью. М., 2003.

Л.В. Куликова

Проявление национального коммуникативного стиля в немецком академическом дискурсе

Академический дискурс понимается в данной работе как нормативно организованное речевое взаимодействие, обладающее как лингвистическим, так и экстралингвистическим планами, использующее определённую систему профессионально-ориентированных знаков, учитывающее статусно-ролевые характеристики основных участников общения (учёных как исследователей и/или преподавателей, а также студентов в сфере университетского образования Германии), интерпретируемое в рамках нашего подхода как культурно маркированная система коммуникации.

Актуализованный в данном виде общения коммуникативный стиль можно определить как устойчивую совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтэкстом коммуникации и проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка.

Собранный в ходе исследования эмпирический материал позволяет выделить несколько основных доминант немецкого коммуникативного стиля в его вербальной и невербальной экспликации в контексте немецкого академического дискурса, некоторые из которых представлены в предлагаемой статье.

Обращаясь к системообразующему жанру учебного процесса «лекция», отметим существенную, на наш взгляд, особенность стиля немецкой учебной коммуникации по сравнению, например, с русским коммуникативным стилем, проявляющуюся в частых апелляциях или реминисценциях к научным прецедентным текстам (цитатам авторитетных англоязычных авторов, названиям известных английских или американских работ) на английском языке, то есть на языке первоисточника.

Например, из лекции проф. Й. Рохе (Мюнхенский университет): «...*Ausgehend von Humboldts Ideen formuliert Whorf dann später ein sprachliches Relativitätsprinzip, demzufolge das Sprachsystem die Wahrnehmung, das Denken und das Verhalten seiner Sprachgemeinschaft bestimmt und so die Projizierung der sprachlichen Strukturen auf die Sicht der realen Welt der Sprachgemeinschaft erzwingt. So Whorf: That part of meaning which is in words, and which we may call «reference», is only relatively fixed. Reference of words is at the mercy of the sentences and grammatical patterns in which they occur...*».

Безусловно, подразумевается, что присутствующие студенты в достаточном объёме владеют английским языком. Ссылки на англоязычные прецедентные тексты обычны и в содержании дискурса семинара, и, разумеется, в выступлениях на научных конференциях.

В языковой реализации коммуникативного стиля в немецком академическом дискурсе наряду с включением прецедентных текстов англоязычных источников заметна также тенденция употребления латинских слов и устойчивых сочетаний. Так, латинские термины встречаются при номинациях участников академической коммуникации (Dr. rerum, venia legendi etc.). Вербальными знаками, принятыми в немецких университетах для упорядочивания времени начала занятий, являются сокращения латинских выражений, стоящих в расписании перед каждым отдельным предметом: *s. t. (sine tempore)*, что свидетельствует о начале лекции в точно назначенное время, и *c. t. (cum tempore)* – как сигнал того, что занятие (лекция или семинар) начнётся на 15 минут позже (так называемые академические четверть часа) указанного в расписании времени.

Как показывают собственные наблюдения, можно с уверенностью говорить о большей коммуникативной активности немецких студентов (по сравнению с русскими) на семинарских занятиях, реализующейся в дис-

куссиях по обсуждаемым темам и вопросам, инициативности и творческом подходе при презентации рефератов. Большое значение придаётся чёткой аргументации, рациональности, выражению собственного мнения, даже если оно конфронтативно по отношению к мнению большинства.

Характерным для немецкого стиля коммуникации в ситуации общения на семинаре можно считать внимательное, заинтересованное слушание говорящего аудиторией, полную вовлечённость в тему выступления, постановку оппонентами острых вопросов. При этом очевидно, что задающий вопрос или комментирующий высказывание, сосредоточившись исключительно на предметном уровне, мало внимания обращает на возможную чувствительность восприятия отвечающего. Поэтому реплика звучит иногда резко или даже несколько оскорбительно, вызывая тот перлокутивный эффект, который не входил в коммуникативное намерение говорящего. Например, достаточно резко с перспективы этического (внешнего) взгляда звучит следующая оценка (Evaluierung) завершившегося цикла семинаров в отношении преподававшего доцента: *«Ich hätte äh nicht das Gefühl, dass von der Dozentin viel äh Interesse für die Teilnehmer aufgebracht wurde. Fachlich bleibt Ihr Wissen unangefochten, doch mhm hätte ich etwas mehr aktives Zugehen auf die Studenten gewünscht. Das Thema war sehr gut, na ja, für spannende Diskussion gut geeignet»* (Реплика используется с разрешения преподавателя, в адрес которого она была высказана). Неудивительно, что в связи с этой особенностью немецкий коммуникативный стиль часто даёт повод считать немцев конфликтными и недипломатичными людьми.

Одной из ярких доминант стиля немецкой коммуникации в целом, научно-учебной коммуникации, в частности, является тенденция к конфронтативности. В качестве примера воспользуемся фрагментом беседы между немецким преподавателем и студентом в рамках еженедельных приёмных часов, проводимых немецкими доцентами. Тема разговора – установка видеокамер в университетской библиотеке как способ борьбы с кражами книг (см. Kotthoff 1993). Проанализируем данный фрагмент институционального общения с точки зрения конфронтативной стратегии или диссонансного общения.

В отношении общей характеристики ситуации подчеркнём, что разговор предварительно спланирован (поскольку встречи во время приёмных часов всегда оговариваются заранее), представляет собой общение двух коммуникантов «лицом к лицу» (студента – S и доцента – D), институционален, но полуофициален, неярко выраженно асимметричен, тематически фиксирован. Поскольку встреча мотивирована определёнными намерениями общающихся, допустимо говорить о её подготовленности, хотя и относительной, в силу того, что реальный дискурс всегда динамичен, а всякое понимание интерпретативно, что обуславливает интерактивное конструирование смыслов и их непредсказуемость. Глобальная коммуникативно-интерактивная цель диалога может быть определена следующим образом: со стороны студента – убедить преподавателя в неправильности принятого решения об установке камер слежения и признание ошибочности такого

подхода; со стороны доцента – опровергнуть неоправданные опасения студентов и настроить их спокойно воспринимать действия университетской администрации.

- 44 S: die wichtigsten Bücher müssen mehrmals auch da sein.
 45 D: na ich hab halt die Befürchtung, wenn – Bücher
 46 dann mehrmals angeschafft werden, dann werden
 47 S ie eben auch mehrmals geklaut, - - HE HE ich
 48 mein, gibt's da irgend en äh - - ich
 49 find den Appell ja so ganz PRIMA, - -
 50 Studienbücher zurückgeben, das ist ganz [schön]
 51 S: [nee] ich mein
 52 D: Lehr [buchsamm] =
 53 S: [mir ist auch]
 54 D: = lungen besser zu bestücken ist sicher auch gut,
 55 aber - - ich mein das sind
 56 (- -)
 57 S: mir ist auch klar dass mit schönen Worten allein
 58 [nix getan ist,] =
 59 D: [(??)]
 60 S: = aber ich mein das is ja nich die einzige Sache.
 61 wogegen wir uns halt äh vor allen Dingen
 62 wehren dass äh mit DIESEN Mitteln' der Überwachung
 63 und der äh also ja das riecht also wirklich nach
 64 Schnüffelei [(? Irgendwo ja?)]
 65 D: [das sicherlich.] in jedem Kaufhaus wird das so
 66 auch gemacht und Sie kaufen trotzdem [da ein
 67 drin. HE HE]
 68 S: [ja da kann da kann] ich mich nicht dagegen
 69 WEHren! hier kann ich mich noch dagegen wehren.¹

¹ Нотационные обозначения к транскрипту (по: Макаров 2003:117; Kotthoff 1993:333):

(??) – неразборчивая речь;

- - невокализованная пауза;

äh – вокализованная пауза;

. просодия завершенности;

, просодия продолжения;

? просодия апеллятивная;

^ интонация восходящее-нисходящая;

/ интонация восходящая;

А слово, выделенное ударением;

ГРОМКО слово, произнесённое громче, чем остальные;

А' лёгкое повышение тона;

= продолжение без паузы, подхват собственной реплики;

[] наложение реплик двух и более человек;

(? Так?) неточное воспроизведение речи.

Как видим, реплики по поводу пропозиционального содержания диалога отражают антагонистические подходы коммуникантов, каждый из которых предпринимает речевые действия с намерением разрушить аргументы партнёра и закрепить свою позицию.

Модальный и эмоциональный смысл несогласия распознаётся во всём первом репликовом шаге преподавателя, начиная с вводной частицы (na), затем лёгком смехе (HE HE) как сигнале абсурдности предложения о многократной покупке книг («...müssen mehrmals auch da sein») и заканчивая просодическим выделением слова (PRIMA), отражающим ироничное отношение к позиции студента.

Кроме того, диссонансным маркером стиля здесь выступают тактики смены темы и встраивание новой, а также употребление внешне позитивных оценок (ganz prima, ganz schön) и ограничивающих их смысл модальных слов (ja so). Появление новой темы достигается через оппозицию (mehrmals angeschafft – mehrmals geklaut), что на текстовом уровне обеспечивает когезию, а на дискурсивно-семантическом уровне вводит новое тематическое направление.

Ответный коммуникативный ход студента, перехватывающий инициативу в диалоге, начинается с прямого несогласия (nee) и закрывает навязываемую ему тему речевым действием (57–58), угрожающим имиджу («лицу») преподавателя. Данная реплика студента, которую можно перефразировать в «всё это красивые слова», выражает недоверие к релевантности и качеству коммуникативных вкладов доцента.

Приводимые далее общающимися про- и контраргументы в защиту своего мнения (60-67) эксплицируют интерактивное и эмоциональное противостояние обоих. В последнем репликовом шаге студента конфликтный потенциал разговора фокусируется на уровне семантики наречий (da – hier), дифференцирующих своё и чужое пространство. Таким образом, проанализированный эпизод демонстрирует возможность диссонанса на выходе из коммуникативного контакта даже в условиях асимметричного институционального общения.

Завершая небольшой обзор особенностей коммуникативного стиля в контексте немецкого академического дискурса, отметим, что исследование специфики институциональной коммуникации в разных лингвокультурах имеет, как представляется, как теоретическое (в плане развития теории межкультурной коммуникации и прагмалингвистики), так и прикладное значение. Обучение за границей, научные обмены и другие, актуальные для сегодняшнего дня формы научно-образовательного общения, предполагают умение ориентироваться в чужом культурном окружении, способность идентифицировать разные коммуникативные стили и их стратегии с целью адекватного коммуникативного поведения в ином дискурсивном пространстве.

Kotthoff, Helga: Oberflächliches Miteinander versus unfreundliches Gegeneinander? In: Interkulturelle Wirtschaftskommunikation (Hg.), Müller, – B. – D. München, 1993.

А.С. Куркина

Общительность как ключевой параметр языковой личности А.П. Чехова

В последние годы в языкознании все чаще проводятся антропологические исследования. В частности, в фокусе внимания оказывается языковая личность и ее индивидуальные психологические и коммуникативные характеристики, непосредственно влияющие на порождаемый ею дискурс. Напомним, что дискурс – это текст, погруженный в ситуацию общения (Карасик 1998:186). Дискурс отражает богатство коммуникативной личности, ее мотивы, интенции, социальный статус, а значит, представляет несомненный интерес изучение условий общения, организации общения и способов общения.

Успешность описания коммуникативного портрета личности на основе анализа ее дискурса во многом предопределяется пониманием структуры коммуникативной личности.

Наше исследование посвящено коммуникативной личности А.П. Чехова, которая рассматривается в парадигме реального общения. «Коммуникативный паспорт» (термин И.А. Стернина) А.П. Чехова сегодня мы можем воссоздать лишь по его эпистолярному наследию и воспоминаниям современников.

Остановимся на важнейшем, на наш взгляд, компоненте (параметре) структуры коммуникативной личности писателя – общительности и рассмотрим его ключевой признак – стремление к общению, который в значительной степени раскрывает своеобразие личности А.П. Чехова.

По воспоминаниям современников А.П. Чехова и огромному эпистолярному наследию (всего сохранилось 4400 писем, написанных в течение 29 лет – с 1875 по 1904 гг.) мы можем признать самую высокую степень общительности писателя. Она проявлялась в стремлении побывать в разных местах, познакомиться с разными людьми и впитать как можно больше впечатлений от окружающей жизни. «Необыкновенно скорый на знакомства и дружбы, он в первые же годы своей жизни в Москве перезнакомился буквально со всею Москвою, со всеми слоями московского общества, а заодно изучил и Бабкино, и Чижино, и Воскресенск, и Звенигород...» (Чуковский 1963:8). «Каждый день знакомлюсь» (Чехов 1975:159), – пишет он из Петербурга. «Каждый день знакомлюсь с девицами» (Чехов 1975:64), – сообщает он из Таганрога. «На Афонe познакомился с архиереем Геннадием, епископом сухумским, ездящим по

епархии верхом на лошади. Любопытная личность» (Чехов 1975:302), – спешит поделиться он впечатлениями.

В его ранних письмах мы читаем: *«Был сейчас на скачках...»*, *«Ел и пил с офицерией...»*, *«Хожу в гости к монахам...»*, *«Уеду на стеклянный завод...»*, *«Буду все лето кружиться по Украине и на манер Ноздрева ездить по ярмаркам...»*, *«Пил и пел с двумя оперными басами...»*, *«Бываю в камере мирового судьи...»*, *«Был в поганом трактире, где видел, как в битком набитой бильярдной два жулика отлично играли в бильярд...»*, *«Был шафером у одного доктора...»*, *«Был на кладбищенских проводах, эти провода до того оригинальны, что заслуживают отдельного описания»*.

А.П. Чехов проявлял необыкновенный интерес к биографиям, нравам, разговорам, профессиям, характерам, походкам, улыбкам, жестам сотен разных людей. Это был интерес наблюдателя, исследователя, изучавшего жизнь и взаимоотношения людей изнутри: *«Наблюдаю пчел и людей, среди которых я чувствую себя чем-то вроде Миклухи-Маклая»* (Чехов 1975:76). В этой связи примечательно высказывание К.И. Чуковского: *«Без этой феноменальной общительности, без этой постоянной охоты якшаться с любым человеком... он, конечно, никогда не создал бы той грандиозной энциклопедии русского быта восьмидесятых и девяностых годов, которая называется мелкими рассказами Чехова»* (Чуковский 1963:9).

Чеховская общительность выражалась также в необычайном гостеприимстве, *«хлебосольство у него доходило до страсти. Стоило ему поселиться в деревне, и он тотчас же приглашал к себе кучу гостей. Многим это могло показаться безумием: человек только выбился из многолетней нужды, ему приходится таким тяжким трудом содержать всю семью – и мать, и брата, и сестру, и отца, – у него нет гроша на завтрашний день, а он весь свой дом, сверху донизу, набивает гостями, и кормит их, и развлекает, и лечит!»* (Чуковский 1963:5).

Брат Михаил вспоминает время, когда семья Чеховых поселилась в подмосковной усадьбе: *«Спали на диванах и по несколько человек во всех комнатах, ночевали даже в сенях. Писатели, девицы – почитательницы таланта, земские деятели, местные врачи, какие-то дальние родственники, званные и незванные, толпились у него по целым неделям»* (цит. по Чуковский 1963:5).

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что А.П. Чехов обладал весьма высокой степенью общительности.

С параметром «общительность» тесно связан такой речевой жанр, как приглашение. К.Ф. Седов определяет речевые жанры как вербальное оформление типичных ситуаций социального взаимоотношения людей (Седов 2001:108).

А.П. Чехов мастерски владел жанром приглашения. Он обладал целым комплексом дискурсивных стратегий, ориентированных на достижение его цели – любыми способами «завлечь» в гости. Особенность этого жанра в

том, что писатель использует вполне продуманные шуточные стратегии «зазывания» друзей и знакомых и меняет коммуникативные роли.

Рассмотрим наиболее типичные коммуникативные стратегии, применяя которые Чехов берет на себя роль «авторитарной личности».

- **«Угроза»**

«Ждем. Если не приедете, то я поднесу Вам в газетах такую пиллюлю, так осрамлю Вас, что в Америку сбежите. Уважительными причинами неявки могут быть: а) дизентерия, б) выход рек из берегов, с) внезапное банкротство, d) народные волнения, е) светопредставление и f) проезд в Бабкино шаха персидского. Других причин не признаю. Слышите ли? Клянусь я первым днем творения, что если Мария Владимировна не приедет, то я, во-первых, не отдам ее рассказа в «Родник» и, во-вторых, всю мою жизнь буду ратоборствовать против детских журналов» (Чехов 1975:146); *«Если она не приедет, то я подожгу ее мельницу»*; *«Какие муки ада мы должны будем придумать для Вас, если Вы к нам не приедете?»* (цит. по Чуковский 1963:7); *«Я обязательно на аркане притащу Вас к себе»* (Чехов 1975:313).

Применяя данную стратегию, Чехов заменяет акт просьбы прийти более ярким актом шуточного устрашения в целях предотвращения возможного несогласия.

- **Демонстрация «обиды»**

«Ненавижу Вас за то, что Ваш успех мешает Вам приехать ко мне» (цит. по Чуковский 1975:7).

В этом случае писатель играет роль капризного и ревнивого ребенка, демонстрируя свои чувства от противного.

- **Мена коммуникативных ролей**

«2x2=4

Вчера я причинил Вам вред...

Я послал Вам посылку, за доставку которой Вы заплатите четвертак.

Пусть этот четвертак послужит штрафом за Ваше упорное, незаконное уклонение от поездки в Бабкино!!

Если не приедете на Троицу, то получите еще одну посылку. Стыдитесь!!

Если не приедете, то желаю Вам, чтобы у Вас на улице публично развязались тесемки у кальсон» (Чехов 1974:247).

В данном дискурсе, адресованном коммуникативному партнеру (Ф.О. Шехтелю), Чехов использует коммуникативную игру, примеряя на себя сначала роль гимназиста, затем роль строгого ментора, а потом опять роль мальчишки-сорванца, при этом меняя стилистическую и тональную окраску.

- **Уговоры**

«Умоляю приехать» (Чехов 1974:120); *«Право, нужно быть большим крокодилом, чтобы подобно Вам коптеть теперь в городе. Послушайте, отчего бы Вам не приехать? Если у Вас есть 70 рублей, то уверяю Вас, этих денег совершенно достаточно, чтобы приехать, пожить в свое*

удовольствие и благополучно вернуться. Если же у Вас нет этих денег, то возьмите займы, украдите, но приезжайте. Потратите Вы 70 р., но вернете 700» (Чехов 1975:267); «Итак, я еду в Украину, а Вы, крокодил, остаетесь в тундре... Зачем Вы остаетесь? К чему? Не говорите мне, что у Вас нет денег на дорогу... Безденежье не может быть препятствием. Надо только решиться... Если у Вас есть 100 руб., то поезжайте. На еду и карманные расходы Вы заработаете на месте...» (Чехов 1975:246).

Дискурсивная стратегия подобных приглашений характеризуется сменой речевых актов, настойчивости: «умоляю приехать», «приезжайте непременно», «уверяю Вас», «если нет денег, то возьмите займы», «украдите, но приезжайте», «надо решиться»; речевыми актами «жалобной просьбы» в вопросной форме: «отчего бы Вам не приехать?», «зачем Вы остаетесь? К чему?»; и актами «беспрекословности»: «не говорите мне, что у Вас нет денег на дорогу», «безденежье не может быть препятствием».

Нередко, приглашая в гости, А.П. Чехов играет роль «доброго волшебника», применяя стратегию обещания.

• **Обещания**

«Вы вот что сделайте: женитесь и валяйте с женой ко мне в мае на дачу недельки на две. Дам Вам и комфорт, и природу, и уезд, и стол для письма... что хотите! ... Обещаю, что Вы освежитесь и великолепно поглупеете. Скучно всю жизнь быть умным...» (Чехов 1974:185); «Вы сильно огорчите меня, если не приедете в Украину. Что я должен пообещать Вам, чтобы Вы тронулись из Питера!» (Чехов 1975:240); «Даю Вам честное слово, что мы не будем делать ничего, окунемся в безделье, которое для Вас так здорово. Мы будем есть, пить, рано вставать, рано ложиться, ловить рыбу, ездить по ярмаркам, музицировать и больше ничего» (Чехов 1975:225).

• **Предписания домашнего доктора**

«Советую Вам ехать в мае. Мне хочется, чтобы Вы понюхали украинский сенокос. На даче я усажу Вас под надзор медицины и убавлю Вам Ваш живот, который делает одышку. Придумаем такой режим, который, не требуя с Вашей стороны никаких жертв, принес бы пользу Вам и моей медицинской репутации» (Чехов 1975:225).

• **Презентация места («поэтическая интрига»)**

С помощью этой стратегии писатель включает воображение адресата и добивается его эмоционального отклика.

«Напоминаю Вам, кстати, о Вашем обещании побывать на Псле. Уж очень у меня хорошо, что и описать нельзя! Природа великолепна, всюду красиво, простора пропасть, люди хорошие, воздух теплый, тоны тоже теплые, мягкие. Вечерами не бывает сырости, ночи теплые... Одним словом, Вы не раскаетесь, если приедете» (Чехов 1975:276); «Стыдно сидеть в душной Москве, когда есть возможность приехать в Бабкино... Житье в городе летом – это хуже недерастии и безнравственнее

скотоложества. У нас великолепно: птицы поют, Левитан изображает чеченца, трава пахнет, Николай пьет... В природе столько воздуха и экспрессии, что нет сил описать» (Чехов 1974:248).

• **Дискредитация места (как способ «завлечь» самых стеснительных)**

В письме, адресованном А.Н. Плещееву, А.П. Чехов приглашает следующим образом:

«Христос Воскрес, мой будущий жилец!.. Вчера я получил письмо от брата, посланного осмотреть нанятую дачу. ...Удобств никаких, комфорта, которого Вы боитесь, нет и в зародыше. Крыльцо обвалилось, и вся усадьба представляет из себя непоэтическую руину. Мебель, по выражению письма, паскудная... Вот в какое гнездышко я хочу затянуть Вас! Как оно ни плохо, но думаю, оно здоровее и просторнее питерской тундры. Приезжайте непременно. Вы боитесь, чтобы мы не отдали Вам лучшую комнату... Лучшей комнаты на нашей даче нет: все худшее... А кроме кровати и стула, вы ничего не получите... Пожалуй, расщедримся и дадим Вам еще стол, но не ломберный, а какой-нибудь трехногий и хромой... Зато есть и гулять будем здорово, без меры и бессовестно» (Чехов 1975:257).

Данную стратегию можно назвать «презентацией от противного». Писатель применяет ее с целью «завлечь» самого скромного коммуникативного партнера, подчеркивая с помощью дискредитации места большую ценность человеческих отношений по сравнению с комфортом. Эта стратегия также помогает А.П. Чехову «вышутить» все дачные неудобства, чтобы с помощью смеха снизить их «устрашаемость», а также свою собственную боязнь, что он не сможет с полным комфортом устроить гостя: *«Вы боитесь стеснить мою семью? Ну, а я боюсь, что мы вас стесним, т.е. не дадим того комфорта, который подобает Вашему чину; мы серьезно боимся, ибо еще не знаем, каковы комнаты в нашей усадьбе, какова мебель и проч. Мы наняли на удачу. Очень возможно, что вместо палатки найдем свиной хлевок... Во всяком случае, во всю ивановскую будем стараться обставить Вашу жизнь возможно комфортнее и задержать Вас больше, чем на две недельки»* (Чехов 1975:247).

Таким образом, можно заключить, что А.П. Чехов обладал высокой степенью общительности и сложным комплексом гибких дискурсивных стратегий. Коммуникативное поведение писателя отличалось сознательным нарушением принципов, норм и конвенций общения с целью действием от «противного» добиться положительной коммуникативной результативности. А поскольку тип личности находит свое отражение в дискурсе, можно предположить, что А.П. Чехова можно отнести к игровому и демократическому типу языковой личности.

Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград – Саратов, 1998.

Седов К.Ф. Жанр и коммуникативная компетенция // Хорошая речь. Саратов. 2001. С. 107-117.

Чуковский К.И. Чехов // Современники. Портреты и этюды. М., 1963.

Постскрипtum

На нашей юмористической страничке предлагаем вниманию читателей исследование концепта «Н.М.Вахтель», осуществленное докторами филологических наук профессорами З.Д. Поповой и И.А. Стерниным. Данное исследование посвящено юбилею ученого секретаря диссертационного совета при филологическом факультете Воронежского университета Натальи Михайловны Вахтель.

Описание концепта в предлагаемой ниже статье осуществлено в рамках концепции теоретико-лингвистической школы кафедры общего языкознания ВГУ. Методика моделирования концепта может быть использована на полном серьезе при описании других концептов.

З.Д. Попова, И.А. Стернин

Концепт «*Н.М.Вахтель*» в отечественной концептосфере

Концепт «Н.М.Вахтель» относится к ярким и важным концептам отечественной концептосферы.

Этот концепт имеет в отечественной концептосфере достаточно обширное номинативное поле. Он объективируется такими лексическими единицами, как *Наталья, Наташа, Наташка, Вахтель, Наталья Михайловна, кандидат наук, доцент, ученый секретарь, мастер художественного слова, красивая женщина, красotka*.

При этом номинативное поле концепта «Н.М.Вахтель» постоянно расширяется. В последнее время данный концепт стал актуализироваться такими единицами, как *ведущая радиопередачи «Территория слова», лучший преподаватель филфака по версии журнала «Любимый город», а также доктор филологических наук* (последняя номинация требует еще ВАКовской легализации, но сомнений в легализации в когнитивном сознании народа нет).

Расширение номинативного поля концепта свидетельствует о возрастании активности денотата концепта – то есть самой Натальи Михайловны, о возрастающей коммуникативной востребованности этого концепта (а это значит, что о денотате концепта стали больше говорить, чаще к нему обращаться, чаще упоминать его в беседах между собой), что свидетельствует о неуклонном повышении популярности денотата концепта и

продолжающейся активной концептуализации Натальи Михайловны Вахтель общественным сознанием.

Образным ядром концепта «Н.М.Вахтель» является в настоящее время перцептивный образ, номинируемый словосочетанием *красивая дама в новых очках*.

Информационное содержание концепта включает такие когнитивные признаки, как: *филолог, прагмалингвист, синтаксист, преподаватель, ученый секретарь, жена, мать и мать отца внука* (когнитивный признак *бабушка* Н.М. Вахтель приписан быть не может в силу комплекса общеизвестных причин перцептивного и когнитивного характера).

Однако перечисленные признаки не способны передать все богатство концепта «Н.М.Вахтель» в отечественной концептосфере.

Обширное **интерпретационное поле** концепта «Н.М.Вахтель» включает большое количество когнитивных признаков, характеризующих разноаспектную деятельность Н.М. Вахтель, отношение к ней и оценку ее деятельности общественным сознанием народа.

Среди этих признаков могут быть названы такие как *обаяние, остроумие, легкость в общении, отзывчивость, умение дружить, готовность помочь, веселый нрав, коммуникабельность, готовность выпить, умение одеваться и причесываться, кино- и библиомания, умение брать в голову, но неглубоко, непринужденность в поведении и общении, а также умение находить выход из положений*.

Данный список не является исчерпывающим, а включает лишь наиболее наблюдаемые общественным сознанием признаки, частотно актуализирующиеся в актах поведения и общения Н.М. Вахтель с коллегами и друзьями.

Важнейшая специфика анализируемого концепта «Н.М.Вахтель», выявившаяся в ходе когнитивного исследования, заключается в том, что в анализируемом концепте «Н.М.Вахтель» выделяется уникальный для современной когнитивной лингвистики и для современной жизни вообще когнитивный суперпризнак – **«ЕЕ ВСЕ ЛЮБЯТ»**.

Аналогичный когнитивный суперпризнак не удалось выявить ни в одном из известных нам аналогичных концептов за всю историю наблюдений и когнитивных исследований, что отражает яркую когнитивную специфику концепта «Н.М.Вахтель» и квалифицирует данный концепт как эндемичный в отечественной концептосфере.

Проведенное исследование одного из центральных концептов университетской и воронежской концептосферы – концепта «Н.М.Вахтель» – показывает важнейшую роль этого концепта в филологическом и человеческом мире и свидетельствует о необходимости его дальнейшего всестороннего исследования с целью максимально полного описания его специфики и уникальности в современном мире.

А денотату концепта – самой Наталье Михайловне Вахтель – желаем здоровья, скорейшей докторской легализации (легализация осуществлена в ноябре 2005. – *Прим. редколлегии*) и, говоря словами известной песни,

«чаще повод подавать раздувалам жарких сплетен», а также написать мемуары о своей яркой жизни.

Содержание

Вопросы теории

<i>Стернин И.А. (Воронеж)</i> Семасиология и лингвоконцептология	4
<i>Чарыкова О.Н. (Воронеж)</i> Метафора в национальной картине мира	8
<i>Чубур Т.А. (Воронеж)</i> Контрастивный семный словарь: назначение и принципы создания	12
<i>Мельников-Давыдов П.И. (Борисоглебск)</i> Функциональные стили в русском языковом сознании (синхронический и диахронический взгляд)	16

Языковое сознание

<i>Атланова Е.О. (Борисоглебск)</i> Экспериментальное изучение понятия «новое слово» в русском языковом сознании	22
<i>Шилова Г.Е. (Борисоглебск)</i> Стилистическая характеристика иноязычных слов, используемых в современной русской публицистике	24
<i>Лаенко Л.В., Сычёва В.В. (Воронеж)</i> Русское <i>близкий</i> в диахронии и синхронии языка	29
<i>Калугина В.А. (Воронеж)</i> Лексическая сочетаемость как фактор дифференциации синонимов в национальном языковом сознании (на примере лексем <i>зной, жар, жара</i>)	34
<i>Фридман Ж.И. (Воронеж)</i> Гендерные и возрастные особенности психологически реального значения слов «помощь» и «труд»	38
<i>Зацепина Е.А. (Борисоглебск)</i> Определение психологически реального значения слова (на примере лексем <i>вежливость</i> и <i>грубость</i>)	44
<i>Зленко И.П. (Воронеж)</i> Номинация «французский язык» в русском языковом сознании	48
<i>Лихачева А. (Вильнюс, Литва)</i> Русская составляющая в современном литовском языковом сознании	50
<i>Паничкина О.В. (Липецк)</i> Из опыта контрастивного анализа лексических группировок «учитель» и «ученик» в русском и английском языках	56
<i>Подвигина С.М. (Воронеж)</i> Символика номинаций плохой и хорошей погоды в русских пословицах	60
<i>Хаустова Э.Д. (Воронеж)</i> Образы обуви в языковом фразеологическом сознании русского и английского народов	62
<i>Медведева А.В. (Воронеж)</i> Национальные ритуалы и формирование символического значения наименований бытовых реалий в русском и английском языковом сознании	66
<i>Поталуи В.В. (Воронеж)</i> Семная структура лексико-фразеологического поля (на материале русского и английского языков)	70
<i>Дудкина Л.Н. (Воронеж)</i> Национальная специфика ключевых слов ЛФП «Приготовление пищи» в русском и английском языках	72
<i>Панкова Т.Н. (Воронеж)</i> Метафоры <i>зерно</i> (grain) и <i>семя</i> (seed) в русском и английском языковом сознании	75

<i>Мещерякова Н.Н. (Борисоглебск)</i> Паронимы и паронимазия в русском и немецком языках	78
<i>Бавыкина Е.В. (Воронеж)</i> Водная тематика в сфере космической лексики	81
<i>Беляева Н.Л. (Воронеж)</i> Пространственная метафора в сфере репрезентации товарно-денежных отношений	84
<i>Зими́на Л.И. (Ярославль)</i> Национальная специфика немецких фразеологизмов с компонентом «Mund» на фоне русского языка в контексте межкультурной коммуникации	87
<i>Назарова И.В. (Воронеж)</i> Образные выражения: национальное и общечеловеческое	93
<i>Моисеева С.А. (Белгород)</i> Контрастивное исследование глаголов восприятия французского и итальянского языков	95
<i>Адо́нина Л.В. (Севастополь)</i> Ассоциативное поле <i>женщина</i> в русском языковом сознании: гендерный аспект	105
<i>Сетаров Р.Д. (Елец)</i> Фитонимическая фразеология и паремии славянских, германских, романских и тюркских языках	115
<i>Маклакова Е.А. (Воронеж)</i> Национальная специфика наименований лиц (русское <i>мать</i> и английское <i>mother</i>)	121

Когнитивное сознание

<i>Шевченко М.Ю. (Борисоглебск)</i> Концепт <i>культурный</i> в лексикографическом отражении	124
<i>Шевченко М.Ю. (Борисоглебск)</i> Концепт <i>культурный</i> по данным направленного ассоциативного эксперимента	129
<i>Чедыгова А.В. (Благовещенск)</i> Концепт <i>провинция</i> в русском языке	133
<i>Литвинова Ю.А. (Воронеж)</i> Лексическая объективация концепта <i>город</i> в русском языке	138
<i>Литвинова Л.А. (Воронеж)</i> Проблема ключевого слова-репрезентанта концепта <i>деревня</i> в современном русском языке	140
<i>Киселева Г.В. (Борисоглебск)</i> Культурный концепт <i>Москва</i> по экспериментальным данным	143
<i>Мамлеева Э.Р. (Воронеж)</i> К изучению лексико-фразеологического поля, объективирующего концепт <i>волшебство</i>	149
<i>Трущинская А.С. (Воронеж)</i> Фразеологическая объективация концепта <i>семья</i> в русском языке	153
<i>Катуков С.С. (Воронеж)</i> Номинативное поле концепта <i>брань</i> и моделирование содержания концепта	159
<i>Каменская В.М. (Воронеж)</i> Концепт <i>труд</i> в русской зооморфной пословице	160
<i>Шаманова М.В. (Борисоглебск)</i> Гендерная специфика категории <i>общение</i> (по данным свободного ассоциативного эксперимента)	163
<i>Деева Н.В., Куданкина О.А. (Кемерово)</i> Когнитивные стереотипы восприятия феномена <i>жизнь</i> русским сознанием	168

<i>Маняхин А.В. (Тамбов)</i> Концепт <i>разум</i> в сознании школьников и студентов-филологов	173
<i>Глушкова И.С. (Воронеж)</i> Экспериментальное описание концепта <i>форма</i>	180
<i>Тазетдинова Р.Р. (Уфа)</i> Концептуально-системный анализ в описании лексики	183
<i>Тазетдинова Р.Р. (Уфа)</i> Типизированные концептуальные модели жилища в американской и русской концептосферах	186
<i>Проценкова Н.В. (Благовещенск)</i> Лакунарность и когнитивная картина мира в близкородственных языках	189
<i>Куликова Л.В. (Красноярск)</i> Коммуникативная и социокультурная экспликация отношения к пространству в русской и немецкой лингвокультурах	195
<i>Рудакова А.В. (Воронеж)</i> Объективация концепта <i>мысль</i> в языковой картине мира	200

Коммуникативное сознание

<i>Куликова Л.В. (Красноярск)</i> Коммуникативный стиль и <i>lingua franca</i> в межкультурной коммуникации	206
<i>Андрей Мария (Тимишоара, Румыния)</i> Правила представления и знакомства у румын	212
<i>Лемяскина Н.А. (Воронеж)</i> Концепт « <i>невежливый человек</i> » в коммуникативном сознании ребенка	217
<i>Савицкайте Е.Р. (Воронеж)</i> Принципы кооперации и вежливости в прогностических текстах (на примерах русских и немецких гороскопов)	221
<i>Лемяскина Н.А. (Воронеж)</i> Концепты <i>диалог</i> и <i>монолог</i> в коммуникативном сознании младших школьников	227
<i>Пасечник О.В. (Воронеж)</i> Метафорическая репрезентация агрессора, врага и жертвы в медиа-картине мира	230
<i>Жуленева Е.С. (Ярославль)</i> Общие жанровые особенности электронного эпистолярия	233
<i>Швец Е.В. (Воронеж)</i> Интервью как один из типов устного публичного диалога	237
<i>Куликова Л.В. (Красноярск)</i> Проявление национального коммуникативного стиля в немецком академическом дискурсе	240
<i>Куркина А.С. (Воронеж)</i> Общительность как ключевой параметр языковой личности А.П. Чехова	245

Постскриптум

<i>Попова З.Д., Стернин И.А. (Воронеж)</i> Концепт «Н.М.Вахтель» в отечественной концептосфере	250
--	-----